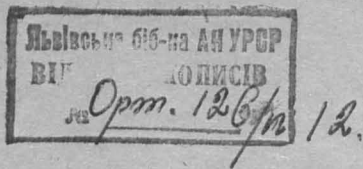

Lwowska Naukowa Biblioteka im. W. Stefanyka NAN Ukrainy. Oddział Rękopisów.
Zespół (fond) 73.
Archiwum Ostapa Ortwina

126. Archiwum Ostapa Ortwina. Przewodnik po historii rosyjskiego ruchu wyzwolenczego,
Paryż 1908 (80).

STRONY NIEZAPISANE NIE ZOSTAŁY ZDIGITALIZOWANE

2010

Тылоє. Сборник по
истории русского освободительного движения,
№ 7. Paris, 1908. 160 с.

80 арк.

Друкарський присірник.

№ 1468

LE PASSÉ

Материалы *до справки*
Степанова Вронцовского

БЫШОЕ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

№ 7 *Ostap Ortwin.*

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

1908

СОДЕРЖАНІЕ.

---

1. Возстаніе урупскихъ казаковъ. **Д. В. Д.**
2. И. П. Каляевъ (изъ воспоминаній). **Егора Созонова.**
3. Воспоминанія объ И. П. Каляевѣ. **Бориса Савинкова.**
4. Кассационная жалоба И. П. Каляева.
5. Подкопъ подъ Херсонское казначейство. **Ө. Юрковскаго.**
6. По поводу воспоминаній Ө. Н. Юрковскаго. **М. Ф. Фроленко.**
7. Изъ воспоминаній Ив. Окунцова. I. Разгромъ Забайкалья генераломъ Ренненкампомъ. II. Читинскія казни.
8. Къ дѣлу Соф. Мих. Гинсбургъ (изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній за 1889 г.“).
9. Царскій Листокъ.
10. Газета Департамента Полиціи: а) аресты членовъ Б. О. П. С. Р. въ 1903 г.; б) покушеніе на Трепова въ 1905 г.; в) крестьянскій союзъ въ 1905 г.; г) политическая и культурная программа земцевъ; д) письмо с.-д.
11. Изъ воспоминаній М. Еф. Бакая. О черныхъ кабинетахъ въ Россіи.
12. Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія. **В. Л. Бурцева.**
13. Памяти народовольцевъ. (О портретахъ С. Л. Перовской, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, Г. Гельфманъ, А. И. Баранникова, Н. Колодкевича, Н. Е. Суханова и Ю. Н. Богдановича.) **В. Н. Фигнеръ.**
14. Изъ записокъ Н. В. Клыточникова.
15. Изъ міра мерзости и запустѣнія (1. О Станиславѣ Вржозовскомъ. 2. Письмо А. Святополкъ-Мірской.)
16. Отъ редакціи журнала „Былое“. **В. Л. Бурцева.**

Въ текстѣ напечатаны fac-similes Царскаго Листка и открытаго листа для полученія писемъ съ почты.

№. 1468

LE PASSÉ

До справы Станіслава Бжозовскаго
№. 1463 — 1468.

БЫЛОЕ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ

РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

№ 7

Остап Бжозовскі

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS

11, RUE DU LUNAIN, 11

—
1908

Возстаніе 2-го Урупскаго казачьяго полка.

1904-й годъ. Съ театра русско-японской войны шли все новыя и новыя вѣсти о пораженіяхъ. А изъ Россіи тянулись въ далекую Манжурію все новыя и новыя полки. Нѣсколько полковъ Кубанскихъ казаковъ уже находилось въ Манжуріи. Отъ нихъ время отъ времени приходили письма къ роднымъ въ Кубанскія станицы. Не веселыя то были письма!... Начальство воруетъ, казаки не имѣютъ самаго необходимаго, японцы всегда оказываются лучше одѣты, лучше обуты и хорошо подготовлены! „Бьютъ нашихъ!“ — поговаривали уже въ станицахъ, какъ ни старалось начальство скрыть размѣры пораженій.

Такое было настроеніе, когда по станицамъ Майкопскаго отдѣла объявленъ былъ сборъ казаковъ Урупскаго полка второй очереди. Сколько ни говорило начальство патриотическихъ рѣчей о священной обязанности поддержать славу русскаго оружія, сумрачныя являлись казаки на внезапно объявленную для нихъ службу. Они отбыли уже свои сроки дѣйствительной службы, большинство поженилось, обзавелось дѣтьми, своимъ хозяйствомъ, и вдругъ снова на службу, и на долго ли?! Уходя урупцы прощались съ семьями, — итти надо вѣдь въ Манжурію, — удастся ли снова вернуться на Кубань и снова повидаться съ родными?

Полкъ собрался въ Екатеринодарѣ. О походѣ начальство ничего не говоритъ. Отдѣльныя части рассылаются въ разныя мѣста: 2-ая и 4-ая сотня — въ гор. Новороссійскѣ, 5-ая — въ Усть-Лабу, остальные — въ Екатеринодарѣ. Своимъ чередомъ идетъ ученье, а главное донимаютъ парады и караулы. Сегодня въ Новороссійскѣ за городомъ митингъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, — четвертой сотнѣ быть на готовѣ! Въ Екатеринодарѣ забастовка маслобойныхъ рабочихъ, — казаки посылаются патрулями въ объѣздъ. У богатаго помѣщика N рабочіе поломали сельско-хозяйственныя машины, помѣщикъ шлетъ телеграмму начальнику области, — отдается приказъ казакамъ немедленно выѣхать въ экономію N.

Вотъ уже и война кончилась, а казаки все на службѣ. Рошщутъ казаки, а забастовочное движеніе все растетъ. Забастовки идутъ въ экономіяхъ, митинги сначала тайные происхо-

дять въ станицахъ. Изъ газетъ до казаковъ доносятся вѣсти о забастовкахъ солдатъ въ Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Воронежѣ... Наконецъ, 18-го октября въ Екатеринодарѣ дѣлается извѣстнымъ манифестъ. Громадный митингъ собирается въ городскомъ саду. Стройно съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двигается десятитысячная толпа по главной улицѣ. Около Соборной площади на встрѣчу шествію выходитъ кучка переодѣтыхъ городовыхъ съ царскимъ портретомъ. Все заранѣе расчитано. Камень летитъ въ царскій портретъ, раздается провокаторскій выстрѣлъ. Изъ-за угла выѣзжаетъ приготовленная сотня казаковъ. Раздается команда: „пли!“... Рядъ ружейныхъ выстрѣловъ... Люди бѣгутъ въ ближайшія поперечныя улицы... Послѣ выстрѣловъ быстро собираются черносотенцы, городовые кричатъ: „Къ дому доктора Рохлина! съжечь его!“ Толпа поднимаетъ принесенное бѣлое знамя съ изображеніемъ государственнаго орла. Знаменосецъ становится на троттуарѣ противъ дома Рохлина. Начинается погромъ; вламываются въ домъ, рвутъ книги, бьютъ посуду, ломаютъ мебель. Призваннымъ къ дому казакамъ отдается приказъ: громиламъ не препятствовать. Задумываются казаки. Что бы это значило? всѣ говорятъ, — добрый докторъ и къ народу хорошо относился, а начальство содѣйствуетъ погрому!

А дальше начинаются событія, которыя еще болѣе заставляютъ казаковъ задуматься. Въ городѣ образовывается Рабочій Комитетъ изъ представителей заводовъ и представителей отдѣльныхъ отраслей труда. Митинги происходятъ открыто, въ отведенномъ начальствомъ для митинговъ городскомъ саду. О времени митинговъ рассылаются объявленія отъ имени Рабочаго Комитета. Тысячныя толпы со вниманіемъ выслушиваютъ ораторовъ. Говорятъ о народной нуждѣ, о произволѣ начальства, объ единеніи солдатъ съ народомъ. Выступаютъ интеллигенты, простые рабочіе, время отъ времени — солдаты и казаки.

Казармы Урупскаго полка по сосѣдству съ городскимъ садомъ. Хотя начальство и запрещаетъ посѣщать митинги, но какъ не послушать, что говорятъ про казацкую и солдатскую службу. Казаки раздобываютъ „вольную одежду“, переодѣваются, перелѣзаютъ черезъ заборъ и смѣшиваются съ толпой. Заводятся знакомства съ „вольными“. Соціалисты-революціонеры въ это время усиленно вели пропаганду между солдатами Анапскаго батальона. Нѣсколько человекъ изъ каждой роты посѣщали конспиративную квартиру, запасались тамъ книжками и прокламаціями и раздавали ихъ въ своихъ ротахъ. Завязываются связи и съ казаками. Отдѣльные казаки начинаютъ также посѣщать эту квартиру. Постепенно завязываются сношенія между казаками и солдатами. Особенно связи эти укрѣпляются во время забастовки Анапскаго батальона.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ распропагандированные анаповцы открыто повели агитацію за предъявленіе требованій къ начальству.

Требования были выработаны, весь батальонъ одобрилъ ихъ. Анаповцы заявили, что они не допустятъ къ себѣ въ казармы ни одного офицера, пока требования не будутъ удовлетворены. Были произведены выборы своего начальства. Командиромъ батальона былъ избранъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ. Забастовка анаповцевъ протекала совершенно мирно. Отбывались полагавшіеся караулы, производились ученья, но только все подъ командой выбранныхъ изъ своей же среды начальникобъ. Новостью въ батальонѣ являлись лишь общія собранія ротъ и всего батальона, на которыхъ начальники совѣщались со своими подчиненными и принимались рѣшенія. Новостью были и посѣщенія „вольныхъ“, допускавшихся съ разрѣшенія выбраннаго батальоннаго командира.

Начальство сначала отнеслось къ забастовкѣ легко и думало привести ее къ концу въ нѣсколько дней. Наказной атаманъ пожелалъ вступить въ переговоры, былъ съ разрѣшенія батальоннаго командира допущенъ въ казармы и увѣщаль солдатъ подчиниться законной власти. Анаповцы встрѣтили наказнаго атамана почтительно со всѣмъ полагающимся по закону церемоніаломъ, но изъ своихъ требованій ничего не уступили и принять своихъ офицеровъ отказались. Тогда начальство стало готовить военную силу, чтобы привести анаповцевъ къ подчиненію. Такой силой въ рукахъ начальства могли быть казаки.

Офицеры-урушцы въ разговорахъ съ казаками начали говорить, что солдаты набираются изъ хулигановъ, сегодня онъ — солдатъ, а завтра пойдетъ опять въ шахтеры, что они забыли присягу и надо ихъ проучить.

Но анаповцы, въ свою очередь, тоже не дремали. Около анаповскихъ казармъ находится пороховой погребъ Урупскаго полка. Въ городѣ уже давно ходили слухи, что при первой надобности анаповцы безъ всякаго почти сопротивленія могутъ захватить казачью артиллерію и пороховой погребъ. Начальство знало это и стало высылать усиленные караулы къ пороховому погребу. По ночамъ къ карауламъ подходили анаповцы, разговаривали о своихъ требованіяхъ, объ обидахъ и притѣсненіяхъ со стороны начальства, а эти обиды и притѣсненія тѣ же, что и у казаковъ. Нѣкоторые изъ казаковъ стали посѣщать и казармы анапскаго батальона. Предметомъ обсужденія былъ все тотъ же вопросъ: неужели вы, братья-казаки, будете стрѣлять въ насъ, солдатъ?

Разговоры о томъ, можно ли стрѣлять въ анаповцевъ, стали уже открыто вестись въ казармахъ Урупскаго полка. Разговоры велись въ такомъ тонѣ, что начальство отдало распоряженіе: офицерамъ не отлучаться отъ своихъ сотенъ и постыжнло удовлетворить главныя требованія анаповцевъ. Забастовка анаповцевъ кончилась, офицеры вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и только въ обращеніи ихъ съ солдатами замѣтна была большая перемена.

Урупцамъ уже не угрожаетъ идти съ оружіемъ противъ анаповцевъ. Но тутъ всплыли уже всё притѣсненія и обиды, которыя накопились у урупцевъ. Почему насъ держали до сихъ поръ на службѣ? Мы отбыли уже свою службу. Насъ набрали для войны. Война теперь кончена. Не дѣло казаковъ нести полицейскую службу. Царь далъ манифестъ, теперь митинги разрѣшены, на митингахъ люди мирно говорятъ о своихъ нуждахъ, а начальство незаконно посылаетъ насъ разгонять митинги. Нельзя, по манифесту, бить гражданъ... Насъ посылаютъ охранять помѣщичью экономію, а у насъ свои хозяйства остались безъ работниковъ, наши семьи раззоряются... Чего намъ еще ждать? — нужно добиваться самимъ, какъ анаповцы.

Такіе разговоры открыто велись въ казармахъ Урупскаго полка. Особенно выдавался своими рѣчами сотенный фельдфебель Шумаковъ. Молодой, горячій, онъ велъ знакомство съ анаповцами, читалъ книжки, видалъ прокламаціи. На происходившихъ въ казармахъ собраніяхъ онъ выступалъ ораторомъ. Его не смущало и появленіе офицеровъ. Внезапно на собраніе является офицеръ, онъ не кричитъ уже: „смирно! стройся!“, а скромно становится въ сторонкѣ, пробуетъ возражать оратору, доказывая, какъ много начальство печется о казакахъ.

— Знаемъ, знаемъ заботы начальства! — раздается съ разныхъ сторонъ.

— Гдѣ же, ваше благородіе, эти заботы начальства? — возвышается свей голосъ Шумаковъ. У войска есть, говорятъ, большіе войсковые капиталы, о чемъ бы войску и ни позаботиться, какъ не о нашихъ семьяхъ. А развѣ наши семьи получили какую-нибудь помощь? У войска есть стипендіи для казацкихъ дѣтей. Я хлопоталъ о стипендіи для брата. Ее отдали офицерскому сыну. Не для насъ эти капиталы, не для насъ стипендіи!

— Вѣрно! правда! — раздается сочувственный говоръ казаковъ.

Съ каждымъ днемъ настроеніе казаковъ повышалось. Тотъ или иной выходъ становился неизбѣжнымъ. Это понимали всѣ. Въ ночь на 25 ноября рѣшено было собраться наиболѣе вліятельнымъ въ своихъ сотняхъ казакамъ, чтобы прийти къ какому-нибудь общему рѣшенію. На собраніи этомъ окончательно было рѣшено предъявить начальству требованія. Главнымъ требованіемъ должно быть распусценіе полка по домамъ. Пока требованія обсуждались по сотнямъ, произошло событіе, которое ускорило развязку. 14-й и 17-й батальоны, посланные для умирненія народнаго возстанія въ Сочи, Новороссійскъ и другія мѣста, отказались нести службу и разошлись по домамъ. Немедленно рѣшено было послать депутацію къ сотнямъ, расположеннымъ въ Новороссійскѣ, съ предложеніемъ присоединиться къ ихъ требованіямъ.

Вхвать депутатами отъ полка вызвалось нѣсколько молодыхъ

казаковъ. 15-го декабря они явились на вокзалъ, обратились къ желѣзнодорожному забастовочному комитету, рассказали о цѣли своей поѣздки, и экстреннымъ поѣздомъ были доставлены въ Новороссійскъ.

Казаки, находившіеся въ Новороссійскѣ, не зная, что происходитъ въ другихъ сотняхъ въ Екатеринодарѣ, недовѣрчиво отнеслись къ депутатамъ. „Пусть къ намъ придутъ старшіе, пусть намъ скажутъ урядники, мы отъ полка не отстанемъ!“ — были общіе отвѣты.

Когда вернувшіеся делегаты сообщили полку объ отвѣтѣ, полученномъ ими отъ расположенныхъ въ Новороссійскѣ сотенъ, немедленно рѣшено было послать новую депутацію. Въ нее вошли исключительно урядники и, притомъ, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ въ полку: Курчановъ, Сушковъ, Гаврилюкъ и др. Совѣщанія о посылкѣ депутатовъ происходили уже въ присутствіи офицеровъ. Объ отъѣздѣ избранныхъ депутатовъ сообщили сотенному командиру. Онъ не рѣшился протестовать, и делегаты съ вѣдома начальства ушли изъ казармъ. 17-го декабря особымъ поѣздомъ, предоставленнымъ имъ забастовочнымъ комитетомъ, депутаты были доставлены въ Новороссійскъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ депутаты отправились въ казармы 4-й и 6-й сотенъ. Бывшій въ числѣ депутатовъ урядникъ Курчановъ сообщилъ о рѣшеніи полка самовольно уйти со службы, если начальство не исполнитъ ихъ требованія о роспускѣ по домамъ и предложитъ казакамъ присоединиться къ ихъ рѣшенію. Раздались крики: „согласны, всѣ согласны!“ и казаки начали укладывать свои вещи.

Сотенный командиръ, желая раздѣлить казаковъ, командовалъ: „кто хочетъ уходить, — направо, кто хочетъ остаться, — налево!“ Налѣво пошли только два казака, много разъ оштрафованные за пьянство и воровство. Раздается общій смѣхъ, и самъ сотенный командиръ, сконфузившись, пробормоталъ: „Такой сволочи мнѣ не падо, можете и вы уходить!“

Былъ уже поздній вечеръ, когда депутаты отправились во 2-ю сотню. Одна полусотня была размѣщена въ товарныхъ вагонахъ на рельсовыхъ путяхъ. Казаки уже спали. Командиръ же полусотни Бѣлгородскій, узнавши о пріѣздѣ депутатовъ и о цѣли, рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не допустить депутатовъ до казаковъ. Онъ выбралъ самыхъ надежныхъ изъ казаковъ и сталъ вмѣстѣ съ ними на караулѣ. Когда депутаты приблизились къ вагонамъ, раздался окликъ: „Кто идетъ?“ — „Депутаты отъ полка!“ — „Зачѣмъ?“ — „Снять со службы!“ — „Вѣстовой! — давай винтовку!“, командовалъ офицеръ. Депутаты были безъ оружія. Стоявшіе на караулѣ казаки готовы были стрѣлять. Ничего другого не оставалось, какъ повернуть назадъ. Эта полусотня была единственная, которая не примкнула къ движенію всего полка.

19 декабря, когда депутаты вернулись въ Екатеринодаръ,

было рѣшено, что всѣ сотни встрѣтятъ прибывающихъ изъ Новороссійска. Казаки осѣдлали лошадей и въ полномъ составѣ сотнями отправились на вокзалъ. Видя свои сотни построеными, офицеры рѣшили, что обязанность ихъ — быть при сотняхъ, и также отправились на вокзалъ. Бурные крики „ура“ раздались, когда подошелъ поѣздъ съ урупцами. Въ 12 час. рѣшено было всѣмъ казакамъ Урупскаго полка собраться во дворѣ 3-ей сотни. Размѣстившись командой, казаки собрались во дворѣ 3-ей сотни. Вышелъ Шумаковъ и прочиталъ выработанныя требованія полка. Требованія эти изложены такъ: „Просьба 2-го Урупскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска: 1. просимъ всѣмъ полкомъ о роспускѣ въ недѣльный срокъ; 2. удовлетворить всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, при роспускѣ, деньгами, положенными отъ казны, войска, города, желѣзной дороги и сотенныхъ артельныхъ суммъ; 3. дать намъ отъ начальства подписку, чтобы за эту просьбу никто изъ нижнихъ чиновъ полка не пострадалъ, какъ полкомъ, такъ и въ одиночку; 4. казaku Александру Сливкину, осужденному въ дисциплинарный батальонъ, смягчить наказаніе“. Требованія встрѣтили общее одобреніе. Скоро стало извѣстно, что на сходку казаковъ придутъ наказный атаманъ Одинцевъ, его помощникъ, генералъ Бабичъ, и начальникъ штаба, генералъ Пржевальскій, выслушать претензіи казаковъ. При появленіи начальства подбесаулъ Кучеровъ попробовалъ скомандовать: „Смирно! стройся!“ Къ нему подошелъ урядникъ Курчановъ и заявилъ:

— Ваше благородіе, къ чему строиться, довольно строились, полкъ вышелъ изъ повиновенія, — и вы здѣсь не командуете!

— Очень жаль! — пробормоталъ сконфуженный офицеръ.

— Кому жаль, а намъ совсѣмъ не жаль. Товарищи, становись въ кругъ!

Явилось начальство. Начальникъ области, генералъ Одинцевъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ стоявшихъ вольно группами казаковъ. Но помощникъ его, генералъ Бабичъ, не вытерпѣлъ и, обратившись къ группѣ стоявшихъ около него урядниковъ, проговорилъ:

— Передъ кѣмъ стоите? Со всѣхъ васъ надо снять пашивки!

Генералъ Бабичъ былъ ненавидимъ всѣми казаками, среди урупцевъ о немъ говорили, что онъ подбиваетъ оставшихся еще на службѣ пластуновъ пойти съ оружіемъ на урупцевъ. На его замѣчаніе раздался глухой ропотъ, который грозилъ перейти въ наступленіе на генерала. Начальникъ области понять это и громко заявилъ:

— Только я имѣю право разжаловать и снять пашивки!

Самъ Бабичъ смутился и пробормоталъ:

— Я только шутки ради такъ сказалъ.

— Не до шутокъ намъ здѣсь, — отвѣтили казаки.

— Чего вы хотите? — обратился начальник области къ собравшимся казакамъ.

Толпа заговорила вся сразу, трудно было разобрать что-либо въ общемъ говорѣ. Тогда начальникъ области обратился къ толпѣ:

— Кто изъ васъ можетъ говорить, выходи и говори одинъ!

Вышелъ урядникъ Курчановъ.

— Прежде, чѣмъ говорить, прошу ваше превосходительство удалить нашихъ офицеровъ, — заявилъ Курчановъ.

Начальникъ области велѣлъ офицерамъ отойти.

— Много казаки терпѣли, началъ Курчановъ: насъ кормили такъ, что пищу часто приходилось выбрасывать, наши помѣщенія сырыя, въ нихъ люди заболѣваютъ. Наши офицеры обрацались съ нами хуже, чѣмъ со скотами. Мы терпѣли и терпѣли бы дальше. Но начальство заставляетъ насъ идти противъ народа, заставляетъ проливать кровь невинныхъ людей. Полицейской службы казаки больше нести не желаютъ. Войны теперь нѣтъ, и поэтому полкъ требуетъ, чтобы въ теченіе 7-ми дней онъ былъ распущенъ.

Все это было сказано твердо, рѣшительно и поддержано всѣми присутствовавшими казаками. Начальникъ области увидѣлъ, что разговаривать тутъ безцѣльно, обратившись къ казакамъ, сказалъ:

— Не я васъ собиралъ, не могу васъ и распускать. Отъ царя же вамъ разрѣшенія уходить нѣтъ. Вотъ вамъ телеграмма отъ графа Витте, который у царя первымъ министромъ. Онъ приказываетъ казакамъ отправиться въ Новороссійскъ. Тамъ хулиганы захватили городъ и грозятъ разграбить банкъ. Не хотите слушаться, дѣйствуйте, какъ знаете, хотите уходить — уходите!

— Въ Новороссійскѣ нѣтъ хулигановъ, тамъ народъ прогналъ своихъ начальниковъ, — раздались голоса прибывшихъ изъ Новороссійска казаковъ.

— А какъ они телеграммы получили, когда вторую недѣлю телеграфъ бастуетъ? — вдругъ раздался голосъ одного изъ урядниковъ. — Насъ обманываютъ, братцы, телеграмма подложная.

— Больше разговаривать нечего, — сказалъ Курчановъ, — наши требованія начальство удовлетворить не желаетъ, мы должны съ оружіемъ въ рукахъ заставить начальство исполнить наши требованія.

— И ждать больше нечего, — крикнулъ Гаврилюкъ, — пластуны уже ушли, и намъ нужно дѣйствовать открыто. Нужно выбрать командира и уходить.

— Курчанова, Курчанова! — раздалось въ толпѣ.

— Эхъ, братцы, погибать придется, у меня вѣдь жена — ее не оставьте!

— Не оставимъ, не оставимъ! — раздалось по рядамъ казаковъ.

— Ну, такъ давайте отъ каждой сотни подписку, что меня командиромъ выбираете!

Быстро были написаны по числу сотенъ листы съ уполномочіемъ Курчанова командовать полкомъ и съ обязательствомъ всѣхъ казаковъ подчиниться ему, какъ законному командиру.

— Теперь, братцы, выбрать сотенныхъ командировъ.

Сотни разошлись по разнымъ концамъ двора, намѣтили сотенныхъ командировъ. Курчановъ утвердилъ выборы.

Курчановъ собралъ сотенныхъ командировъ и приказалъ отнынѣ за всѣми распоряженіями обращаться къ нему. Самъ же подошелъ къ оставшемуся въ сторонѣ начальнику штаба и заявилъ:

— Полкъ уходитъ, — кому прикажете сдать посты?

Начальникъ ничего не отвѣтилъ, и со слѣдующаго дня на постахъ урупцевъ стояли уже не разошедшіеся пластуны.

Не сняты, а усилены были только посты около полковой канцеляріи, гдѣ хранилось полковое знамя и денежный ящикъ.

День прошелъ въ сборахъ. Къ Курчанову то и дѣло обращались за распоряженіями. Нѣсколько человекъ было послано снять вѣстовыхъ у офицеровъ. Вѣстовые брали свои вещи и уходили. Нѣкоторые обратились къ офицерамъ за разрѣшеніемъ. „Уходи, уходи, закричалъ офицеръ одному изъ вѣстовыхъ, а то подумаютъ, что я тебя задерживаю.“

Такова была растерянность офицеровъ.

Между тѣмъ, въ городѣ на Соборной площади шелъ десяти-тысячный митингъ. Неожиданно на митингъ явился верхомъ на лошади казакъ. Толпа сначала съ недовѣріемъ посмотрѣла на казака, но пропустила его къ мѣсту предсѣдателя. Предсѣдатель, переговоривши съ казакомъ, объявилъ, что явился посланный отъ Урупскаго полка съ увѣдомленіемъ, что полкъ рѣшилъ не нести больше полицейской службы и уходитъ въ родныя станицы. Полкъ шлетъ привѣтствіе гражданамъ и въ случаѣ преслѣдованія со стороны начальства ждетъ, что народъ поддержитъ его въ его борьбѣ.

Оглушительное „ура“, „слава урупцамъ“ не смолкало на площади. Шапки полетѣли вверхъ. Никогда еще не видѣлъ такой встрѣчи ни одинъ казакъ!

Толпа окончила митингъ и разошлась по улицамъ. Небольшія толпы демонстрантовъ были въ разныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ, у начальника оставались еще вѣрными службѣ одни только пластуны. Начальникъ области не хотѣлъ еще признать, что онъ потерялъ власть надъ Урупскимъ полкомъ и отдалъ дежурному адъютанту приказаніе выслать для охраны дворца полсотни конныхъ урупцевъ. Не зная, какъ выполнить приказаніе, адъютантъ обратился къ Курчанову и просилъ его прислать конныхъ казаковъ для охраны дворца и пожалованныхъ

войску знаменъ и регалій, такъ какъ хулиганы покушаются разгромить дворець и уничтожить казачьи регалии.

Послѣднее адъютантъ уже прибавилъ отъ себя. Курчановъ, выслушавъ адъютанта, сказалъ, что никакихъ хулигановъ нѣтъ и никто уничтожать казачьихъ регалій не собирается, и лишь для провѣрки согласился послать десять пѣшихъ казаковъ ко дворцу начальника области. По дорогѣ ихъ встрѣтилъ генераль Бабичъ и, узнавъ, какъ выполнено распоряженіе начальника области, отослалъ ихъ обратно.

Казакъ собирались. Къ Курчанову то и дѣло обращались за распоряженіями. Музыканты отказались итти въ циркъ на представленіе безъ распоряженія Курчанова. Начальникъ музыкантской команды идетъ къ Курчанову съ просьбой отпустить музыкантовъ. Завѣдывающій обозомъ отказывается отпустить лошадь командиру полка безъ распоряженія Курчанова. Къ Курчанову обращается администрація, къ Курчанову обращаются представители партій и митинговъ.

Передъ Курчановымъ стоитъ еще главная забота: въ полномъ порядкѣ вывести полкъ изъ Екатеринодара. Ночью на 20 декабря разнесся слухъ, что офицеры рѣшили тайно вынести изъ канцеляріи полковое знамя и денежный ящикъ. Основаніемъ къ возникновенію этого слуха послужило то, что наканунѣ, дѣйствительно, состоялось у начальника области совѣщаніе офицеровъ, на которомъ командиръ полка предложилъ силою завладѣть знаменемъ и денежнымъ ящикомъ и просилъ дать ему для этого оставшихся вѣрными пластуновъ. Но все присутствовавшіе признали это безумнымъ предпріятіемъ. Начальникъ области заявилъ, что городъ наполненъ революціонерами, что онъ не можетъ положиться на пластуновъ и, кромѣ того, „знамя принадлежитъ полку“.

Ночью на собраніи урядниковъ было рѣшено завладѣть полковымъ знаменемъ и денежнымъ ящикомъ. Вечеромъ 22-го декабря отрядъ казаковъ, человекъ въ 70, во главѣ съ Курчановымъ, подошелъ къ полковой канцеляріи. Въ канцеляріи въ это время занимались писаря. Стоявшій на караулѣ казакъ Дорошенко никого изъ офицеровъ не допускалъ. Одинъ изъ офицеровъ, подъ предлогомъ, что ему нужно поговорить по телефону, попытался пройти, но казакъ загородилъ дорогу. Курчановъ командовалъ выносить знамя и ящикъ. Призвали казака слесаря, который отвернулъ винты, на которыхъ былъ укрѣпленъ ящикъ. Въ немъ находилось 28000 рублей. Когда вынесли знамя, офицеръ отдалъ честь знамени. Ящикъ поставили на двуколку и весь отрядъ двинулся въ казармы. Уходя, Курчановъ захватилъ съ собой нѣсколько бланковъ и печать полка, а канцелярію велѣлъ запереть. Кто-то изъ писарей обратилъ къ нему съ просьбой не запираеть канцеляріи, такъ какъ есть срочныя бумаги.

— Какія тамъ бумаги! — сказали Курчановъ, — тутъ дѣло идетъ о нашей жизни, а вы съ бумагами!

22-го декабря происходила нагрузка казаковъ въ вагоны. Особый поѣздъ былъ заготовленъ забастовочнымъ комитетомъ. Нагрузка происходила въ полномъ порядкѣ, только изрѣдка раздавалось „ура!“ изъ рядовъ провожавшихъ желѣзнодорожниковъ. Курчановъ отдавалъ распоряженія. Поѣздъ тронулся. Маршрутъ полка былъ намѣченъ въ Усть-Лабу, а оттуда верхомъ въ городъ Майкопъ предложить атаману отдѣла принять знамя, денежный ящикъ и распустить полкъ по станицамъ.

На промежуточныхъ станціяхъ было нѣсколько оставшихся. Нѣсколько казаковъ независимо другъ отъ друга, не желая показать своего страха передъ товарищами, тайно ходили къ своимъ офицерамъ и совѣтовались — идти ли имъ вмѣстѣ съ полкомъ. Офицеры дали совѣтъ: идите и при первой возможности возвращайтесь. На первой же станціи одинъ изъ казаковъ незамѣтно вышелъ изъ вагона и залѣзъ въ тростникъ, гдѣ и пролежалъ, покуда не ушелъ поѣздъ на Усть-Лабу. Нѣсколько человекъ такимъ же образомъ отстали въ Усть-Лабѣ.

Слухъ объ идущемъ въ боевомъ порядкѣ, но безъ офицеровъ, полкѣ быстро разнесся по окрестнымъ станицамъ. Поселеніе выходило на встрѣчу, доставлялось продовольствіе. Во все время суммы изъ денежнаго ящика оставались нетронутыми.

Особенно торжественно полкъ былъ встрѣченъ въ Майкопѣ. 27-го въ Майкопѣ происходилъ митингъ по поводу предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу. Вдругъ раздался крикъ: „казакъ ѣдетъ!“ Всѣ заволновались и заговорили: „откуда казакъ? зачѣмъ здѣсь казакъ?“

— Казакъ Урупскаго полка, гонецъ отъ полка! — сказали кто-то громко и возбужденно.

— Гдѣ полкъ, когда придетъ? зачѣмъ пріѣхалъ? — поинтересовались на казака вопросы съ разныхъ сторонъ.

Казака пропустили къ трибунѣ, и онъ съ трибуны объяснилъ, что Урупскій полкъ въ ближайшей станицѣ, скоро придетъ въ Майкопъ и желаетъ заранѣе узнать, какъ примутъ его граждане — радостно или враждебно, и будутъ ли посланы противъ него мѣстныя войска.

Раздались крики: „Ура казакамъ! Слава Урупцамъ!“

Попъ попробовалъ что-то сказать о присягѣ, но былъ остановленъ за полы съ трибуны. На трибуну вошелъ старый неслужилый казакъ и, обращаясь къ гонцу и къ народу, началъ говорить:

— Здѣсь сказано было: казаки нарушили присягу, а я говорю вамъ: нѣтъ, они ее не нарушили. Присяги бить гражданъ въ родной странѣ нѣтъ и не должно быть. Казаки отказались исполнить безчеловѣчныя приказанія своего начальства бить своихъ братьевъ; и они обязаны были это сдѣлать.

За то, что вы отказались бить и убивать людей, я низко кланяюсь тебѣ, казакъ, братъ мой!

И говорившій снялъ папаху и низко поклонился гонцу. Это вызвало взрывъ энтузіазма.

Были избраны двѣ депутаціи — одна къ атаману отдѣла съ просьбой не высылать войска противъ казаковъ, другая — для встрѣчи полка. Во вторую депутацію предложили войти городскому головѣ и мѣщанскому старостѣ, какъ представителямъ города.

28-го числа полкъ долженъ былъ явиться въ городъ. Съ ранняго утра на городскомъ выгонѣ начали стекаться толпы народа. Вышелъ весь городъ. Толпа была не менѣе 20 тысячъ. Одинъ изъ священниковъ вынесъ хоругви, чтобы отслужить благодарственный молебень. Торговцами были приготовлены столы съ закуской для угощенія прибывающихъ казаковъ.

На встрѣчу полку выѣхалъ, по обязанности службы, и атаманъ отдѣла генераль Косякинъ.

— Полкъ, въ резервную половину стройся! — раздалась громкая команда Курчанова. И шестьсотъ всадниковъ безъ суеты и суматохи, буквально не стукнувъ стремя о стремя, развернулись во фронтъ передъ экипажемъ атамана отдѣла, приѣхавшаго вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ.

Курчановъ подѣхалъ къ атаману отдѣла и доложилъ:

— Ваше превосходительство, 2-ой Урупскій полкъ прибылъ изъ Екатеринодара въ составѣ 5-ти сотенъ безъ офицеровъ, — и подалъ рапортъ съ указаніемъ числа урядниковъ, нижнихъ чиновъ, числа здоровыхъ и больныхъ лошадей.

Атаманъ отдѣла обратился ко всему полку:

— Ну, что же вы мнѣ скажете? Выберите кого-нибудь для доклада.

Курчановъ заявилъ, что онъ уполномоченъ говорить отъ имени полка и что, до полученія приказа о роспускѣ, полкъ оставляетъ при себѣ знамя, денежный ящикъ и оружіе.

— Знамя, денежный ящикъ приму, распустить же полкъ не имѣю власти, — сказалъ атаманъ отдѣла.

— Въ такомъ случаѣ полкъ ничего сдавать не будетъ и возвратится въ станицу Гіачинскую.

Атаманъ отдѣла послѣ этого вмѣстѣ съ адъютантомъ уѣхалъ въ городъ.

По отъѣздѣ начальства Курчановъ вызвалъ изъ толпы сотенныхъ командировъ и старшихъ урядниковъ на совѣтъ. Рѣшено было возвратиться въ станицу Гіачинскую. Въ это время къ урядникамъ подошла депутація и просила принять отъ города угощеніе. Городской голова поднесъ хлѣбъ-соль и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ городъ. Одинъ изъ членовъ городской депутаціи сказалъ привѣтственную рѣчь. Онъ говорилъ о счастливейшемъ днѣ своей жизни, до котораго онъ дожидъ и котораго ждалъ, что казаки откажутся

стрѣлять въ своихъ братьевъ, и призывалъ казаковъ дать клятву никогда больше не итти съ оружіемъ противъ родного народа.

— Даемъ клятву! — раздалось много голосовъ въ рядахъ казаковъ.

Послѣ того былъ отслуженъ молебенъ, и казакамъ было предложено угощеніе отъ города.

Выступленіе въ станицу Гіачинскую назначено было на слѣдующій день. На ночь казаки размѣстились по домамъ обывателей, а знамя и денежный ящикъ рѣшено было поставить въ мѣщанской управѣ. Вечеромъ произошло вновь совѣщаніе урядниковъ, на которомъ выработанъ былъ текстъ воззванія 2-го Урупскаго полка къ народу. Съ текстомъ воззванія нѣсколько казаковъ отправилось въ типографію, но завѣдующій типографіей отказался напечатать безъ разрѣшенія полицеймейстера. Казаки розыскали полицеймейстера и потребовали, чтобы онъ поставилъ требуемое разрѣшеніе. Увидѣвши вооруженныхъ Урупцевъ полицеймейстеръ написалъ на поданномъ ему текстѣ: „По вынужденію урупцевъ и въ огражденіе спокойствія города разрѣшилъ къ печатанію. Исправляющій должность полицеймейстера Ромащукъ.“

Приводимъ дословный текстъ этого воззванія, отпечатаннаго Урупцами въ 10000 экземпляровъ и перепечатаннаго потомъ организаціями соц.-дем. и соц.-рев. Это воззваніе было помѣщено и въ „Молвъ“ (11 января 1906 г.):

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи!

Граждане! Обращаемся къ вамъ за справедливымъ сужденіемъ о нашемъ дѣлѣ. Мы его дѣлали открытымъ и хотимъ, чтобы весь народъ русскій зналъ, что какъ было. Мы останемся вѣрными слугами Его Императорскаго Величества Государя Императора и готовы защищать нашу родину отъ вѣншихъ враговъ до послѣдней капли крови. Призванные по мобилизаціи 22-го ноября 1904 года во время войны съ Японіей, готовые доказать всему міру свою вѣрность родинѣ, жаждущіе сразиться съ врагомъ, мы волей нашего правительства были оставлены внутри Россіи для несенія полицейской службы. Слепо повинувъ нашему начальству, мы ревностно исполняли всѣ его приказанія: били народъ плетьюми, разгоняли его прикладами, разстрѣливали безоружныхъ гражданъ на улицахъ, топтали ихъ конями, мы охраняли гостинницы и публичные дома, насъ отдавали подъ начальство городскихъ, которые распоряжались нами въ цѣляхъ своей выгоды. Въ холодѣ и голодѣ несли мы службу, но безъ ропота молчали, думая, что этимъ исполняемъ волю Государя, но когда манифестомъ 17 октября нашъ Царь далъ русскому народу свободу, когда всѣмъ ясно стало, что онъ хочетъ облегчить жизнь бѣдному люду и когда нашему житью-каторгѣ не стало облегченія, тутъ-то мы стали понимать, въ чемъ главная суть есть. Начальство наше такъ устроило, что манифестъ насъ совсѣмъ не коснулся, какъ будто бы мы были турки, а не такіе же вѣрнопопданные Государя Императора, какъ будто бы мы были не сыны родины, не такіе же граждане, какъ и вы, не защитники отече-

ства. А, между тѣмъ, жить намъ становилось все хуже и хуже, больше не было мочи выносить. Намъ запрещали ходить на митинги, гдѣ говорилась правда, намъ запрещалось подѣ страхомъ наказанія собираться промежъ себя, обсуждать свои нужды, а когда мы заявили своему начальству, что насъ кормили цвѣлымъ хлѣбомъ, что въ казенныхъ сухаряхъ были шашель, не говоря уже за мясо и горячую пищу, то одинъ изъ офицеровъ Б. сказалъ съ насмѣшкой, что „вы дома ѣли хуже, чѣмъ мои собаки ѣдятъ, а тутъ еще не понравилось вамъ казенное хушанье“. Насъ приравнили къ собакамъ, не посмотрѣли на нашу просьбу. Нами замѣняли лошадей; на насъ вывозили конскій навозъ со двора, какъ это было въ 5-й сотнѣ. Лошадей нашихъ кормили осокой, какъ это было во время пребыванія полка въ лагерномъ сборѣ въ станицѣ Крымской, причемъ отъ такой пищи нѣсколько лошадей пало, а многія позаболѣли. Нѣсколько разъ мы заявляли о нашей тяжелой жизни начальству, намъ отвѣчали на наши просьбы обѣщаніями предать суду, отборной бранью и угрозами застрѣлить всякаго, который осмѣлится пожаловаться на свое положеніе, насъ заставляли молча оберегать тѣ „заведенія“, гдѣ офицера въ весельи проводили время.

Граждане! Тяжело намъ пришлось, такъ тяжело, что и рассказать нельзя. Горько и обидно намъ стало, когда послѣ манифеста 17-го октября правительство заставляло идти насъ противъ воли Государя, дозволившаго свободу собраній, слова, совѣсти и союзовъ, когда оно заставляло насъ разгонять собранія, убивать народъ, требующій своихъ законныхъ правъ, какъ это было въ городѣ Екатеринодарѣ, а до того — въ городѣ Новоросійскѣ. Мы поняли, какое преступленіе мы совершали предъ горячо любимой родиной, исполняя безумныя приказанія своего начальства, а потому мы категорически отказываемся отъ несенія полицейской службы, вида ея преступность, считая ее несомнѣстной съ воинской честью казаковъ.

Мы обратились тогда съ заявленіемъ о роспускѣ къ нашимъ офицерамъ, какъ къ старшимъ, такъ и младшимъ, мы объяснили имъ, что война окончена, что насъ держатъ для усмиренія того народа, который хочетъ свободы, что хозяйства наши безъ насъ поразстроились, что многіе изъ насъ совѣмъ разорились, что наши жены и дѣти голодаютъ въ то время, какъ мы находимся на полицейской службѣ, мы объяснили имъ, что никто не заботился о нашихъ семействахъ, мы объявили, что хотимъ развѣхаться по домамъ.

Что же сдѣлало наше правительство?

Пошло ли оно навстрѣчу желаніямъ казачества? — Нѣтъ.

Оно стало упрекать насъ въ бунтѣ, въ измѣнѣ присягѣ Царю и отечеству, оно не хотѣло исполнить нашихъ просьбъ, стараясь строптивостью и грубостью задавить голосъ изболѣвшей души. Но, когда наше начальство увидѣло, что мы держимся дружно, то оно не дало намъ окончательно отвѣта, стараясь уклониться отъ него, возбуждая въ то же время противъ насъ пластуновъ. Такъ, напримѣръ, по приказанію генераль-маіора Бабича были вызваны для охраны наказнаго атамана къ дворцу нашихъ 2 конныхъ сотни, въ то же время около дворца стояли двѣ сотни пластуновъ, которымъ предлагали разстрѣлять насъ, какъ бунтовщиковъ, но они отказались такъ же, какъ и мы отказались, когда насъ хотѣли направить на 252-й Анапскій резервный батальонъ.

Когда же такимъ образомъ коварные замыслы нашего начальства

не удались, благодаря отказу пластуновъ, когда мы узнали, что правительство мобилизуетъ новыхъ казаковъ, быть можетъ, съ цѣлью натравить противъ насъ, то сочли за благо удалиться изъ Екатеринодара въ свой отдѣль.

Рѣшили это мы сдѣлать потому, что не хотѣли крови, не хотѣли братоубійственной войны, которую хотѣло устроить наше начальство, натравивъ солдата на казака, брата на брата, чтобы потомъ покрѣпче сѣсть на нашу шею; мы же хотимъ мира и спокойствія; мы хотимъ счастья для всѣхъ гражданъ и, понявъ, наконецъ, поведеніе нашего начальства, которое заставляло насъ избивать нашъ народъ, жаждущій справедливости и свободы, мы присоединяемъ свой голосъ къ голосу всей Россіи и требуемъ:

I. Немедленнаго созыва Государственной Думы на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, такъ какъ только такая Дума можетъ внести миръ и спокойствіе въ нашу изстрадавшуюся родину.

II. Требуемъ немедленнаго освобожденія всѣхъ людей, пострадавшихъ за дѣло свободы.

III. Чтобы нашъ роспускъ былъ узаконенъ и прочитанъ при станичныхъ сборахъ.

IV. Удовлетворить насъ всѣми доволствами, положенными отъ казны и войска, а именно: жалованьемъ, ремонтными, провіантскими, приварочными, фуражными, положенными отъ города, желѣзной дороги, и обмундировочными деньгами.

V. Чтобы никто изъ предъявившихъ эти требованія не пострадалъ, — за каждаго пострадавшаго казака возстанетъ на защиту весь 2-ой Урупскій полкъ.

Впредь до исполненія указанныхъ требованій, мы рѣшили оружія оставить при себѣ.

2-й Урупскій полкъ.

По приходѣ полка въ станицу Гиачинскую, казаки размѣстились у станичниковъ. Жители станицы доставляли казакамъ продовольствіе. На Церковной площади происходили ежедневно собранія, въ которыхъ принимали участіе и станичные жители. Рѣшено было выжидать мѣрь со стороны начальства. Общее убѣжденіе было, что ни солдаты, ни казаки другихъ полковъ не пойдутъ силою противъ урупцевъ.

Большинство казаковъ было распущено по сосѣднимъ станицамъ съ тѣмъ, чтобы по первой тревогѣ всѣ собрались въ станицу Гиачинскую. Для быстраго сбора было назначено шесть участковыхъ начальниковъ. Отъѣзжавшіе казаки брали съ собою нѣсколько экземпляровъ воззванія. Его прочитывали на станичныхъ сходахъ. Послѣ прочтенія его сходъ станицы Шлермеской, на которомъ присутствовали какъ казаки, такъ и приплые, всего до 500 человекъ, единогласно постановили приговоръ, въ которомъ говорилось, что поступокъ урупцевъ правильный и что, если кто-либо изъ нихъ пострадаетъ, то всѣ жители должны съ оружіемъ присоединиться къ урупцамъ. Въ другихъ станицахъ сходы тоже заявляли свое сочувствіе урупцамъ.

Разъѣзды урущевъ по станицамъ вызвали самое серьезное беспокойство начальства. 22-го января генераль Бабичь телеграфировалъ начальнику области, что казаки рѣшили итти по области возбуждать другіе отдѣлы и успѣхъ имѣютъ, нужно спасать войска вызовомъ армейскихъ войскъ. 30 января начальникъ отряда телеграфировалъ уже, что по всему отдѣлу идетъ поголовная мобилизація.

Оставшіеся въ Гіачинской станицѣ казаки несли караульную службу около знамени и въ станицѣ организовали развѣдки.

30 декабря одному изъ развѣдочныхъ отрядовъ удалось перехватить транспортъ ружей, переправлявшихся изъ Майкопа въ станицу Тепчинскую. Везшимъ оружіе казакамъ было приказано повернуть въ Гіачинскую, гдѣ они и сдали транспортъ Курчанову. Курчановъ приказалъ раздать оружіе желающимъ изъ станичныхъ жителей.

Около Усть-Лабы, откуда идетъ желѣзная дорога, былъ поставленъ сторожевой постъ, чтобы своевременно получать свѣдѣнія о всякихъ передвиженіяхъ войскъ.

Такъ тянулось около мѣсяца. Администрація долго не рѣшалось выступить противъ урущевъ. Наказнымъ атаманомъ были посланы офицеры по станицамъ, чтобы возстановливать общественное мнѣніе станичниковъ противъ урущевъ. Кой-гдѣ офицерамъ удалось угрозами добиться постановленія приговоровъ объ исключеніи изъ общества непкорныхъ урущевъ, но большинство отвѣчало, что судить урущевъ они не могутъ, нѣкоторые сходили требовали, чтобы дѣло объ урущахъ было представлено на усмотрѣніе государя.

Сами урушцы вѣрили, что если государь узнаетъ причины ихъ ухода со службы онъ оправдаетъ ихъ. Было составлено всеподданнѣйшее прошеніе государю и подписано казаками. Депутатами отъ полка къ государю были посланы Шумаковъ и Крикуновъ. Пріѣхавши въ Царское Село, они были окружены шпиками, выразившими явное намѣреніе ихъ арестовать. Только благодаря хитрости имъ удалось ускользнуть отъ ареста. Со своей поѣздки депутаты вернулись уже послѣ сдачи полка. Побывавши въ своихъ станицахъ и рассказавши о своихъ заключеніяхъ, депутаты, чтобы раздѣлить участь товарищей, отдались въ руки властей.

Начальникъ области издалъ еще приказъ по Кубанскому войску, въ которомъ, рассказывая о томъ, какой несмыаемый позоръ наложили на славное кубанское войско урушцы, призывалъ самихъ казаковъ привести урущевъ къ повиновенію. Приговоръ читался на всѣхъ сходахъ, но только станицы сѣверной части Кубанской области отозвались на него осужденіемъ поступка урущевъ, но и тамъ не нашлось охотниковъ итти добровольно противъ урущевъ.

Потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ подавить урущевъ силами добровольцевъ, начальство начало готовить противъ

нихъ вооруженную силу изъ оставшихся вѣрными ему войскъ.

Станица Гиачинская и сосѣднія станицы были объявлены на военномъ положеніи. Всякое сообщеніе между Гиачинской станицей и Усть-Лабой, а также Армавиромъ и Майкопомъ было прекращено. Это было въ концѣ января, когда вооруженныя возстанія въ Москвѣ, въ Ростовѣ, въ Новороссійскѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ уже были подавлены. Настроеніе было угнетенное. Отряды для усмиренія урупцевъ стали составлять изъ оставшихся на службѣ пластуновъ и двухъ сотенъ Екатеринодарскаго козачьяго полка. Къ нему была присоединена полевая артилерія въ составѣ двухъ орудій. Во главѣ отряда былъ поставленъ войсковый старшина Мудрый.

Неохотно шли казаки, офицеры не были увѣрены, согласятся ли стрѣлять казаки въ урупцевъ. Сами урупцы были увѣрены, что кавказцы въ нихъ стрѣлять не будутъ.

Для наблюденія надъ движеніемъ отряда на станицѣ Гиачинской были выставлены сторожевые посты. Сторожевые казаки пробовали по ночамъ завязать сношенія съ казаками отряда, но безуспѣшно.

Какъ только въ Гиачинской узнали о приближеніи отряда Мудраго, немедленно были посланы гонцы во все стороны, гдѣ нахонились урупцы съ требованіемъ собраться. Была устроена общая сходка. Никто не вѣрилъ, чтобы станицу могли бомбардировать. Поэтому рѣшено было первымъ, во всякомъ случаѣ, огня не открывать и только въ случаѣ, если пойдутъ приступомъ и будутъ брать знамя, защищаться до послѣдней крайности. Была намѣчена система обороны, кое гдѣ начали дѣлать окопы, на случай, если не хватитъ пуль, была устроена мастерская для отливки пуль.

Когда отрядъ окончательно собрался, начальникъ отряда Мудрый послалъ въ Гиачинскую письменное требованіе о безусловной сдачѣ и о выдачѣ зачинщиковъ. Курчановъ, посоветовавшись съ командирами сотенъ отъ имени полка, на бланкѣ полка отвѣтилъ, что полкъ знамени сдавать не будетъ, а на силу отвѣтитъ силою. Отвѣтъ былъ подписанъ: „Временно командующій полкомъ Курчановъ“.

Черезъ нѣсколько дней Мудрый вновь послалъ письменное требованіе сдаться съ предупрежденіемъ, что если сдача не произойдетъ, то 6-го февраля начнется бомбардировка станицы.

Курчановъ вновь отписалъ отказомъ.

6-го февраля, дѣйствительно, открылась пальба изъ орудій. Жители попрятались по погребамъ. Среди урупцевъ началось смятеніе. Нѣкоторые требовали вылазки, чтобы силою завладѣть артиллеріей. Другіе стояли за сдачу.

Послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, которыми было разрушено нѣсколько хатъ и снесена крыша въ церкви, къ урупцамъ стали приходить жители станицы съ просьбой не подвергать станицы разгрому. Жители станицы просили послать

ихъ депутатами къ начальнику отряда, чтобы исклопотать для урупцевъ безнаказанность. Урупцы согласились. Войсковой старшина Мудрый на просьбу депутаціи потребовалъ, чтобы урупцы сложили козлами винтовки, чтобы явились въ полномъ строю на опредѣленное мѣсто въ трехъ верстахъ отъ станицы, и при этомъ сказалъ: „Дѣло находится въ царскихъ рукахъ, отъ его величества будетъ зависѣть судьба урупцевъ. Ни наказной атаманъ, ни подчиненное начальство за содѣянный поступокъ карать не будетъ, пока не послѣдуетъ приказа отъ его величества или отъ намѣстника кавказскаго“.

Въ тѣхъ же выраженіяхъ посылалъ приказъ по войску начальникъ области.

Выслушавъ отъ депутаціи отвѣтъ Мудраго, урупцы рѣшили подчиниться. Они явились на назначенное мѣсто, гдѣ отъ нихъ потребовали вторичнаго принесенія присяги, послѣ чего Курчанову было предложено вести полкъ въ Екатеринодаръ въ мѣсто постоянной стоянки полка. Денежный ящикъ былъ сданъ тотчасъ же съ неповрежденными печатями. По приходѣ въ Екатеринодаръ были немедленно арестованы Курчановъ, Гаврилокъ, Сушковъ, всѣ сотенные командиры, всего до 50-ти человекъ. Начато было предварительное слѣдствіе. Суду сначала были преданы всѣ казаки, но позднѣе, по высочайшему повелѣнію, слѣдствіе было прекращено по отношенію ко всѣмъ кромѣ 39-ти, какъ главнымъ подстрекателямъ.

8-14 октября 1906 г. происходилъ судъ надъ урупцами. День суда сопровождался демонстративной забастовкой рабочихъ въ Екатеринодарѣ.

14-го октября былъ вынесенъ приговоръ, по которому Курчановъ осужденъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, Шумаковъ и Бѣчковъ — на 15 лѣтъ, 17 казаковъ въ дисциплинарный баталіонъ на разные сроки, 14 человекъ къ аресту на разные сроки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ Николаемъ II о смягченіи наказанія.

Смягченія наказанія не послѣдовало...

Д. В. Д.

И. П. Каляевъ.

(Изъ воспоминаній)

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННАГО МИХАИЛА РАФАИЛОВИЧА ГОЦА.

«Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой, какъ будто все то, что случилось со мною, жило съ раннихъ лѣтъ въ моемъ предчувствіи и зрѣло въ тайникахъ сердца для того, чтобы вдругъ излиться пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ»...

I.

Яркимъ, сіяющимъ мартовскимъ утромъ, когда улицы Петербурга были заполнены веселымъ, наряднымъ народомъ, поспѣшившимъ выйти на солнце, чтобы насладиться его первыми предвесенними ласками, мы шли умирать.

По дорогѣ туда я зашелъ въ одно мѣсто для встрѣчи съ товарищемъ.

Тамъ было двое.

— Вотъ Поэтъ! — сказалъ мнѣ товарищъ. Я взглянулъ на того, кого называли Поэтомъ. Молодое, интеллигентное, удивительно хорошее лицо все свѣтилось яркой улыбкой. Чистые пронизательные глаза внимательно скользнули по мнѣ и заискрились такой лаской, что мнѣ стало тепло и хорошо, какъ будто солнце подарило и меня своимъ первымъ предвесеннимъ лучомъ. Захотѣлось пожать ему руку, но была пора разойтись.

Ровно безъ четверти въ 12 я — на посту. По всей Фонтанкѣ, отъ Департамента до Невы и дальше до Зимняго дворца, царитъ странное оживленіе, необычайное даже для этого веселаго дня.

Среди обычной гуляющей публики, какъ хищные щуки среди мирной рыбешки, шныряютъ, странные, подозрительные люди. По виду, они тоже мирный народъ, тоже спѣшать по дѣламъ или наслаждаются солнцемъ. Но опытный глазъ не довѣритъ ихъ дѣловитости и беззаботности. Пахнетъ шпиономъ...

Я взглянулъ на Цѣпной мостъ: оттуда долженъ показаться роковой сигналъ — его дастъ Поэтъ. Онъ стоитъ, небрежно опершись на рѣшетку. Людской потокъ непрерывной волной несется черезъ мостъ. И среди него одна неподвижная, застывшая въ мечтательной позѣ фигура.

Какой рѣзкій вызывающій контрастъ...

Темныя силы какъ будто уже пронохали — въ чемъ дѣло. Вотъ онѣ съ обѣихъ сторонъ Фонтанки, отовсюду стекаются къ нему, вотъ засновали вокругъ, оглядываютъ, обнюхиваютъ.

Вотъ конный жандармъ, что истуканомъ стоитъ у начала моста, устремилъ свой орлиный взглядъ туда же, смотреть на Поэта, не спуская глазъ. Такъ и кажется, вотъ-вотъ онъ стремительно, птицей кинется къ намѣченной жертвѣ, схватить ее и будетъ „тащить и не пущать“...

Становилось жутко за Поэта, такъ долго стоявшаго подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ взоровъ... Минуты текли за минутами...

Безмятежное яркое сіяніе неба, музыка звонкихъ дѣтскихъ голосовъ, веселый гулъ толпы, радующейся весеннему солнцу, тревожное волненіе ищеекъ и мы, обреченные на смерть и затерянные среди этихъ людей то чужихъ, то враждебныхъ намъ...

Въ душѣ нарастала грозная атмосфера, тяжелая, напряженная, вотъ-вотъ грянетъ!

И вдругъ — бахъ!

Гуль отдаленнаго выстрѣла потрясъ воздухъ. Невольная дрожь пронизала...

Я оглянулся: ничего особеннаго — петропавловская пушка оповѣстила Петербургъ о полднѣ...

Поэтъ уже не стоялъ, какъ прежде: прогуливаясь взадъ и впередъ по мосту, онъ своимъ отчаяннымъ упорствомъ еще болѣе смущалъ ищеекъ. Навѣрное, они думали: да полно, ужъ не нашъ ли ты братъ?

Агонія затягивалась... Становилось непонятно, какъ его еще до сихъ поръ не схватили. Онъ пришелъ во вражескій лагерь безоружный, съ голыми руками, и не защищенный даже тѣми атрибутами, которые, въ глазахъ охраны, болѣе или менѣе маскировали насъ, остальныхъ...

Еще безконечная четверть часа и вдругъ — вся темная сила сгинула, какъ бы по мановенію чьей-то руки, какъ туманъ отъ прорвавшагося утренняго луча.

Мы остались одни, свободные отъ подозрительныхъ взглядовъ и могли, наконецъ, уйти съ этого опаснаго мѣста.

Наше мартовское предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ.

Врагу удалось ускользнуть отъ насъ.

II.

Въ дни тревожной работы и рѣзкихъ переходовъ отъ надеждъ къ разочарованіямъ и обратно, неожиданнымъ громомъ грянула надъ нами катастрофа: палъ жертвою случайнаго взрыва любимый товарищъ, вмѣстѣ съ нами принявшій въ мартовскомъ выступленіи первое боевое крещеніе...*

*) Взрывъ въ Сѣверной Гостинницѣ, при которомъ погибъ Ал. Покотилловъ.

Я мчусь съ поѣздомъ въ Н... Позади трагическая неудача... Неотмщенное русское горе и торжествующее насиліе... Изъ мысли не выходитъ погибшій товарищъ... Зоветъ къ дѣлу... Тяжело... Что-то похожее на стыдъ.

Охваченный тоскливыми мыслями, смотрѣлъ я въ окно и вдругъ... я не вѣрилъ глазамъ — въ дверяхъ вагона показался Поэтъ. Какъ будто лучъ солнца ворвался и разогналъ тоску. Молча прошелъ онъ мимо и, бросивши мнѣ только взглядъ затаеннаго привѣта, сейчасъ же скрылся на площадку.

Черезъ минуту я былъ около него.

— Какъ я радъ! — восклицалъ онъ смѣясь и сжимая мнѣ руки. — Знаете, я уже четвертый день ловлю васъ, кочуя по поѣздамъ, идущимъ въ Н. Мнѣ поручено во что бы то ни стало перехватить васъ и доставить въ другое мѣсто, поближе... И вотъ — я арестую васъ именемъ Б. О... Вы — мой плѣнникъ... Шалите, не вырветесь. Ха-ха-ха!...

И онъ заливался чистымъ, радостнымъ, заразительнымъ смѣхомъ... Я тоже смѣялся отъ всей души. Ура! не нужно бѣжать. Я съ благодарностью глядѣлъ на своего избавителя.

Было интересно поближе познакомиться съ тѣмъ, кто съ перваго же взгляда такъ сильно заинтересовалъ меня.

Прежде всего, что въ немъ бросалось въ глаза, это — общее впечатлѣніе внутренняго сіянія. Широкій, благородный лобъ и большіе, свѣтлые, горѣвшіе глубокимъ свѣтомъ глаза, немного насмѣшливые, какъ мнѣ казалось, и слишкомъ проницательные, чтобы не смущаться подъ ихъ взглядомъ...

Худощавое лицо аскета съ улыбкой ясной и озаряющей... Смѣхъ его казался страннымъ, слишкомъ глубокимъ, чтобы быть нормальнымъ. Одѣтъ изысканно, со вкусомъ. Какъ видно, не случайно нарядился бариномъ. Изящество во всемъ, въ костюмѣ, въ манерахъ. Я съ удивленіемъ вглядывался въ этотъ незаурядный типъ революціонера и спрашивалъ себя, на кого походить.

— Юноша Сергій Радонежскій на картинѣ Нестерова, — пришла мнѣ мысль, но не удовлетворила меня.

— Вы читаете Метерлинка? — спросилъ Поэтъ, увидѣвъ книжку у меня въ рукахъ. По тону вопроса чувствовалось, что спрашивали не изъ простаго любопытства.

— Да, — пробую.

— Почему вы говорите „пробую“?

— Я очень много слыхалъ о Метерлинкѣ и мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ яркимъ представителемъ декадентства, чтобы на немъ узнать, въ чемъ же сущность декадентскаго искусства... Русскихъ декадентовъ я немного знаю и не выношу ихъ.

— Скажите, зачѣмъ вы употребляете опошленное и бессмысленное слово — декадентъ? И еще съ такимъ пренебреженіемъ... Тѣ, кого вы называете декадентами, представляютъ

наше искусство. Они тоже революціонеры — да, да, не смѣйтесь! — они революціонеры въ искусствѣ... Эти люди умѣютъ подмѣтить самыя тонкіе, неуловимые оттѣнки чувства, то, что всѣ мы чувствуемъ, но не умѣемъ выразить, назвать опредѣленнымъ именемъ... Они умѣютъ подбирать для этого такія новыя, оригинальныя краски, которыя дѣлаютъ непонятное понятнымъ. Они — революціонеры чувства.

— Почему вы не хотите признать за ними этого благороднаго названія, разъ они открываютъ новыя пути къ пониманію живой загадки, которую представляетъ изъ себя человѣкъ?

— А мы съ вами — почему называемся революціонерами? Неужели только потому, что боремся съ самодержавіемъ? Нѣтъ! Прежде всего, мы — рыцари духа. Мы боремся за новый міръ, который мы предварительно обрѣли въ нашихъ мысляхъ... Мы видимъ уже стройныя контуры новаго міра — тамъ все новое, прекрасное — можемъ осязать ихъ... .

И Поэтъ протянулъ руки, какъ-бы обхватывая что-то невидимое... Мнѣ показалось, въ его широко раскрытыхъ глазахъ вспыхнуль отблескъ новой, прекрасной зари, восходящей надъ старымъ міромъ...

Поэтъ прервалъ свою рѣчь и радостно засмѣялся... Потомъ снова началъ.

— Мы хотимъ снести нашъ идеалъ съ неба нашей души на землю, не смущаясь тѣмъ, что онъ еще для многихъ непонятенъ... Наша задача — расчистить почву для новаго міра и потому — долой вся старая земная рухлядь... и самодержавіе въ томъ числѣ... .

Мы — люди будущаго, люди новой мысли, новой нравственности... Прежде всего — революція въ нашемъ духѣ, а затѣмъ въ окружающемъ.

Поэтому-то мы, новые люди, не должны уподобляться старухамъ, мѣщанамъ духа, не должны приходить въ ужасъ и кричать караулъ всякій разъ, когда какой-нибудь смѣльчакъ, презирая старыя формы, дерзкой рукой проводитъ новыя борозды, пытаясь выразить необычайное, выходящее изъ предѣловъ шаблоннаго чувствованія. Вы, какъ революціонеръ, не имѣете права пренебрежительно отмахиваться отъ новаго въ искусствѣ, даже не потрудившись понять его.

Мы горячо сдѣпились: я — на защиту стараго, простаго, всѣмъ понятнаго и дорогаго искусства, онъ — на защиту смѣлыхъ исканій, которыя мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, часто казались не порывомъ революціонно-настроенной души, а манерничаньемъ буржуазно-пресыщеннаго сердца.

Было что-то особенное въ моемъ собесѣдникѣ, что никакъ не укладывалось подъ обычную мѣрку, которою я привыкъ мѣрить революціонера, особенное не то въ его сужденіяхъ, на мой взглядъ, слишкомъ необычайныхъ для революціонера, не то въ словахъ, которыя поражали своею оригинальностью, ко-

лоритностью, не то въ тонѣ — страстномъ и глубокомъ. И этотъ частый, повидимому, безпричинный смѣхъ: какъ будто онъ разговаривалъ самъ съ собою и смѣялся собственнымъ мыслямъ.

Не отрываясь, глядѣлъ я въ его чистые, свѣтлые глаза и чувствовалъ себя неловко, жутко: въ разговорѣ онъ все время обращался ко мнѣ, часто касался меня рукою, но странно, мнѣ казалось — не замѣчалъ меня: онъ смотрѣлъ куда-то поверхъ моей головы и, навѣрное, видѣлъ тотъ прекрасный мѣръ, который собирался подарить землѣ.

И я замолкъ, чувствуя близость красоты. Я постигалъ то, о чемъ говорилъ Поэтъ, — сколько таится прекраснаго въ нашей борьбѣ за идею и какъ родственно близка связь добраго съ прекраснымъ.

Увы! — мнѣ теперь не оживить въ памяти словъ Поэта во всей ихъ яркости... Они исчезли навсегда. Осталось только одно ясное воспоминаніе объ ихъ яркости... Цвѣты завяли, остался аромат...

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой встрѣчи съ Поэтомъ, было такъ сильно, что, по прїѣздѣ въ Н., я сейчасъ же сдѣлалъ признаніе человѣку, близко знавшему Поэта.

— Долженъ сознаться, что Поэтъ показался мнѣ черезчуръ страннымъ человѣкомъ. Кажется, онъ слишкомъ поэтъ, чтобы это не мѣшало ему быть просто революционеромъ. Есть что-то странное въ немъ: въ его взглядахъ, словахъ, смѣхѣ или еще въ чемъ другомъ — я самъ хорошо не могу дать себѣ отчета... Прекрасный, яркій типъ, но у меня является невольное сомнѣніе, на своемъ ли онъ мѣстѣ.

Тотъ, кому я сдѣлалъ это признаніе, разразился самымъ искреннимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Такова судьба Поэта, — сказалъ онъ наконецъ. — По первому впечатлѣнію его многіе находятъ страннымъ. И, безъ сомнѣнія, онъ „странный“, — произнесъ мой собесѣдникъ съ особеннымъ удареніемъ, — только съ какой стороны посмотришь... Вотъ, погодите, познакомитесь съ нимъ поближе, и вы поймете его.

Вечеромъ того же дня я встрѣтился съ Поэтомъ въ городскомъ саду. Завидя меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ дѣловымъ, серьезнымъ тономъ:

— Пройдемся по этой пустынной дорожкѣ. Надо переговорить съ вами.

Мы затерялись въ густой аллеѣ задумчивыхъ тополей. Поэтъ взялъ мою руку и, заглядывая въ глаза, сказалъ:

— Отдайте мнѣ три рубля, которые вы мнѣ задолжали.

Я смотрѣлъ на него, не понимая въ чемъ дѣло... Что это — шутка? Тогда къ чему такой серьезный тонъ?

— Не понимаете? — еще серьезнѣе продолжалъ Поэтъ и еще ближе, настойчивѣе заглянулъ въ глаза. — Я прошу от-

дать мнѣ три рубля, которые я, по вашей милости, истратилъ на доктора, и совершенно напрасно, какъ оказалось. Вы нашли меня ненормальнымъ и мнѣ пришлось обратиться къ доктору, чтобы провѣрить ваше наблюдение.

Для меня было бы лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять сейчасъ передъ нимъ и смотрѣть въ его серьезные и печальные глаза. У меня ни на минуту не явилось сомнѣние, что Поэтъ, можетъ быть, мистифицируетъ меня... Тутъ же онъ рассказалъ всю сцену консультаціи съ докторомъ... Въ его передачѣ выходило комично, но мнѣ было не до смѣху. Чувствовалось, что комедія разыгралась на серьезной почвѣ.

Поэтъ не далъ мнѣ оправдываться, объяснять.

— Погодите, вы должны понять, какой важный вопросъ вы затронули. Я вполне понимаю мотивы, по которымъ вы не сохранили про себя вашего наблюденья, а подѣлились имъ съ товарищемъ. Это честно. Мы должны быть безъ снисхожденія строги къ самимъ себѣ и къ товарищамъ по организаціи... Клевета не должна касаться жены Цезаря. Да не посмѣетъ никто сказать про нашу организацію, что въ нее идутъ люди, которымъ все равно нѣтъ мѣста въ жизни. Нѣтъ, только тотъ имѣетъ право на свою и чужую жизнь, кто знаетъ всю цѣнность жизни и знаетъ, что онъ отдаетъ, когда идетъ на смерть и что отнимаетъ, когда обрекаетъ на смерть другого.

— Жертва должна быть чистой, непорочной и дѣйствительной жертвой, а не даромъ, которъй самому обладателю опостылѣлъ и ненуженъ.

— Поэтому, прежде чѣмъ стучаться въ дверь Б. О., пусть каждый изъ насъ строго испытываетъ себя: достоинъ ли онъ, здоровъ ли, чистъ ли... Въ святилище надо входить разутыми ногами.

Холодомъ повѣяло отъ этой бѣлоснѣжной чистоты.

Господи, Господи! Кто безгрѣшенъ изъ людей?...

Поэтъ замолкъ. Я тоже молча шагаль рядомъ съ нимъ. Было торжественно тихо въ этомъ зеленомъ уголкѣ. Ни одинъ земной звукъ не долеталъ сюда... На чистомъ прозрачномъ небѣ загорались первыя чистыя, холодныя звѣзды.

Я взглянулъ на человѣка, шагавшаго рядомъ со мной: онъ былъ задумчивъ и казался мнѣ далекимъ, далекимъ... какъ небо. Я вздохнулъ.

Поэтъ встрепенулся, взялъ мою руку и тепло пожалъ ее.

— Вы понимаете, что я не могъ пройти безъ вниманія мимо вашего отзыва обо мнѣ. Такъ было печально для меня, если бы въ вашихъ словахъ оказалась хоть доля правды.

III.

Армія снова мобилизована... Каждый солдатъ на своемъ мѣстѣ... Организація ведетъ правильную осаду непріятельской крѣпости. Врагъ силенъ, хитеръ и остороженъ: понялъ значеніе

взрыва въ Сѣверной гостинницѣ и еще рѣже, чѣмъ прежде, показывается изъ своей берлоги... Только самые необходимые выѣзды, нерегулярные, украдкой... Подъ непроницаемой стѣной охраны...

Мы не повторимъ больше мартовскаго опыта. Прежде всего изучимъ позиціи, соберемъ всѣ данныя, всю подноготную и только тогда въ штурмъ... Вѣрная встрѣча лицомъ къ лицу... одинъ ударъ безъ промаха и.....

Поэтъ на посту.

Еще издали увидѣль... чего онъ хохочетъ? — подойти опасно. Набиваетъ ротъ подсолнухами, чтобы заглушить смѣхъ.

— Эй, папиросникъ, десятокъ „Невы“!

Едва вѣрю глазамъ: онъ ли? Элегантный баринъ, какое-то прирожденное, внутреннее изящество — и вдругъ это жалкое существо, одинъ изъ „бывшихъ людей“!

Засаленный пиджакъ въ заплаткахъ, съ клочками ваты, рыжіе избитые сапоги, картузь на бекрень... Исхудаль, лицо осунулось, дико поросло щетиной... Глаза ввалились и стали еще глубже... Неподражаемъ! самъ Плева, со всѣмъ своимъ полицейскимъ нюхомъ, не распозналъ бы артиста.

На ремнѣ черезъ плечо тяжелый ящикъ. Сгорбился весь подъ ношей, жалко смотрѣть. А папиросы уложены идеально: сейчасъ видно настоящаго торгаша, умѣетъ показать товаръ лицомъ...

— Вотъ вамъ, баринъ, „Нева“... Вашихъ двугривенный? Ну, что, хорошо ли?

— Виѣ конкуренціи. Ты — артистъ... А трудно? Ты исхудаль.

— Пустяки. Много любопытнаго, когда-нибудь расскажу... Новаго ничего... А у васъ?

— Тоже. Жму руку.

— Прощай!... Извольте сдачи. Благодарю васъ, баринъ.

Цѣлые дни на ногахъ, съ тяжелой ношей на шеѣ. Ни минуты даромъ. Еле свѣтъ, онъ на улицѣ. Торгуешь до поздней ночи. Все — для поддержанія престижа, чтобы пустить пыль въ глаза сожителямъ по квартирѣ и товарищамъ по ремеслу. Вертится на самыхъ людныхъ мѣстахъ. Заводитъ разговоры, знакомства съ дворниками, съ извозчиками.

— Эй, лихачъ, купи папирось!... Троечку... Красотку... Зеркальце хошь? Кошелекъ для богатой выручки... Картинку патростическую, какъ русскій мужикъ японца высѣкъ... Покупай, землякъ!

Извозчикъ зараженъ весельемъ разбитнаго торгаша, беретъ грошевое зеркало, самодовольно любитъ на свое отраженіе и хохочетъ.

— Эй, торгашъ, проваливай отъ нашихъ воротъ! Вишь повадился — въ участокъ хочешь?

— Ну, ну, дядя перестань. И чего кричать? Давай лучше

покуримъ. У меня душистыя... Ты взгляни на этотъ патреть. Знаешь кто? Самъ генераль Стессель, защитникъ Портъ-Артура... Да ты смотри, вѣдь генераль-то на тебя похожъ... а ей богу похожъ! Вотъ хотъ извозчика спроси... Похожъ вѣдь на него генераль, Ванька? Ты на усы-то посмотри, совсѣмъ такіе же, лихіе... Купи, землякъ.

Суровый дворникъ пораженъ своимъ сходствомъ съ генераломъ, заглядывается на своего двойника и вступаетъ въ мирные переговоры съ торгашемъ...

Мало-по-малу вокругъ собирается кучка и пошла потѣха... Хохоеть, шутки...

Боже упаси прійти въ такую минуту на свиданье съ Поэтомъ: онъ всецѣло захваченъ игрой и иногда способенъ не замѣтить своего человѣка.

Но всегда такъ удачно кончается. Иногда тотъ-же дворникъ, только-что выкурившій даровую папироску, прогонитъ пріятели и вдобавокъ еще угоститъ отборнѣйшей руганью. Но Поэтъ никогда не оставался въ долгу, платилъ сторицею... Даже дворники удивлялись его искусству ругаться. Было страшно и больно слышать безобразныя слова въ его устахъ. Чистый, одержимый страстью къ прекрасному, принуждалъ себя произсказать самыя грязныя слова... Что было для него тяжелѣе? — ящикъ или ругань?

Хуже всего — гороловые. Воистину трудно было переваривать ихъ безграничную грубость и циничный произволь. Частенько хотѣлось имъ отвѣтить по настоящему, но... знай сверчокъ свой шестокъ! не попадайся самодержцамъ на глаза, да бѣги скорѣе на другую улицу, когда завидѣлъ бляху...

Хорошо бѣжать, когда стоишь безъ определенной цѣли, но часто необходимо во что бы ни стало: ждешь, придуть на свиданіе или проѣдетъ министръ... Стой, какъ знаешь.

И онъ стоялъ... Рискавъ ежеминутно попасть въ участокъ, откупаясь папиросами, отругиваясь...

Онъ былъ искусный пловецъ и благополучно проплывалъ между Сциллами и Харибдами, среди которыхъ другіе бы непременно потерпѣли крушеніе.

Бывало скажешь:

— Зачѣмъ ты гонишься за деталями, за художественной отдѣлкой роли? Могъ бы быть понисходительнѣй къ себѣ. Зачѣмъ выходишь такъ рано утромъ? И зачѣмъ цѣлыми днями таскаешься по улицамъ съ ящикомъ на шеѣ?

Когда нѣтъ дѣла, время можно было бы проводить въ трактирѣ, въ чайной — это все равно.

— Ну, нѣтъ, не все равно... Какой же я былъ бы папиросникъ... Только выдержанность игры спасаетъ меня... Квартирный хозяинъ спрашиваетъ: „Ты полякъ? разговоръ у тебя польскій, а паспортъ русскій“. Хозяинъ считаетъ меня скрягой. Видитъ, торгую безъ устали... Расплачиваюсь за

уголь гривенниками. Просить, просить, — не может вытянуть... Вчера напился пьяный, выпить еще хочется, а не на что. Просить полтинникъ. Цѣлый вечеръ пилилъ, а я только утромъ далъ четвертакъ... И если бы ты видѣлъ, какъ лѣниво я развязываю платокъ, гдѣ спрятаны деньги, съ какой неохотой, жалостью отсчитываю по пятакамъ... Прямо жила... Ха-ха-ха!...

— Папиросники меня терпѣть не могутъ — какъ же, конкурентъ! Какъ приду на улицу, гдѣ они привыкли стоять, жалуются на меня дворникамъ, городовымъ... Я очень популярень... За то мнѣ всюду дорога. Сами шпионы покупаютъ у меня папирсы, разговаривать при мнѣ не стѣсняются... Вчера, напиримѣрь, стоятъ двое и говорятъ: „Завтра намъ отдыхъ“. Понимай — Плеве не выѣдетъ...

— Чѣмъ ты питаешься? Вѣроятно, скверно. Ты похудѣлъ.

— Пустяки. По одеждѣ — протягивай ножки. Днемъ раза три зайду въ чайную, напьюсь за пятакъ чаю съ калачомъ. На вечеръ селедка съ чернымъ хлѣбомъ. Хозяева удивляются: „Ну и парень, каменный!... Гроша не истратитъ на себя... И зачѣмъ тебѣ деньги? Капиталы, что ли, хочешь наживать? Не поймешь тебя, не то ты монахъ, не то кашей...“ — „Ну, говорю, деньги вещь хорошая. Накоплю малую толлику открою лавку“. Эффектъ! Уважаютъ... Повѣрь, никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ теперь. Эта роль по моему вкусу. Могу жить, какъ, по моему нужно. Ходить въ шкурѣ барина для меня несравненно труднѣе. Тамъ нужно много тратить на себя... Съ дѣтства не привыкъ, — напротивъ, стыдно... А здѣсь живешь, какъ народъ живетъ... Право, хорошо.

Не разъ Поэтъ высказывалъ удовлетвореніе тѣми условіями, въ которыхъ ему теперь приходилось жить. По личному опыту какъ-то не вѣрилось, что тутъ можно обрѣсти счастье. Онъ и въ данномъ случаѣ представлялъ исключеніе...

Поэтъ былъ цѣнный работникъ. Въ его рукахъ всякая работа принимала оригинальный характеръ. Дѣло, которое для другого было только скучной обязанностью, средствомъ, необходимымъ для иной, болѣе важной цѣли, въ глазахъ Поэта пріобрѣтало свою особую цѣнность, самостоятельный интересъ. Онъ органически не могъ быть ремесленникомъ и, всегда оставаясь художникомъ, всегда творилъ.

Какъ исполнитель, отличался самою строгою аккуратностью. Ему дня не хватало для работы... Отбывши службу, исполнивши часть общей работы, выпавшей на его долю, онъ принимался за осуществленіе своей системы... Да, у него была своя система, сложная, стройная, настоящее художественное произведеніе...

Нужно сходить туда-то, посмотреть тамъ-то. Онъ былъ вездѣсущъ и часто поражалъ безцѣльностью своихъ скитаній...

По неуловимымъ признакамъ возстановлялъ онъ звено за звеномъ цѣлую цѣпь, которая всегда вела къ Цѣпному мосту... Встрѣчался съ министромъ тамъ, гдѣ бы намъ и въ голову не пришло искать Плева. Въ его устахъ описаніе кареты министра превращалось въ поэму...

Заслушаешься и видишь ее, какъ на яву, со всѣми деталями, вплоть до узора подножекъ... То, что разъ удавалось узнать по описанію Поэта, потомъ легко узнавалось изъ десятка...

Въ Поэтѣ жили какъ-бы двѣ души: одна — практика-революционера, другая — художника. Обыкновенно онѣ находились въ мирномъ гармоничномъ сожителствѣ. Но бывали, правда, очень рѣдкіе случаи, когда чувство художника становилось слишкомъ требовательно и брало верхъ надъ практическимъ чутьемъ. Тогда Поэтъ на минуту превращался въ чистаго художника.

Захожу разъ въ церковь. Идетъ воскресная обѣдня. Въ толпѣ молящихся нахожу его. Сегодня онъ выглядитъ очень торжественно. Принарядился для праздника. Видимо, что накануне сходилъ въ баню и смылъ накопившуюся за недѣлю грязь. Новая рубаха форситъ алою краской, пиджакъ имѣетъ такой видъ, какъ будто его достали изъ дальняго ящика, гдѣ онъ хранился всю недѣлю. Сапоги блестятъ отъ ваксы, а волосы — отъ помады.

Важная молитвенная мина чуть-чуть измѣнилась ему, когда онъ завидѣлъ меня.

Выхожу на паперть въ полной увѣренности, что онъ послѣдуетъ за мной. Жду его пять—десять минутъ, его нѣтъ. А время дорого... Снова иду въ церковь. Поютъ херувимскую. Поэтъ лежитъ ничкомъ на землѣ... Дѣлаю все, чтобы вызвать его, но онъ не хочетъ и смотрѣть на меня и молится жарче, чѣмъ его сосѣдка-старуха...

При выходѣ, конечно, ворчу:

— Ты вѣдь видѣлъ меня. Чего же не вышелъ? Знаешь, время дорого.

И на это — самый невозмутимый отвѣтъ:

— Какъ можно... нужна законченность... чтобы все было, какъ слѣдуетъ — ни сучка, ни задоринки... А теперь пойдемъ въ чайную, хлебнемъ чайку... Праздникъ.

Я и смѣялся и злился.

Рѣдко удавалось подолгу оставаться съ Поэтомъ.

По условіямъ работы онъ былъ изолированъ, одинокъ среди громаднаго города, въ непріятельскомъ лагерѣ. За то, бывало, какая радость, когда случалось поговорить съ нимъ лишній часокъ... Такихъ счастливыхъ моментовъ было очень немного.

Переговоривши о главномъ, онъ спѣшилъ излить свое настроеніе, накопившееся за время невольнаго молчанія.

О чемъ только ни говорили мы съ нимъ! Подъ шумокъ грязнаго трактирчика, въ пьяной толпѣ извозчиковъ и иного бѣднаго люда, онъ — несчастный торгашъ, и я — мѣщанинъ, рѣшали міровые вопросы.

Его душа была полнозвучной арфой, — на все давала свой откликъ.

Преодо мной, черта за чертой раскрывалась его глубокая, оригинальная натура.

Не въ нашихъ революціонныхъ обычаяхъ говорить друзьямъ о томъ, что осталось за гранью, съ переходомъ черезъ которую начиналось дѣло... Но о прошломъ Поэта я скоро узналъ.

Не разъ и съ гордостью вспоминалъ онъ отца.

Рабъ, промѣнявшій крѣпостное иго на иго солдатское... Затѣмъ одинъ изъ сѣрыхъ усмирителей Польши, въ мундирѣ русскаго полицейскаго оставшійся человѣкомъ и снискавшій уваженіе польскаго населенія...

Мать — одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя всю жизнь практически разрѣшаютъ вопросъ о женскомъ правѣ трудиться безъ отдыха на осиротѣвшую по смерти мужа семью...

Поэтъ всего разъ коснулся этой святости... и слова его о матери сыли кратки и полны сдержанной нѣжности.

— Мнѣ не въ привычку глотать черную корку, — говорилъ онъ какъ бы съ похвалой: я выросъ въ трудовой семьѣ, и трудовыя традиціи, которыми другіе проникаются теоретически, я всосалъ съ молокомъ матери. Я самъ — пролетарій и умѣю жить, если не трудомъ рукъ своихъ, то сокомъ моихъ нервовъ.

И онъ рассказывалъ про тѣ мытарства, которыми его щедро дарила университетская жизнь... Бѣганье по урокамъ, каторжная работа въ газетахъ и, какъ награда, въ результатѣ всего Ляпишка...

О своихъ литературныхъ подвигахъ Поэтъ отзывался не безъ недобраго чувства.

— Либеральная пресса... Общество... съ непередаваемой проніей выговаривалъ Поэтъ. — Трусы, рабы!.. слова не могутъ сказать, чтобы вслѣдъ за тѣмъ не ужаснулись собственной дерзости. Шагъ впередъ и два назадъ... И такъ безжалостны къ чужой мысли. Для меня было сущей мукой писать для газетъ — всегда вычеркнуть самое яркое, чѣмъ больше всего дорожишь.

Я постепенно раскрылъ тѣ этапы, черезъ которые Поэтъ дошелъ до Б. О.

Студентъ, ищущій правды и за правду изгнанный изъ святилища науки... Потомъ — пророкъ, одержимый страстью воплотить свою правду въ рабочій народъ и нашедшій вмѣсто свободной арены полицейскій участокъ... Раздумье, какъ результатъ житейскаго опыта и въ странѣ произвола, переоцѣнка

всѣхъ цѣнностей, признаніе старой правды не полной и страстное исканіе новой.

О періодѣ перелома Поэтъ говорилъ:

— Сначала я былъ всецѣло захваченъ пропагандой среди рабочихъ, самъ сгоралъ отъ огня, которымъ хотѣлъ зажечь другихъ. Дни беззавѣтной вѣры въ соц-демократическую догму были днями свѣтлой, безоблачной юности... Но загремѣли бури, беззаботная юность прошла... Открывалась вся наивность прежнихъ вѣрованій, становилось до очевидности ясно, какъ безрезультатно гибли плоды всей нашей прежней дѣятельности. И было стыдно молчать при видѣ торжествующаго насилія... Требовалось дѣло, а не слово... Пропаганда перестала удовлетворять. Глодалъ неотвязный вопросъ, дозволено ли, можно ли?... Требовалось напряженіе всѣхъ силъ для рѣшенія вопроса, нужна была свобода думать, думать... И я уѣхалъ за границу, чтобы ничто не мѣшало рѣшать.

Слушая Поэта, я часто спрашивалъ себя, подходит ли онъ подъ обычный типъ социалиста и революціонера...

Своимъ отношеніемъ къ трудящемуся человѣку Поэтъ напоминаетъ Глѣба Успенскаго: онъ тоже болѣлъ любовью къ народу, любилъ его совѣтливо... Съ жалостью говорилъ о темнотѣ народной и съ грустной ироніей о смѣшномъ въ народныхъ обычаяхъ. Но то, что сообщало наибольшую яркость и оригинальность Поэту, какъ революціонеру, это — цѣлостное соединеніе въ немъ нѣжной, артистической организаціи съ бурнымъ чувствомъ ненависти къ производству, отъ котораго страдалъ народъ.

Нѣжность, сила и красота — вотъ элементы, изъ которыхъ была соткана душа Поэта.

Какъ истый художникъ, Поэтъ обладалъ даромъ предвидѣнія грядущей красоты. Въ его грезахъ идеальныя припималъ опредѣленные, стройные контуры. Въ его изображеніи царство будущаго было благородно, прекрасно, заманчиво... Тамъ полновластно царить красота, свобода и справедливость.

Отраженіемъ тѣхъ отношеній, которыя будутъ существовать между людьми въ идеальномъ обществѣ, для Поэта были его отношенія къ товарищамъ по дѣлу. Въ нихъ Поэтъ вносилъ всю теплоту, всю тонкость пониманія, все изящество своей натуры...

Для него товарищъ былъ во-истину нѣчто священное.

Изъ встрѣчъ съ Поэтомъ особенно запомнилась одна бѣлая ночь. Я пришелъ къ нему еще вечеромъ. Заговорили и не замѣтили, какъ подкралась блѣдная, таинственная сумерки... Мы были одни среди большой площади. Тихо... Лишь изрѣдка простучитъ извозчикъ, тѣнью проскользнетъ пѣшеходъ — и снова тихо...

Рѣшили, что можемъ позволить себѣ побыть вмѣстѣ. Дѣло шло на ладъ и приближалась развязка. Намъ обоимъ предстояло принять въ ней участіе...

Поэтъ снялъ свою ношу и поставилъ ее на распорку,
— Такъ рѣдко вижу съ вами, а видѣться осталось уже не долго — началъ онъ грустно. — Я усталъ... Тратимъ столько энергіи и искусства и на что! Какъ подумаешь, становится страшно... Ужасная охота на человѣка!.. Проклятые! они превращаютъ насъ въ сыщиковъ... Я радъ, что скоро конецъ... — въ немъ вся награда — за все, за все... Достаточно прятаться, выслѣживать, — тамъ мы сойдемся въ открытую, лицомъ къ лицу... И посмотримъ, кто поблѣднѣетъ при видѣ врага...

Такое гордое счастье...

Моя ненависть крѣпнеть со дня на день... Эта война! Гонять народъ, какъ на бойню... И никакого протеста... Всѣхъ обявляя патриотизмъ... повальная эпидемія глупости... Эти картинки, я ненавижу... продаю, иной дурень платитъ за нихъ послѣдній пятакъ... На російскихъ героевъ зѣваютъ, разинувши ротъ... „Варягъ“, герои Чемульпо... нахальные рожи, грудь колесомъ, новый Георгій блестить... пруть себѣ, занявши весь тротуаръ. Съ дороги! новая слава отечества идетъ... И публика разступается, оглядывается... Зайдешь въ чайную, а тамъ: генераль Куропаткинъ! генераль Стессель! шапками закидаемъ! въ дребезги сокрушимъ!.. Злоба беретъ; такъ и хочется крикнуть: дурачье, погодите, собьете съ васъ спѣсь японецъ да научитъ васъ на ваше счастье уму-разуму... Ни проблеска... Душно становится въ этой атмосферѣ. Тоскуешь по жизни... Свѣтлая, умная жизнь — она затаилась и зрѣетъ въ темнотѣ, чтобы вспыхнуть яркимъ пожаромъ. когда придетъ ея чередъ.

Ищешь въ чужой толпѣ друзей, тѣхъ, кому принадлежитъ будущее... Всмотриваешься въ лица рабочихъ, студентовъ и думаешь: не онъ ли? Иной разъ по глазамъ видно, что онъ... Такъ и хочется сорвать съ себя маску и сказать: вѣдь мы друзья...

Дворцы... Странно, когда ходишь среди нихъ все одинъ да одинъ, создается иллюзія, какъ будто мы покинуты въ битвѣ съ этими каменными громадами... У меня сжимаются кулаки при видѣ дворцовъ... Какъ они нахально, вызывающе бахвалятся своею каменною непоколебимостью... О, дворцы! погодите, скоро задрожите вы тамъ съ вашими обитателями...

А дома... Какой вопіющій контрастъ между тѣмъ, что я вижу днемъ на улицѣ и тѣмъ, что ночью нахожу въ своей дырѣ... Сердце дрогнетъ невѣдомымъ чувствомъ, какъ будто заглянешь въ глубь народнаго сердца и впервые поймешь его... Часто беретъ зудъ описать все, что перевидѣлъ за день — вѣроятно, вышелъ бы занятный социальный романъ.

Поэтъ рассказалъ мнѣ свои наблюденія.

При волнующемъ призрачномъ свѣтѣ бѣлой ночи предо мною развернулась яркая, трепещущая живыми красками картина пetersбургской бѣдноты по угламъ... Тонъ разказа былъ грустенъ и тепелъ отъ жалости къ униженнымъ, лишеннымъ свѣта... Слышалась тоска по далекомъ, прекрасномъ, невѣдомомъ мѣстѣ бѣдноты..

И вдругъ закончилъ:

— Я часто думаю о послѣднемъ моментѣ. Уже начинаетъ казаться близкимъ, быточнымъ... Мнѣ бы хотѣлось погибнуть на мѣстѣ — отдать все — всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгорѣть безъ остатка... Смерть упонительна!...

Я взглянулъ на говорившаго. Тонъ спокойно-торжественный. Ни тѣни аффектаціи... Только глаза горятъ ярче обыкновеннаго. И лицо странное, незнакомое, преображенное сіять.

Замолкъ... Тишина...

„Обреченный!“ — будто молніей обожгло меня. Я похолодѣлъ и непроизвольно схватилъ его за руку. Схватилъ и боюсь отпустить. Держу и гляжу въ его чудное лицо.

Онъ улыбнулся и снова заговорилъ.

— Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше — умереть на эшафотѣ. Смерть въ моментъ акта какъ будто оставляетъ что то незаконченнымъ... Между дѣломъ и эшафотомъ еще цѣлая вѣчность — можетъ быть, самое великое для чело-вѣка. Только тутъ узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцвѣтешь и умрешь въ полномъ цвѣтѣ... какъ колосъ созрѣвшій, полноцвѣтный... Чудесный мистическій бракъ съ идеей... И затѣмъ — унести не высказанной свою ненависть... О, нѣтъ! этого я бы не хотѣлъ... Я хочу излить на нихъ все, что накопило на сердцѣ... Хочу заклеить судьей, поставить къ позорному столбу самодержавную Россію — эту всесвѣтную сводницу... Обливать презрѣніемъ, издѣваться надъ судьями, ставить ни во что ихъ строгую, корректную законность... Да, это сладчайшее изъ наслажденій!..

И онъ засмѣялся громко, вызывающе. Точно боевой конь сорвался съ цѣпи и безудержно ринулся въ пылъ битвы...

Теперь не было больно отпустить его...

Пересталъ — и опять тихо, сдержанно: —

— А затѣмъ — умереть спокойно и гордо, со сладкимъ сознаниемъ, что все исполнено, вся чаша выпита... Идя на актъ и потомъ на эшафотъ, умрешь какъ будто дважды — отдаешь двѣ жизни...

На этотъ разъ больше не говорилось. Мы разошлись?

IV.

Итакъ — пора достойно закончить то, на что потрачено столько стараній... Обсуждались детали. Предусматривалось все, что могло послужить помѣхой побѣдѣ. Самое опасное, если охрана окажется на высотѣ своего положенія и не допуститъ близко

къ каретѣ. Кидать издали — повторять рысаковскую неудачу. Необходимо прежде остановить лошадей, а потомъ кончать — тогда навѣрное.

Придумывали множество способовъ громоздкихъ, рискованныхъ.

— Къ чему все это? Если надо непременно остановить карету, можно просто броситься съ большою бомбой подъ лошадей... Тутъ можетъ быть сразу удача, если нѣтъ, карета все-таки остановится... Къ лошадямъ прорваться ручаюсь.

Всѣ содрогнулись и взглянули на того, кто предложилъ... Самъ себя приговаривалъ... вѣрная смерть — ужасная — на клочки... Онъ былъ спокоенъ, какъ будто не оцѣнивалъ всего значенія предложенія... Да и впрямь — что же тутъ особеннаго: вѣдь это онъ предложилъ, онъ ручался — отъ юности обреченный, затаившій мятежный порывъ...

Принято.

Вотъ и день 8 іюля.

Все готово. Сведены послѣдніе счеты съ жизнью.

Въ походъ.

И вдругъ неудача! Одна изъ тѣхъ дикихъ, ничѣмъ необъяснимыхъ случайностей, которыя самое блестящее дѣло сводятъ на нѣтъ... Поэтъ и я не нашли другъ друга въ назначенномъ мѣстѣ... А онъ проѣхалъ, и при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ...

Хотѣлось не существовать отъ стыда и бѣшенства... Мы сидѣли среди заброшенной, поросшей бурьяномъ площади. Передъ нами фабрика, грязное закоптѣлое зданіе. Дикій ревъ свистковъ, рѣжущій ухо лязгъ желѣза, уродливые обрывки разговоровъ...

Какъ все это странно, непонятно... Жизнь не находитъ отклика въ нашихъ сердцахъ и напрасно стучится туда, причиняя боль и досаду... Зачѣмъ все это? Развѣ мы не умерли? Кругомъ грязь, мерзость заустѣнія... И мы повержены въ прахъ — прямо съ неба.

Я неистоествую и почти со злобой смотрю на своего сосѣда. Маленькій, жалкій — сидитъ на кучѣ мусора и смотритъ молча, задумчиво въ черныя зіяющія дыры, вмѣсто оконъ, на фабричной стѣнѣ... О чемъ онъ думаетъ? Почему такъ спокоенъ? Неужели его занимаетъ этотъ шумъ, что мутной волной изливается на насъ сквозь безобразныя дыры?... Хочется опять сорвать на немъ свою злость... Онъ взглядываетъ на меня и замѣчаетъ мое недружелюбное настроеніе... И говоритъ печально:

— Странный ты: ничего не можешь затаить въ себѣ — все лѣзетъ наружу... Мы непохожи... У меня въ душѣ адъ...

Голосъ обрывается.

Я схватилъ его руку и прижалъ къ своему пылающему лицу.

Въ ту же ночь мы мчались со скорымъ поѣздомъ.
Лежали рядомъ на сосѣднихъ скамейкахъ и не спали.
Въ каждомъ стукѣ колесъ слышится: позоръ! позоръ! позоръ!
Вдругъ Поэтъ приподнимается на локтѣ и склоняется ко мнѣ
лицомъ... Чувствую его горячее дыханіе...

Лицо не хорошее, искаженное непріятной, насмѣшливой улыбкой... Шепчетъ:

— Слышишь, колеса стучать: позоръ! позоръ! Вотъ здѣсь расплата... Харакири.

И показываетъ на дуло револьвера, выглядывающее изъ-за борта пиджака.

Я отвѣчаю:

— Развѣ это рѣшеніе вопроса?... Бѣжать съ поля сраженія...

Онъ отвертывается.

Мнѣ вспомнились тутъ тѣ высокія требованія, которыя Поэтъ предъявлялъ ко всякому, кто рѣшался стучаться въ двери Б. О. Да, при такихъ высокіхъ требованіяхъ всякая неудача должна, пожалуй, казаться преступленіемъ, изъ котораго единственный выходъ — харакири.

Прошла недѣля томительнаго ожиданія.

Какъ сквозь сонъ помню грустный образъ Поэта.

Насталъ послѣдній день — 15 іюля.

Поэтъ шелъ вторымъ съ мыслью покончить то, что начнетъ первый.

Почти не было надежды, что онъ останется цѣлымъ.

Но посчастливилось сразу, и онъ ушелъ...

Ушелъ, чтобы прийти вторично... Мечта его исполнилась вся...

Совершилъ блестящее дѣло... Путь отъ акта до эшафота прошелъ гордо и честно... И умеръ славно... Упалъ, какъ колось созрѣвшій, полновѣсный.

Есть самоцвѣтные камни. Волшебною игрою своихъ лучей они манятъ глазъ. Неудержимо хочется взять ихъ въ руку, ласкать, упиваться игрою свѣта...

И боязно прикоснуться, испортить, нарушить гармонію красокъ.

Память о немъ такъ жива, думаю о немъ и вижу, и слышу его до акта, во время акта и послѣ — до конца — онъ всегда и всюду равенъ себѣ.

Сказочное сочетаніе силы, нѣжности, красоты и... святости.

Неудержимый порывъ заставляетъ меня бережно собрать всѣ мелочи, которыя, какъ драгоценныя перлы, хранятся въ памяти. Не воссоздать образъ, живущій въ памяти, о, нѣтъ! только не дать затеряться моимъ сокровищамъ.

Можетъ быть, кто нибудь используетъ ихъ и оживитъ лучезарный, дорогой образъ.

Да живетъ вѣчно!...

Егоръ Созоновъ.

Акатуй. Сентябрь 1906 г.

Изъ воспоминаній объ Иванѣ Каляевѣ.

Я помню его еще въ студенческіе годы. Мы въ его маленькой комнатѣ, на Маломъ Проспектѣ Васильевскаго Острова. Блѣдный, онъ стоитъ предо мной, и его громадныя, чистыя и печальныя глаза загораются новымъ для меня, то вспыхивающимъ, то снова замирающимъ блескомъ.

— Послушай, — тихо говоритъ онъ: — неужели это вопросъ морали?... Неужели силой нельзя?... Неужели всегда „не убій“?... Вѣдь они убиваютъ?... Вѣдь кровь льется рѣкой. Часто невидимая, всегда невинная... Развѣ не кровь за кровь? Не жизнь за жизнь? И развѣ не преступленье молчать, или говорить, только говорить?...

Онъ смотритъ на меня долгимъ и мучительнымъ взглядомъ. Сквозь пыльныя занавѣски искрится первые, еще юныя, еще робкіе лучи майскаго утра. Онъ не замѣчаетъ ихъ. Его щеки горятъ и въ глазахъ свѣтится мука, — мука сомнѣнья и колебанья.

— Развѣ не стыдно жить?... Развѣ не легче умирать и... убивать?... — снова шепчетъ онъ, низко наклоняясь ко мнѣ. Кто рѣшить, скажи, кто рѣшить? И позволено ли, все ли позволено?... *Niech wstaja dumni, niech ida tłumni...* А если не встанутъ, и не пойдутъ, или не сумѣютъ дойти, дойти до конца, до самаго конца?... На что же тогда мы?... Или это малодушіе? Боязнь смерти и... преступленья? Преступленья ли?

Его голова бессильно опускается на руки. Все ли позволено и позволено ли?... Я медленно уожу отъ него. И сердце давятъ сомнѣнье и колебанье, — тайна неразрѣшенной и неразрѣшимой загадки.

* * *

Прошло много времени. Жизнь бросала его, какъ осенній вѣтеръ бросаетъ и гонитъ опадающіе, уже готовые умереть листья. И снова мы встрѣтились на минуту. Встрѣтились на распутьи: настоящаго не было и будущее было полно тревоги и тайны.

Я стоялъ на площадкѣ вагона и въ послѣдній разъ крѣпко жалъ ему руку. На этой, залитой электрическими огнями, такой скучной и такой оживленной платформѣ, среди звона, свиста и хаоса, въ толпѣ чужихъ, суетящихся, куда-то спѣшащихъ людей, онъ казался потеряннымъ, маленькимъ и робкимъ. И тѣмъ болѣе странно было слышать его увѣренный и спокойный голосъ.

— Теперь нѣтъ вопросовъ. Да—да и нѣтъ—нѣтъ. Да, — нужно и можно. Нѣтъ, — преступно и стыдно. Кровь вызываетъ кровь. Балмашева повѣсили и повѣсятъ Гершуни. Нужно и можно мстить. Стыдно и преступно ждать и радоваться жизни...

И, помолчавъ, прибавляетъ съ улыбкой:

— И все-таки жизнь хороша. Хороши звѣзды, и небо, и цвѣты, и люди, и... смерть хороша.

Fertig! Abfahren!... Пора въ дорогу, пора прощаться, прощаться надолго... Быть можетъ, навсегда.

„Подожди. Знаешь ли что? Мнѣ кажется, нужно умѣть любить и еще... ненавидѣть. Тогда все можно. Понимаешь, все. И убить можно. Да, и убить!“...

Мелькають огни послѣдняго семафора. Поѣздъ, качаясь, мчитъ, и подъ неумолчный грохотъ его колесъ передо мной встаетъ онъ, спокойный и твердый, а непослушная память повторяетъ слова: „нужно и можно мстить, стыдно и преступно радоваться жизни“...

* * *

Мы сидимъ съ нимъ въ трактирѣ. Онъ уже давно нелегальный. Корректный, въ высокихъ воротникахъ, онъ откинулся на спинку своего стула и смѣется веселымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты послушай. Я на границѣ. Нужно платить сто рублей. Сто рублей заплатить имъ!... Конечно, я не заплатилъ. Написалъ заявленіе, — жительство имѣю тамъ-то, заплачу тогда-то. И расписался. По документу, конечно. Подходить чиновникъ. Важный, въ погонахъ и съ зеленымъ кантомъ. — Сознайтесь лучше, что вы не тотъ, за кого себя выдаете. — Какъ не тотъ? Что вы? Я бѣдный еврей. Никогда ни въ чемъ замѣшанъ не былъ. Учусь въ Антверпенѣ. Мамаша больна, у папаша мануфактурный магазинъ въ Минскѣ. — Пожалуйте въ Жандармскую... Ты представь себѣ мое положенье... Ну, думаю, конецъ и moje uszanowanie...

Машинный Тангейзеръ глухо хрипитъ свою скорбную пѣсню. Сонные половые устало бродятъ по угламъ, а онъ все дрожить отъ смѣха и заражаетъ меня своимъ безпечнымъ весельемъ.

— Вы такой то? — Онъ самый. — Подпись на паспортъ сдѣлана не вами. — Извините, господинъ жандармскій офи-

перъ, это моя подпись. — А я вамъ говорю, что нѣтъ. — Извините, но это такъ. Я подпишусь, и вы увидите, что я правъ. И подписываюсь. Поддѣлать подпись я умѣлъ великолѣпно. Смотрить, сличаетъ, качаетъ головой. — Гм... странно... дѣйствительно... А все-таки нужно васъ обыскать. — Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе... А въ карманѣ внутренней паспортъ... — Елдыринъ! Обыскать!... — Зачѣмъ же-съ, я и самъ... вотъ извольте... Вынимаю все, кромѣ паспорта, конечно. И бумажникъ. Въ бумажникѣ 500 рублей. Посмотрѣлъ. — Вашъ батюшка торговецъ? — Да, отвѣчаю, у папаши мануфактурный магазинъ. — Вы къ родителямъ ѣдете? — Да, я въ Коммерческой Академіи учусь, теперь на праздники домой ѣду. Устался на меня и молчитъ. — Елдыринъ, въ вещахъ ничего нѣту? — Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Подобрѣлъ, улыбнулся пріятно. — Ну, видно, ошибка. Вы не будьте въ претензіи. Сами знаете, какое время. Трудно ли ошибиться? Не угодно ли папиросу? — Не курю. Подаль на прощанье руку и до свиданья... Ну, какъ тебѣ правится? Не дураки ли, и не правъ ли я, что со та *wisiec nie-utonie*?... Человѣкъ, стаканъ чаю съ лимономъ!...

Мы оба смѣемся. Подъ потолкомъ медленно таютъ густые клубы табачнаго дыма и трактирный Тангейзеръ по прежнему рыдаетъ и стонетъ.

Его лицо вдругъ становится серьезнымъ и грустнымъ.

— А, знаешь, выводъ какой? — все нужно дѣлать по японски. Точно, обдуманно, аккуратно. Все, каждую мелочь. Вѣдь, мой провалъ былъ бы нашимъ Кинь-Чжоу. Изъ-за паспорта, изъ-за какой-то бумажки... Подумай только... Нѣтъ, побѣждаютъ мелочами... О нихъ нужно думать, думать постоянно... Да, постоянно, — задумчиво кончаетъ онъ.

Мы выходимъ вмѣстѣ на улицу. И, прощаясь со мной, онъ опять повторяетъ серьезно и строго:

— По японски, не иначе какъ по японски...

* * *

— Баринъ, вотъ, баринъ, рѣзвая... Създили бы на рѣзвой... Эхъ прокатили бы полтинникъ!...

Я оборачиваюсь. Въ извозничьемъ картузѣ, обросшій густой бородой, маленькій и какой-то для меня новый, онъ улыбается мнѣ своей задумчивой и доброй улыбкой.

Онъ — почти лихачъ, и лошадь — почти рысакъ. Сани съ медвѣжьей полостью, кушакъ ярко краснаго цвѣта, дуга съ рисункомъ, и самъ онъ ухарски поводитъ плечами и кричитъ извозничьимъ басомъ:

— ... Эй ты, путайся тамъ у меня, путайся... Из-возчикъ! Проѣзжай, что ли, чертъ эта-кій!...

Полозья скрипятъ по твердому снѣгу, мимо мелькаютъ яркіе

огни фонарей, на улицѣ смѣхъ и говоръ, и праздничная, такая пестрая и такая чуждая намъ толпа...

Онъ оборачивается ко мнѣ, красный, замерзшій, съ ледяными сосульками на усахъ и, показывая головой на троттуаръ, говоритъ:

— ... Веселятся... Ну что же, праздникъ... А вчера, въ сочельникъ, я всю ночь ѣздилъ... Господь возилъ. Хорошіе господа... За заставой баринъ съ барыней гуляли... Цѣлковый на чай пожертвовали... Ты, говорятъ, извозчикъ, откуда, какой, говорятъ, губерніи?... Я, говорю, не здѣшній, костромской я... Что-жъ, спрашиваютъ, въ деревнѣ то лучше? Да, не по своей охотѣ, чай, ѣздимъ-то... Ну ты, балуй у меня, шалая!...

Онъ громко смѣется и продолжаетъ уже серьезно.

— Съ непривычки трудно было немножко. Попа одного возилъ. Спутался въ переулкахъ, не туда завезъ. Ругается попъ, участкомъ грозить. Билеть, подлець, отниму, по міру, дармоѣдъ, пойдешь... Едва вымолилъ: простите, говорю, ради праздника, батюшка... На постояломъ смѣхи, — какой ты, говорятъ, Ефимъ, хозяинъ. Не хлѣбный ты человекъ, силы въ тебѣ пѣту, хомуть у тебя украли... А я все крещусь да крещусь: Господи помилуй, дай три цѣлковыхъ наѣздить...

И смѣется опять.

— ... Прокатать тебя?... Э-эхъ, милая!... Теперь все обошлось, — совсѣмъ извозчикъ сталъ. На дворѣ уваженіе, — самъ хозяинъ по имени отчеству, за руку здороваается. Видитъ, человекъ трезвый, деньги домой отсылаетъ, не балуетъ, въ церковь ходитъ, начальство чтить... Карпуха-босаякъ, чуть я въ ворота, шапку долой: — здорово, лихачъ, не помытъ ли сани?... За столомъ разговоры: Портъ-Артуръ, Стессель, Государь Императоръ... Видятъ съ умомъ. Умъ въ тебѣ, Ефимъ, есть, привыкъ ты... которые извозчики, конечно, безъ ума, какая ѣзда ихъ?... а ты грамотный, диво ли пять цѣлковыхъ привезти можешь...

Онъ старательно объѣзжаетъ городского и совсѣмъ входитъ въ роль:

— Фараоны!... Извозчику жить не даютъ. Все тебѣ штрафъ да штрафъ... Городовой, околоточный, приставъ, членъ общества покровительства, просто членъ... Начальства этого видимо-невидимо... И всё урвать поровнять... Эхъ, жизньъ наша, проклятушая!...

Сани лихо подкатываютъ къ подъѣзду, и онъ уже шепотомъ говоритъ мнѣ:

— Замерзъ что-ли? Ну, вылѣзай скорѣе... Погрѣйся, а я тебя подожду. Небось, тоже погрѣюсь...

Я сую ему въ руку полтинникъ. Отъ лошади валитъ паръ. Онъ снимаетъ заиндевѣлый картузь и кланяется низко. И

когда я ухожу, и онъ теряется въ морозной мглѣ вечера, мнѣ все еще видится его тихая улыбка, а въ душѣ крѣпнетъ вѣра въ успѣхъ и въ побѣду...

* * *

— Въ снѣжки!... Давай играть въ снѣжки!... — Онъ сбѣгаетъ внизъ по откосу и со смѣхомъ, весь въ серебряныхъ блесткахъ, ждетъ меня у рѣки, на дорогѣ.

— Ну, бросай... Ну, бросай же... Скорѣе... Берегись, берегись же...

И въ меня летятъ комья мерзлаго снѣга, и дрожать, и высыпаются на лету прозрачной, тончайшей пылью...

Спрятался за широкую ель и собираетъ снѣжки, цѣлую груду снѣжковъ. И опять съ минуту пѣть ничего. Только снѣжная пыль и веселыя, самоцвѣтныя искры. Словно дождь серебра и алмазовъ.

И уже бѣжить, и тонетъ въ снѣгу, и смѣется, и опять то-нетъ...

И вдругъ надъ нами:

— И не стыдъ!... Большіе, а балуютъ...

Снѣжокъ застываетъ въ рукѣ... По откосу идутъ гимназистки. Дѣвочки, съ сумками въ рукахъ, маленькія, совсѣмъ еще дѣти.

— Мы не большіе, кричитъ онъ. Мы тоже дѣти... Дѣти народа...

И бросаетъ въ нихъ снѣгомъ.

Смѣхъ, и снѣжная пыль, и солнце, и веселые вскрики...

На откосѣ цѣлая крѣпость. Въ насъ летятъ градомъ снѣжки, и мы, запорошенные снѣгомъ, отступаемъ къ рѣкѣ и весело слышимъ:

— Убѣжали!... большіе... ха-ха-ха... трусили... стыдно!

Онъ вынимаетъ платокъ. Бѣлый флагъ. Перемирье. Сдаемъ. И карабкается вверхъ, въ „Портъ-Артуръ“...

Снимаетъ шапку, жметъ побѣдительницамъ руки, и скоро всѣ ужъ кругомъ него, румяныя, свѣтлыя, и онъ, веселый, рассказываетъ имъ что-то.

Сказку про Недотрогу-Царевну.

И опять смѣхъ. Смѣхъ безъ конца. И солнце смѣется морозомъ, и рѣка сіяетъ серебромъ и огнями...

* * *

Мы ѣхали за-границу. Июльская почъ еще дышала зноемъ. Вечернія звѣзды мигали на потемнѣвшемъ небѣ, и въ придорожныхъ кускахъ громко звенѣли лягушки. А вдали, на горизонтѣ, неясно дрожали чьи-то огни и собаки лаяли отрывисто и глухо. Это — кордоны. Цѣпь пограничныхъ солдатъ, — людей, которые ищутъ насъ, и которыхъ мы вовсе не ищемъ.

Старая балагула дрожить и громыкает на поворотахъ. Колеса грузно скрипятъ, пара усталыхъ лошадей едва передвигаетъ ноги, и нашъ возница согнулся и въ тактъ лошадямъ сонно киваетъ своей курчавой, въ засаленномъ картузѣ, головою.

Мы ѣдемъ уже много часовъ. Скоро заря. Высокія сосны теряютъ свои пѣжныя очертанія, силуеты разбросанныхъ ветлй перестанутъ пугать своей уродливой красотой, встанетъ туманъ надъ желтыми, теперь еще черными полями, и разсѣется та смутная жуть, жуть ночи и лѣса, которая давить насъ и заставляетъ зорко вглядываться въ синюю мглу торной, уже столько разъ извѣзженной дороги.

— Посмотри, какъ звѣзды горять, — говоритъ онъ, наклонившись ко мнѣ, — въ небѣ темно, а онѣ горять и свѣтятъ. Знаешь, какъ и у насъ. Вѣдь у насъ темно, безпросвѣтно темно, а звѣзды все-таки есть. Горять и не гаснутъ. Развѣ память о Балмашевѣ не свѣтитъ? Развѣ о Егорѣ забудутъ? Рѣдкое счастье Егора... И почему не я, почему?... Онъ бы теперь жилъ, ѣхалъ бы вотъ съ тобой, а я былъ бы счастливъ... Какъ я былъ бы счастливъ... Мнѣ кажется, мы и понять не можемъ, что онъ чувствуетъ теперь, когда уже побѣда, уже конецъ...

Собаки лаютъ все ближе и ближе. Старый еврей вздрагиваетъ и испуганно хватается за кнутъ. И мы, звеня, гремя и задѣвая за камни, мчимся куда-то дальше, все дальше отъ этихъ кордоновъ, жандармовъ, ружей, солдатъ и... Россіи.

Онъ тихо начинаетъ опять:

— Когда я шелъ, мнѣ было все — все равно. И жить не хотѣлось. Въ сердцѣ одно — побѣдить, а тамъ, хоть трава не расти... Вѣдь это странно, не такъ ли?... Теперь вотъ опять хочется жизни... Знаешь, чтобы тихо было, спокойно... Чтобы придти въ себя, забыть все, не думать, не работать, а жить... Просто жить... Дышать, смотрѣть на людей и на небо... Я, должно быть, усталъ... И еще, знаешь, вотъ... Егоръ и Леопъ...

Его голосъ дрожить. Онъ отвернулся и смотритъ куда-то вдаль. И плечи тоже дрожатъ: къ утру становится холоднѣе.

— Побѣжай, — бросаетъ онъ внезапно возницѣ и, подымая воротникъ, ежится и прячетъ въ него лицо.

Мы молчимъ, а звѣзды уже гаснутъ на небѣ, уже клубится туманъ и скоро, уже скоро заблестятъ первые лучи утренняго, такъ долгожданнаго, солнца...

* * *

Мы стояли съ нимъ передъ Венерой Милосской. Божественная, она холодно смотрѣла на насъ и ей были чужды наши радости и наши тревоги. Она была выше земли и выше земного

неба. Ея дѣвственныя груди никогда не колебались желаньемъ, — нечистымъ желаньемъ счастья, и вѣка равнодушно прошли передъ нею. Къ кому жадно тянулись ея холодныя руки и чьи глаза встрѣчались съ ея каменнымъ взглядомъ?... Безсмертное вставало передъ нами. Синее небо Эллады сливалось съ лазурью теплаго моря, и забытыя тайны, вѣчныя тайны умершихъ боговъ уже рождались, уже воскресали и уже раскрывались передъ нами...

Я обернулся къ нему. Его лицо поблѣднѣло. Въ широко раскрытыхъ глазахъ былъ испугъ. Тотъ испугъ, когда нѣтъ предѣла восторгу. Онъ былъ счастливъ. И счастье пугало его.

Мы медленно возвращались назадъ. Древніе боги тихо ласкали насъ своей немеркнувшей красотой. Мраморныя сатиры и фавны привѣтливо улыбались и кивали намъ головами. Силень обнималъ юношу Вакха и тетива туго дрожала въ рукахъ у Діаны.

Онъ не замѣчалъ ихъ. Онъ шелъ устало и грустно. А въ глазахъ еще догаражи искры восторга.

У порога онъ обернулся опять. Она стояла все та же, непонятная и всегда равнодушная. И ея прекрасное лицо было попрежнему холодно и безстрастно.

И тогда онъ наклонился ко мнѣ. И я услышалъ его испуганный шепотъ:

— Красота, — вотъ высшая сила жизни. Въ ней счастье, въ ней и награда. Все умираетъ, только красота, недоступная красота живетъ вѣчно...

* * *

2-ое февраля.

Великій князь уже въ театрѣ. Его карета мелькнула бѣлыми огнями и скрылась. Прошли мгновенья, годы... И я ничего не слышалъ...

Мгла и холодъ. Одинокіе фонари еле мерцаютъ. Въ далекихъ углахъ — ни зги, только какія-то тѣни... И надъ башнями Кремля тучи, — тяжелыя, черныя.

Вотъ онъ идетъ. Идетъ тревожно. Ищетъ глазами меня. Замерзшій, усталый. Снѣгъ хруститъ подъ ногами, и онъ уже близко, — молчитъ и смотритъ.

— „Пойми... Я боюсь: не преступленье ли противъ насъ всѣхъ?... Но иначе не могъ, пойми... не могъ... Рука сама опустилась... Вѣдь, женщина, дѣти... Дѣти... За что?... Пусть судятъ всѣ, пусть ты судишь... Вѣдь ты мнѣ вѣришь... Я не могъ, я и теперь не могу“...

Онъ весь дрожитъ и окоченѣвшими пальцами крѣпко сжимаетъ свой свертокъ. Какъ бы боится разстаться...

— „Скажи, хорошо ли?... Вѣдь, хорошо?... Пусть живутъ. Развѣ они виноваты? Или ты думаешь, я боюсь? Нѣтъ, ты такъ не думаешь... Я подбѣжалъ къ самой каретѣ. Я замахнулся...

Я увидѣлъ ихъ и его... И хотѣлъ бросить... въ него... и не могъ... Рука опустилась... Понялъ,— умрутъ и они... Что дѣлать? Что дѣлать?“...

Подымается вѣтеръ. По темнымъ дорожкамъ сада вѣется морозная пыль. Деревья стонуть и осыпаютъ насъ искрами инея. Холодно. Пусто. Мы молчимъ и близко-близко жмемъ другъ къ другу.

Онъ говоритъ. И я слушаю его.

— „Рѣшай ты. Я одинъ не берусь. Если нужно для насъ, для партіи, для всѣхъ,— на обратномъ пути ихъ не будетъ. Ни его, ни ея, ни дѣтей“...

И опять молчить.

— „...Ни меня... Думай. Не обо мнѣ. О партіи и о нихъ. Какъ рѣшимъ, такъ и будетъ... Понялъ?... Какъ рѣшимъ, такъ и будетъ“!

Я вижу его глаза... И мнѣ становится страшно. Мы вмѣстѣ выходимъ. Вьюга бьетъ насъ. Свиститъ и колетъ снѣжными иглами. Гдѣ-то, сверху жалобно стонуть куранты...

Я цѣлую его... И вдругъ, — жгучая боль, счастье безъ имени, безъ словъ и безъ предѣла.

* * *

...На далекой башнѣ, въ Кремлѣ, медленно бьютъ часы... Разъ... Два... Два часа. Пора.

— „Прощай, Янекъ“...

— „Прощай“.

И не можемъ разстаться.

Таетъ. По кровельнымъ желобамъ глухо стучитъ вода. Снѣгъ кругомъ заплѣсневѣлый и рыхлый. Тихо, только сердце дрожитъ. И вдругъ:

— „Не уходи... Подожди немного“...

На Ильинкѣ народъ. Обгоняютъ. Идутъ навстрѣчу. Куда-то спѣшать. И все чужіе...

Мы идемъ и молчимъ. И не смотримъ, не видимъ другъ друга.

И вдругъ опять:

— „ Не бойся. Не ошибусь. Сдѣлаю все, какъ нужно... И потомъ, по ту сторону—тоже“...

Вотъ и Кремль. Долго стоимъ и смотримъ. Прямо въ глаза. Въ душу. Въ послѣдній разъ.

Онъ кладетъ руку мнѣ на плечо. И глядитъ. И вдругъ быстро цѣлуетъ. Въ губы. Долго и крѣпко.

И надвигается тьма.

Борисъ Савинковъ.

Кассационная жалоба И. П. Каляева въ Сенатъ.

Я знаю, что я долженъ умереть. Идя на кровавое дѣло, я заранѣе приготовился заплатить за него и своею жизнью.

Случаю угодно было вывести меня невредимымъ изъ бури взрыва и передать въ руки закона, именемъ котораго я предавъ смертной казни. Я признаю этотъ приговоръ съ признательнымъ спокойствіемъ чловѣка, исполнившаго свой долгъ, и съ радостью удовлетворенной совѣсти передъ лицомъ всепрощающей вѣчности. Но, умирая по убѣжденію, я не исполнилъ бы своего долга до конца, если бы по мотивамъ личного свойства, отказался бы дать объясненія по существу приговора. Именно сознаніе того, что дѣло 4 февраля не есть личное мое дѣло и, слѣдовательно, приговоръ, провознесенный надо мною, имѣетъ распространительное значеніе, и побуждаетъ меня съ холодною серьезностью отдѣлать въ обстоятельствахъ моего дѣла элементы личныхъ моихъ побужденій и признаній отъ тѣхъ общихъ сторонъ происшествія, какія только и должны войти въ разсмотрѣніе верховнаго суда. Я дѣйствовалъ, какъ членъ Б. О. П. С. Р., былъ исполнителемъ ея приговора и, только въ предѣлахъ полномочій, пославшихъ меня, дѣло мое подлежитъ обсужденію съ принципиальной стороны.

Только по установленіи этой единственно правильной точки зрѣнія на дѣло могутъ получить самостоятельное толкованіе и тѣ эпизоды процесса, въ которыхъ выразилась моя индивидуальность. Другими словами, та или иная оцѣнка моей личности не должна затемнять правильного пониманія характера и цѣлей моей партіи. Но и въ оцѣнкѣ моей личности было бы ошибкой рѣшать вопросы лишь на основаніи отрывочныхъ впечатлѣній. Вотъ почему я стараюсь представить въ настоящемъ показаніи мою автобіографію, въ предѣлахъ развитія моихъ убѣжденій, открывшихъ мнѣ доступъ въ Боевую Организацию, и затѣмъ дать характеристику всей партіи социалистовъ-революціонеровъ.

Я родился отъ матери польки и выросъ въ Варшавѣ, но всегда чувствовалъ себя русскимъ. Отецъ мой происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Рязанской губерніи и отъ него я перенялъ любовь къ русскому народу. Изъ гимназіи, единственной русской въ Варшавѣ, я вынесъ какую то романтическую любовь къ Россіи и жажду служенія ей во имя чловѣчества. Но развившаяся во мнѣ съ раннихъ лѣтъ наблюдательность и склонность къ анализу окружающей дѣйствительности, рано пріучила меня къ критической оцѣнкѣ отечественныхъ порядковъ. Мнѣ было тяжело въ атмосферѣ казеннаго

патріотизма и національної вражды и вотъ почему я не поступилъ въ варшавскій университетъ, а уѣхалъ въ Москву. Параллельно съ развитіемъ моихъ политическихъ убѣжденій, шло развитіе моихъ общественныхъ симпатій. Мой отецъ служилъ околѣд. надзирателемъ въ варшавской полиціи и впослѣдствіи артельщикомъ въ управленіи завода Б. Гантке. Это былъ человекъ честный, не бралъ взятки и потому мы очень бѣдствовали. Братья мои выросли рабочими и мнѣ одному посчастливилось пробраться въ университетъ. Съ юныхъ лѣтъ я свикался съ интересами труда и нуждою и сталъ вскорѣ убѣжденнымъ социалистомъ. Я вѣрилъ въ свои силы, восторженно стремился къ высшему образованію и имѣлъ честныя намѣренія быть честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, труженникомъ на пользу родному народу. Такимъ я заявилъ себя впервые публично во время студенческаго движенія СПб. университета въ 1899 году. Въ результатѣ я былъ исключенъ безъ права обратнаго поступленія и высланъ на два года подъ надзоръ полиціи въ Екатеринославъ. Это было тяжелымъ ударомъ для меня, навсегда опредѣлившимъ мою судьбу. Живя въ Екатеринославѣ, я работалъ въ газетахъ, изучалъ хозяйственный бытъ Россіи, былъ членомъ ревизіонной комиссіи въ мѣстномъ просвѣтительномъ учрежденіи, но мнѣ жаль было терять мои молодые годы. На всѣ прошенія принять меня въ университетъ, даже по истеченіи срока надзора я получилъ холодный отказъ. Близость моя къ революціоннымъ дѣятелямъ с.-д. и вліяніе народовольческой литературы указали мнѣ выходъ изъ неопредѣленнаго положенія человека, которому отказано въ правѣ жить и развиваться. Съ тѣхъ поръ я сталъ убѣжденнымъ революціонеромъ. Въ 1901 году я принялъ участіе въ комитетѣ партіи с.-д. наканунѣ декабрьской демонстраціи. Демонстранты были разеяны и изранены полиціей. Я былъ готовъ отвѣтить на это покушеніемъ на жизнь тогдашняго губернатора, графа Келлера, который вообще буйствовалъ въ губерніи, но, будучи одинокъ, долженъ былъ оставить свое намѣреніе. Террористическія идеи глубоко запади мнѣ въ душу, и я искалъ ихъ разрѣшенія въ дѣйствіи. Съ жаждой знанія, съ жаждой такой дѣятельности, которая захватила бы меня всего, я уѣхалъ за границу во Львовъ, гдѣ поступилъ въ университетъ и, кромѣ того, занялся изученіемъ революціонной литературы. Тамъ я опредѣлился окончательно. Дѣло Балмашева было какъ бы моимъ дѣломъ. Но имѣя связи съ социаль-демократами, я рѣшилъ принять участіе въ нелегальной дѣятельности съ цѣлью найти себѣ соратниковъ для открытой революціонной борьбы. Лѣтомъ 1902 года во время переѣзда изъ Львова въ Берлинъ, я былъ арестованъ германской полиціей съ революціонными изданіями на пограничной таможенѣ и выданъ русскимъ властямъ. Этотъ эпизодъ нѣсколько отклонилъ въ сторону мои намѣренія и надолго отсрочилъ ихъ осуществленіе. Выждавъ окончанія этого непріятнаго для меня инцидента, я въ октябрѣ 1903 года уѣхалъ за границу. Съ тѣхъ поръ до послѣдняго дня я ждалъ случая выйти въ качествѣ террориста. Но и непосредственныя чувства въ этомъ направленіи, мои мысли о необходимости подобнаго рода дѣйствія питались вопі-

ющими бѣдствіями, выпавшими на долю моей родины. За границей я испыталъ, съ какимъ презрѣніемъ всѣ европейцы относятся къ русскому, точно имя русскаго — позорное имя. И я не могъ не прійти къ заключенію, что позоръ моей родины, эта чудовищная война вѣшняя и война внутренняя, этотъ открытый союзъ царскаго правительства съ врагомъ народа — капитализмомъ, — есть слѣдствіе той злостной политики, которая вытекаетъ изъ вѣковыхъ традицій самодержавія.

П. С. Р. рѣшила покарать его наиболее чувствительнымъ способомъ — убійствомъ великаго князя Сергѣя Александровича, одного изъ наиболее свирѣпыхъ ревнителей культа злосчастнаго имени императора Александра III.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ поручила мнѣ привести приговоръ въ исполненіе надъ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, какъ надъ московскимъ ген.-губернаторомъ. Это я объяснилъ въ подробной мотивировкѣ на судѣ. Но лично я не могъ не знать, что подымаю руку на члена императорскаго дома. Къ сожалѣнію, предсѣдатель не далъ мнѣ возможности подробнѣе высказаться по этому пункту. Я успѣлъ только сказать, что мотивомъ такого твердаго моего убѣжденія являются концессіи въ Корей, послужившія поводомъ къ войнѣ съ японцами. Да, дѣйствительно, — старая придворная партія ревнителей культа реакціи, связанной съ именемъ Александра III, во главѣ которой стоятъ нѣкоторые великіе князья, имѣла рѣшающее вліяніе на руско-японскій конфликтъ изъ-за Кореи и является до сихъ поръ ревностнѣйшимъ сторонникомъ войны во что бы то ни стало. Исторія съ Краснымъ Крестомъ, исторія съ броненосцами — вотъ еще *corpus delicti* противъ этой великокняжеской политики въ стилѣ Сергѣя Александровича.

Такимъ образомъ, прибавленіе въ приговорѣ титула „дяди Е. В.“ къ званію великаго князя Сергѣя Александровича не имѣетъ достаточно основаній изъ моихъ признаній.

Если бы я имѣлъ въ виду Е. В., я сказалъ бы, что я дѣйствовалъ противъ Е. В., и не было бы мнѣ надобности скрывать свою мысль въ общей формулѣ „противъ императорскаго дома.“ Моя формула имѣетъ ограничительное значеніе и вовсе не касается въ этомъ смыслѣ Е. В., какъ царствующаго монарха. Моя партія, насколько я понимаю партійную политику, не ставила вопроса о личности Е. В. Въ своемъ заявленіи, какъ членъ партіи, сознающій свой долгъ блюсти ея интересы, я также не высказалъ лично отъ себя больше, чѣмъ это мнѣ позволяла партійная дисциплина. Говоря о политикѣ самодержавія въ историческомъ освѣщеніи, о культѣ императора Александра III и т. д., я имѣлъ въ виду не личность Е. В., а партійную реакціонную политику, въ которой великіе князья принимаютъ самое невыгодное для Е. В. участіе. Это я и высказалъ словами: „Если вѣрно то, что такіе министры, какъ Плеве, губятъ монархію, то еще съ большимъ основаніемъ можно сказать, что такіе великіе князья, какъ Сергѣй Александровичъ, губятъ престижъ династіи.“ Въ пзясненіе

настоящаго заявленія, я считаю долгомъ подробнѣе развить свою мысль о томъ, что ни партія, ни я не могутъ быть признаны анархистами.

Поэтому во избѣжаніе неправильнаго толкованія моихъ мыслей, я заявляю свой протестъ противъ включенія формулы — „дади Е. В.“ — въ окончательной формѣ приговора.

Въ государственномъ вопросѣ партія Соціалистовъ-Революціонеровъ стоитъ на точкѣ зрѣнія европейской социаль-демократіи, проповѣдующей участіе рабочаго народа въ государственномъ управленіи посредствомъ выборныхъ въ парламентъ. Наша партія, какъ и социаль-демократы, выставляетъ въ настоящее время требованіе всеобщаго избирательнаго права и очень далека отъ отрицанія анархистами блага государственнаго народоуправленія. Я могу указать на программу, опубликованную въ одномъ изъ номеровъ „Р. Р.“, а также на заявленіе по случаю убійства Плеве, въ которомъ она явно ограничиваетъ себя отъ анархистовъ, повторяя заявленіе „Народной Воли“.

Задача партіи въ главнѣйшемъ — это организація крестьянства и городскихъ рабочихъ на началахъ социализма для борьбы съ экономическимъ угнетеніемъ, и политическая программа дѣйствія противъ самодержавія всеми средствами, не исключая террористическихъ актовъ, есть лишь вынужденная политикой правительства революціонная мѣра. Мы боремся съ самодержавіемъ, какъ съ системой правительственной политики, а вовсе не стремимся къ разрушенію государства. Если мы противъ основныхъ законовъ самодержавія, то только потому, что эти законы лишь прикрытіе произвола. Самое новое уложеніе есть овященіе административнаго усмотрѣнія. Если я не признаю суда, и закона, который считаю лицепріятнымъ закономъ, то я объяснилъ откровенно почему. Какъ революціонеръ, я заявилъ, что не признаю тѣхъ государственныхъ учреждений (имѣя въ виду судъ сената), которыхъ политическое лицемеріе покрываетъ нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именемъ оскорбленной человѣческой совѣсти ради торжества насилія. Сила моего заявленія во второй, а не въ первой половинѣ. Въ самомъ началѣ засѣданія суда я не призналъ себя подсудимымъ, какъ представитель воюющей съ правительствомъ стороны и его пѣвчикъ. Я сказалъ, что судить меня можетъ только свободно и нелицепріятно выраженная народная совѣсть, т. е. судъ присяжныхъ. Политическій судъ не есть судъ совѣсти, и вотъ почему я ограничился на судъ только фактическими отвѣтами, не обнажая моей совѣсти. У меня нѣтъ и не было личныхъ враговъ. Романтикъ по натурѣ, дисциплинированный суровой школой нужды, я могъ бы быть скромнымъ, но трудолюбивымъ общественнымъ работникомъ. Политическія условія создали изъ меня революціонера и главнымъ мотивомъ такого поворота во мнѣ были человѣческія страданія. Я исполнилъ свой партійный долгъ и никогда не былъ звѣремъ. Это лучше всего можетъ засвидѣтельствовать великая княгиня, съ которой я объяснялся очень сердечно и откровенно, не смотря на сильное возбужденіе, въ

которомъ я находился во время свиданія съ нею. На судѣ предсѣдатель не напомнилъ мнѣ вопросомъ о моемъ отношеніи къ убитому кучеру,—я лично забылъ объ этомъ обстоятельстве, но, конечно, я не желалъ его смерти и былъ крайне удрученъ, когда мнѣ сказали, что онъ умеръ, хотя, согласно правилу поведенія на слѣдствіи, я отказался дать какія либо объясненія.

Еще одно обстоятельство, которое, повидимому, составители приговора имѣли въ виду, отмѣтивъ мое звѣрство и безщадное отношеніе къ постороннимъ. Вѣдь, кромѣ кучера въ единственномъ числѣ, никто не пострадалъ, зачѣмъ же говорить о постороннихъ во множественномъ? Очевидно, тутъ рѣчь о великой княгинѣ и моемъ письмѣ къ ней. Въ этомъ письмѣ я имѣлъ неосторожность употребить фразу, которая открываетъ просторъ недобросовѣстному толкованію. Я писалъ: „Будь Вы въ каретѣ, Вы также погибли бы. Но Ваша смерть была бы только ненужной случайностью, противъ которой организація шла обдуманно. Въ этомъ смыслѣ я молитвенно не желалъ Вашей гибели и былъ чрезвычайно радъ, когда Васъ въ каретѣ не оказалось, т. к. то обстоятельство, что Вы остались въ живыхъ, — это также моя побѣда.“ Неправильно построена только первая фраза и, если взять ее отдѣльно, то, дѣйствительно, можетъ представиться, что я не пожалѣлъ бы даже женщину. Но такой смыслъ не вяжется съ послѣдующими фразами моего заявленія. Реальнаго смысла эта неловкая первая фраза не можетъ имѣть никакого и, если имѣеть, то сверхъ-реальный, предположительный, почти мистическій. Мнѣ доставила много мученій судьба великой княгини. Изъ газетныхъ сообщеній мнѣ было извѣстно, что великая княгиня ѣздитъ иногда съ великимъ княземъ и нужно было произвести нападеніе тогда, когда въ каретѣ былъ бы одинъ князь. 4 февраля я, завидя карету, былъ увѣренъ, что великой княгини въ каретѣ не можетъ быть. Такимъ образомъ, вѣдствие удачнаго выбора момента покушенія, великая княгиня оказалась внѣ опасности. Это обстоятельство я считаю для себя высшей наградой, которой радуюсь самымъ искреннимъ образомъ и вотъ почему съ сознаниемъ спасенія жизни человѣческой я могу гордиться обнаруженнымъ мною мужествомъ и спокойствіемъ духа, съ какимъ я выполнилъ возложенное на меня порученіе. Зачѣмъ же въ приговорѣ говорится о томъ, что я не пощадилъ постороннихъ? Я рѣшительно протестую противъ этого недобросовѣстнаго обвиненія. Мнѣ можно поставить въ заслугу то обстоятельство, что великая княгиня и никто изъ постороннихъ не пострадалъ, но не вывертывать благоприятный для меня фактъ въ осужденіе.

Въ заключеніе считаю нужнымъ пояснить, почему я не назвалъ себя на судѣ. Предсѣдатель говорилъ такъ тихо, что я, будучи оглушенъ взрывомъ, отъ внутренняго волненія не разлышалъ перваго вопроса при открытіи суда и не понялъ, о чемъ меня спрашиваютъ. Имѣя въ виду въ самомъ началѣ заявить, что не признаю себя подсудимымъ, я это сказалъ, но на первой фразѣ предсѣдатель меня остановилъ, и я замѣшался.

Въ виду всего вышеизложеннаго, находя приговоръ составленнымъ пристрастно и по существу, а равно и по обстоятельствамъ судебного разбирательства, нарушающимъ принципъ правосудія, считаю долгомъ моей чести просить о вторичномъ пересмотрѣ моего дѣла.

Отъ редакціи. — Въ этомъ номерѣ «Былого» мы помѣщаемъ воспоминанія о Каляевѣ двухъ его близкихъ друзей и товарищей по дѣлу. Со временемъ, несомнѣнно, о Каляевѣ будетъ написано очень много и какъ о человѣкѣ, и какъ объ общественномъ дѣятелѣ.

Каляевъ самъ по себѣ — одинъ изъ удивительно интересныхъ, богато одаренныхъ людей, — это былъ хорошій товарищъ, талантливый писатель и поэтъ, рѣдкій фанатикъ — въ лучшемъ смыслѣ этого слова — своего дѣла. И художникъ, и биографъ найдутъ въ Каляевѣ благодарный матеріалъ, чтобы въ яркихъ краскахъ обрисовать своимъ читателямъ его фигуру. Какъ общественный дѣятель, Каляевъ въ послѣдній годъ своей жизни сыгралъ видную роль въ русскомъ освободительномъ движеніи: въ дѣлѣ противъ Плеве и вел. кн. С. Ал. Каляеву принадлежитъ очень многое, — онъ проявилъ въ этихъ дѣлахъ и инициативу, и являлся однимъ изъ главныхъ ихъ исполнителей. Его поведение послѣ ареста, на судѣ и послѣ суда до самой смерти, его исторической важности тогдашнія письма и заявления, на которыхъ русской историкѣ внимательно остановится, — все это въ свое время глубоко волновало широкіе слои въ Россіи, и Каляевъ, такимъ образомъ, въ подготовленіе общенароднаго движенія 1905—1906 г. внесъ лично огромный вкладъ. Все, кто будутъ писать объ этихъ годахъ, будутъ говорить и о Каляевѣ.

Кромѣ воспоминаній Созонова и Савинкова мы еще печатаемъ не опубликованную кассационную жалобу Каляева въ сенатъ. Конечно, говорить объ огромномъ значеніи этого документа нѣтъ нужды. Въ настоящее время мы скажемъ объ этой жалобѣ нѣсколько словъ.

Требую пересмотра своего дѣла, Каляевъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду ни добиться замѣны себѣ смертной казни каторжными работами, ни отсрочки казни на нѣсколько недѣль. Онъ спокойно и смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти и для него казнь была лишь новой, послѣдней службой родинѣ. Онъ добивался и добился новаго разбирательства дѣла въ сенатѣ въ своемъ присутствіи — это, если не ошибаемся, единственный примѣръ въ русскихъ политическихъ судахъ — для того, чтобы еще разъ гласно защищать дѣло своей партіи. Оба суда надъ Каляевымъ — въ Москвѣ и въ Петербургѣ — имѣли крупное общественное значеніе.

На политической терроръ Каляевъ смотрѣлъ гораздо шире и глубже, чѣмъ не только большинство въ партіи с.-р., но шире и глубже, чѣмъ многіе изъ его товарищей по Боевой Организаци, — въ этомъ случаѣ онъ на задачи Б. О. смотрѣлъ глазами настоящаго народовольца, — не даромъ онъ въ прощальномъ письмѣ къ товарищамъ говорить о своей партіи, какъ о продолжательницѣ дѣла партіи «Народной Воли» во всей его полнотѣ. Но въ своей жалобѣ въ сенатъ Каляевъ въ вопросѣ террора всталъ на точку зрѣнія партіи с.-р., вѣрнымъ выразителемъ которой тогда былъ Гершунъ, напр., въ своей рѣчи на судѣ. Самъ Каляевъ даетъ объясненія этихъ мѣстъ своей жалобы, — онъ съ подчеркиваніемъ говорить о дисциплинѣ партіи, которой считаетъ необходимымъ подчинить и многое въ своихъ взглядахъ. Въ одномъ изъ писемъ къ товарищамъ Каляевъ пишетъ: «Въ кассационной жалобѣ я старался провести строго партійный взглядъ и думаю, что ничѣмъ не повредилъ интересамъ партіи своимъ заявленіемъ на судѣ. Я заявилъ, что убійство вел. князя есть обвинительный актъ противъ правительства и царскаго дома. Поэтому въ приговорѣ вставлено «дядя Е. В.». Я написалъ въ кассационной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ вел. князя мнѣ не было нужды дѣйствовать противъ личности царя, какъ племянника, и потому заявилъ протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ»...

Подкопъ подъ херсонское казначейство въ 1879 году.

Считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя, что я, задавшись цѣлью изложить организаціонную сторону дѣла, буду развѣивать передъ нимъ планъ дѣйствія и указывать систематическое выполненіе, какъ результатъ дѣятельности всѣхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ предпріятіи, и отнюдь не буду вести описанія въ лицахъ, распредѣляя имъ роли въ рассказѣ по степени ихъ дѣйствительнаго значенія. Такая форма была бы крайне неудобна, помимо массы другихъ соображеній, уже потому, что степень участія нѣкоторыхъ вовсе не выяснена, а нѣкоторые еще до сихъ поръ находятся на свободѣ.

Дѣлаю это предупрежденіе, чтобы читатели не вздумали искать въ моемъ рассказѣ матеріала для оцѣнки дѣйствій лицъ, фигурирующихъ въ дѣлѣ; лица являются здѣсь лишь по столько, по сколько это нужно для выясненія и окраски того или другого обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, для опредѣленія того или другого рѣшенія, предпринятаго всѣми, а потому читатель можетъ относиться критически лишь къ общему ходу дѣйствій — и только. Дѣйствующей единицей для него является сумма всѣхъ лицъ, находящихся въ организаціи.*)

---

*) Воспоминаніе о подкопѣ въ Херсонѣ принадлежитъ Федору Николаевичу Юрковскому, такъ называемому «инженеру Сашкѣ», — подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ въ свое время и въ литературѣ и въ обществѣ, — этимъ псевдонимомъ имъ самимъ въ подлинникъ подписана печатающаяся здѣсь статья.

По своимъ взглядамъ Юрковский ближе всего подходилъ къ набатовцамъ и былъ однимъ изъ первыхъ зачатниковъ борьбы съ правительствомъ самими крайними террористическими средствами, — онъ развивалъ эти взгляды и тогда, когда большинство выдвинувшихся впоследствии террористовъ еще стояли на почвѣ одной пропаганды. Если не ошибаемся, Юрковский принималъ и лично участіе въ одномъ изъ самыхъ раннихъ убійствъ шпионовъ (въ Одессѣ). По различнымъ причинамъ Юрковский не вошелъ въ организацію партіи «Народной Воли», но переговоры объ его вступленіи въ партію велись передъ самымъ его арестомъ въ 1880 г.

Печатающіяся воспоминанія были написаны Юрковскимъ въ Шлиссельбургской крѣпости не задолго до его смерти (онъ умеръ въ 1896 г.) для ближайшихъ товарищей по заключенію, но были, повидному, отвѣтомъ на старые его споры на Карѣ въ 1881 — 83 гг.

Авторъ воспоминаній едва ли надѣялся, что они когда нибудь увидятъ свѣтъ, — они были написаны имъ, очевидно, не для печати, но онъ, конечно, зналъ, что внимательными читателями его воспоминаній будутъ дѣятеля Департамента Полиціи, и это, несомнѣнно, отразилось на характерѣ изложенія.

Мы не внесли въ рукопись никакихъ измѣненій и не сдѣлали въ ней никакихъ пропусковъ, — печатаемъ ее, какъ очень важный документъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія. Ред.

Въ первый разъ мысль о казначействѣ явилась у меня еще въ 74 году благодаря разговорамъ съ Иваномъ Позульскимъ; когда я содержался въ Николаевскомъ морскомъ острогѣ en quatre съ Дробязгинымъ, Ковальскимъ и Мшенецкимъ. Тогда было еще золотое время повальной пропаганды и, пропагандируя въ острогѣ, мы сблизились съ этимъ арестантомъ; такимъ образомъ, вышло отчасти, что мы распропагандировали другъ друга.

Вскорѣ послѣ выхода на поруки мнѣ пришлось занять мѣсто управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Банова въ Херсонѣ. По дѣламъ завода у меня часто являлась надобность бывать въ казначействѣ (за получкой мелкой серебряной монеты для расплаты съ рабочими). Здѣсь мое вниманіе остановилось на странномъ способѣ храненія суммъ въ подвальной кладовой, причѣмъ внутри нѣтъ никакого присмотра, вся охрана ограничивается лишь однимъ часовымъ у дверей, какъ будто не допускается возможность проникнуть въ подвалъ помимо дверей. Здѣсь же въ головѣ моей составилъ приблизительный планъ дѣйствія черезъ подкопъ; дѣло представилось въ реально-осуществимомъ видѣ, я произвелъ измѣреніе ширины улицы до дворовъ сосѣднихъ квартиръ; составилъ приблизительную смѣту предварительныхъ затратъ; вычислилъ время, необходимое для производства работъ; словомъ, мысль окончательно окрѣпла и вопросъ стоялъ только за деньгами, — только за деньгами! Сколько этихъ „только“ стояло въ жизни! Фраза эта всегда мнѣ напоминаетъ письма одного пріятели: „Любезный другъ! — пишетъ онъ — дѣло о покупкѣ имѣнія почти состоялось, имѣніе мнѣ очень понравилось, даетъ хорошій доходъ и съ премиленнымъ садикомъ вокругъ дома (пріѣзжай на новоселье); хозяинъ продаетъ съ дорогою душою; мы въ цѣнѣ сошлись, и остановка лишь за пустяками — у меня рѣшительно нѣтъ денегъ, и я не предвижу возможности гдѣ либо занять ихъ“. Вотъ эти то пустяки и тормозили мою предприимчивость въ теченіе почти пяти лѣтъ; конечно, были и осложняющія причины, и главная между ними — отсутствіе активной поддержки въ товарищахъ, охотнѣе тратившихъ текущія средства на массу иныхъ предпріятій.

Наконецъ, въ 1878 г., вернувшись съ Кавказа послѣ неудавшейся тамъ попытки пріобрѣсти нелегальнымъ путемъ требуемую сумму для осуществленія своей задачи, я уже начиналъ терять вѣру осуществить когда либо задуманное, тѣмъ болѣе, что результатъ годовой дѣятельности цѣлаго кружка „меркантилистовъ“ былъ все тотъ же ноль. Кружокъ этотъ состоялъ изъ десяти человекъ и назывался такъ потому, что въ средѣ его было поставлено прежде всего добыть средства, для изысканія которыхъ мы всѣ разъѣхались по разнымъ городамъ. Какъ вдругъ въ Одессѣ я случайно встрѣтился съ Россиковой. Это былъ первый попавшійся мнѣ человекъ, у котораго оказа-

лось самостоятельно выработанное должное отношеніе къ денежному вопросу. Я съ удовольствіемъ узналъ, что денежная сила считалась важнымъ факторомъ революціонной организаціи, — необходимымъ средствомъ для созданія ея. Безъ этой встрѣчи мнѣ, вѣроятно, не скоро пришлось бы приступить къ дѣлу. Спустя два мѣсяца я получилъ отъ Россиковой предложеніе принять участіе въ нелегальномъ приобрѣтеніи средствъ для революціоннаго дѣла и къ великой радости узналъ, что предметомъ воздѣйствія будетъ служить именно херсонскій государственный банкъ*).

Изъ этого бѣгло очерка исторіи зарожденія во мнѣ, развитія и, такъ сказать, реализаціи банковской идеи видно, что въ послѣднемъ актѣ (реализаціи) я не являюсь инициаторомъ. Честь инициативы и здѣсь такъ же, какъ и починъ въ дѣлѣ террора, всецѣло принадлежитъ русской женщинѣ — и въ этомъ нельзя не сознаться, какъ оно ни странно съ точки зрѣнія установившихся отношеній радикаловъ къ радикальнымъ женщинамъ. Женщина-соціалистъ справедливо можетъ гордиться подобными знаменательными фактами, существующими какъ бы въ пику автору „Мыслей революціонера“.

Прибывъ въ Одессу 1 мая 1879 г. по приглашенію Россиковой, я засталъ въ наличности слѣдующіе ресурсы, съ которыми и надобно было приступить къ дѣлу: заготовлена приспособленная квартира въ Одессѣ, оборотнаго капитала было всего 800 руб. и составъ лицъ, долженствовавшихъ принимать непосредственное участіе, включая и меня, не превышалъ шести человѣкъ — больше не оказалось. Изъ нихъ трое мужчинъ и три женщины; сверхъ того имѣлось еще двое мужчинъ и одна женщина (въ запасъ на всякій случай). Въ этотъ наличный составъ входилъ и Алексѣй Клименко (онъ же Погорѣловъ), уголовный, бѣжавшій изъ арестантскихъ ротъ, проживавшій нелегально по фальшивому паспорту. Природный атеистъ и соціалистъ, слегка распропагандированный штундизмомъ, а потомъ черезъ штундистовъ познакомившійся съ радикалами, это былъ въ высшей степени человѣкъ поворотливый и одаренный недюжиннымъ умомъ; онъ былъ нуженъ, какъ практикъ, которому въ прошлой жизни не разъ приходилось брать товаръ изъ магазиновъ посредствомъ подкоповъ.

Я уже сказалъ, что имѣлась возможность располагать всего только 800 руб., т. е. недоставало до опредѣленной à priori суммы 2200 руб., да и тѣхъ еще не было полностью на рукахъ. А потому, сообразно съ этой цифрой и съ наличнымъ составомъ лицъ, планъ дѣйствій былъ таковъ:

1) занять ближайшую квартиру, изъ которой предназначалось вести подкопъ; расположиться тамъ самымъ семейнымъ

*) Авторъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи очевидную ошибку, употребляя слово «банкъ» вмѣсто казначейство.

домашнимъ образомъ, сообразно характеру внѣшняго вида квартиры;

2) буде свободной квартиры по близости не окажется, употребить всѣ возможные легальныя и нелегальныя средства выжить жильцовъ наиболѣе удобной по внѣшнимъ признакамъ квартиры;

3) позаботиться объ устройствѣ надежнаго притона гдѣ нибудь по близости. Назначеніе его состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы временно скрыть добытую сумму на тотъ конецъ, если по ея обширности или почему либо другому ее нельзя будетъ сразу вывезти въ Одессу, гдѣ должна быть учреждена центральная агентура всей организаци въ видѣ какого либо торговаго учрежденія для большей замаскировки. Притонъ въ Херсонѣ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы въ немъ была возможность скрыться людямъ, которымъ нельзя будетъ заблаговременно выѣхать въ Одессу.

Думать о заготовкѣ собственныхъ перевозочныхъ средствъ не только для вывоза изъ города, но даже для доставки съ театра дѣйствій на другую квартиру, было невозможно въ виду отсутствія денегъ.

Первый блинъ — да и комомъ! Перваго товарища изъ личнаго состава мы потеряли въ первый же день моего прибытія въ Одессу. Это былъ офицеръ русской арміи, только что вернувшійся изъ-за Дуная съ георгіевскимъ крестомъ. Онъ находился въ отпуску на излѣченіи, вслѣдствіе полученной контузии при взятіи Шипки. Онъ долженъ былъ устроить притонъ, такъ какъ для этого нуженъ былъ легальный человекъ — условіе, которому онъ вполне удовлетворялъ. Кромѣ того, онъ во всякую минуту готовъ былъ пожертвовать своею легальностью для стоющаго дѣла. Такимъ образомъ, мы въ немъ понесли незамѣнимую потерю. Это печальное событіе произошло такъ: явившись за мною въ Крымъ съ предложеніемъ отъ Россиковой, онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ во время пути о крайне неудовлетворительномъ положеніи денежной стороны, а также, что ему заявлено другимъ кружкомъ о возможности съ нѣкоторымъ рискомъ нелегально приобрести 2000 руб.; за подробностями объ этомъ предложено обратиться въ квартиру Ф—а (Г.). Сумма, какъ разъ недостающая въ нашихъ рессурсахъ, что и навело на такія соображенія: почему бы не приобрести этой суммы къ нашему дѣлу, въ виду большей обезпеченности его успѣха, совершивъ все, что нужно для этого, проѣздомъ черезъ Одессу въ Херсонъ.

Сказано — сдѣлано. Не теряя времени, тотчасъ же съ пархода, бросивъ чемоданы въ квартирѣ офицера, отправились мы къ Ф—ву и наткнулись на засаду. Ф—въ былъ уже арестованъ, и насъ препроводили безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ участокъ. Мнѣ удалось выкрутиться только благодаря тому, что товарищъ принялъ великодушно на себя какъ компрометирую-

щее знакомство съ Ф., такъ и всѣ предосудительныя вещи, обыскомъ обнаруженныя въ нашихъ чемоданахъ; тамъ были краски для волосъ, револьверъ, кинжалы, ядъ и проч. Въ то же время онъ искусно разыгралъ роль случайной встрѣчи со мной. Вечеромъ его препроводили куда слѣдуетъ, а меня выпустили, и я, конечно, постарался болѣе не встрѣчаться съ полиціей, такъ какъ на другой же день она спохватилась, догадавшись о своей оплошности, и подняла сыскную тревогу.

Такимъ образомъ, это была первая жертва безденежья, — нѣсколько позже мы всѣ стали его добычей. Кромѣ незамѣнимой стороны — надежнаго официального положенія, мы лишились въ немъ одного изъ энергичныхъ и горячихъ сподвижниковъ дѣла; потеря его была для насъ столь существенно важна, что я немедленно принялъ рѣшеніе сдѣлать предварительно попытку изъять его изъ рукъ тюремщиковъ, съ каковою цѣлью долженъ былъ остаться на время въ Одессѣ и заняться организаціей освобожденія, а Россикова отправилась въ Херсонъ для обзора позиціи и, буде окажется свободная квартира, то немедленно дать задатокъ, чтобы не упустить ее. Такимъ образомъ, дѣло съ перваго раза осложнилось: приходилось комбинировать и людей, и средства на два предпріятія.

Предварительный осмотръ окрестностей банка (?) въ Херсонѣ привелъ къ открытію свободной квартиры, которая была удобна и въ то же время неудобна; удобство состояло въ стратегическомъ положеніи, хотя она и примыкала ко двору вице-губернатора Пащенко, лично знакомаго мнѣ и Россиковой, который и завѣдывалъ отдачей ея въ наймы черезъ посредство дворника, но это маленькое неудобство съ избыткомъ вознаграждалось близостью и удобствомъ веденія подземной мины; неудобство — въ томъ, что она состояла изъ восьми комнатъ, такъ что была для насъ слишкомъ велика и не по карману, требовала соотвѣтственныхъ затратъ для мебелировки и, вообще, приданія квартирѣ вида домовитости. Но выбора не было, и 5-го мая Россикова вручила задатокъ, нанявъ квартиру по подложному паспорту на имя какого то морского доктора, женою котораго заявила себя. Нанимая квартиру, она заявила дворнику, что находить квартиру не въ достаточно приличномъ видѣ и будетъ предварительно отдѣлывать ее на свой счетъ и по своему вкусу выкрасить потолоки и стѣны, а также велить осматрѣть и передѣлать печи.

Имѣя это въ виду, мы рѣшили немедленно начинать дѣло, тѣмъ болѣе, что проектъ освобожденія окончательно не выгорѣлъ, по крайней мѣрѣ, осложнялся и затягивался на продолжительный срокъ. Итакъ, рѣшено было приступить къ дѣлу, предоставивъ одному изъ агентовъ (замѣчу въ скобкахъ женщину*) вести дальнѣйшія сношенія и переписку съ тюрьмою,

*) Е. Н. Южаковой.

такъ какъ, покончивъ съ банкомъ, можно будетъ, не стѣсняясь въ деньгахъ, повести атаку на острогъ и шире, и успѣшнѣе.

Съ этой минуты всѣ наличныя силы стали стягиваться къ Херсону, а резервамъ въ то же время дано знать, чтобы они двинулись къ главному центру, въ Одессу, за полученіемъ дальнѣйшихъ указаній. Россикова отправилась въ Аккерманъ за Алексѣемъ, который явился въ Херсонъ подъ видомъ мастера, снявшаго подрядъ отдѣлки квартиры. Здѣсь вышла преуморительная сцена между Россиковой, Алексѣемъ и дворникомъ. Роли были выполнены артистически: Алексѣй заломилъ небывалую цѣну, предварительно обѣщавъ дворнику могоарычъ, чтобы онъ поддержалъ его, указывая, что барыня пребогатая и ничего не смыслить. Россикова само собою торговалась, какъ подобаетъ скупой старухѣ, а дворникъ, ведя свою линію, гнулъ въ сторону Алексѣя, стараясь показать въ то же время, что онъ соблюдаетъ интересы барыни. Послѣ окончательнаго соглашенія Алексѣй немедленно нанялъ рабочихъ и принялся малевать стѣны и ломать печи.

Такимъ образомъ, у насъ уже имѣлись двѣ квартиры: агентура въ Одессѣ и квартира, предназначенная для поджога. Надо было имѣть подъ рукою еще притонъ. Въ виду важности предполагаемаго факта, въ Херсонѣ слѣдовало ожидать самыхъ крайнихъ мѣръ для розыска, а потому болѣе безопаснымъ оказалось укрыть его въ другомъ городѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо было имѣть его подъ рукою, ибо все значеніе притона заключалось въ томъ, чтобы въ случаѣ экстренной необходимости имѣть возможность быстро скрыться, такъ какъ, имѣя хоть восемь часовъ времени, возможно добраться до Одессы, т. е. обойтись безъ притона. Такимъ, удовлетворяющимъ обоимъ требованіямъ, мѣстомъ являлись Алешки. Съ одной стороны, они отстоятъ отъ Херсона всего на разстояніи полутора часовъ шлопочнаго пути по Днѣпру, съ другой — можно было допустить, что тамъ розыски будутъ слабѣе, потому что весь его полицейскій штатъ не подвѣдомственъ Херсонскому Управленію, т. к. этотъ городъ принадлежитъ уже къ Таврической губерніи. Сверхъ того, между Херсономъ и Алешками съ ранняго утра до поздней ночи существуетъ непрерывное движеніе шаландъ и мелкихъ пароходиковъ и на обѣихъ пристаняхъ круглый годъ кишмя кишитъ народъ, такъ что въ этой массѣ снующей публики легко замѣшаться и не быть замѣченнымъ. Но главное затрудненіе состояло въ легальномъ, внушающемъ довѣріе званіи, а между нами только и былъ одинъ легальный. Это — арестованный. Оставалось единственное средство — нанять квартиру для какогонибудь дѣйствительнаго семейства, которое не было бы посвящено въ тайну предпріятія, такъ чтобы оно служило дѣлу безъ вѣдома для себя.

Выборъ палъ на семейство одной изъ участницъ — Алексѣевой, и хотя было крайне неловко дѣлать участниками дѣла

и рисковать людьми безъ ихъ вѣдома, но того требовала серьезная важность предназначаемой функціи и было бы недобросовѣстно передъ дѣломъ не сдѣлать всего, что отъ насъ зависѣло въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе денегъ въ притонѣ предполагалось только въ случаѣ невозможности вывезти ихъ въ Одессу. Такимъ образомъ, допускалась возможность не пускать притона въ дѣйствіе и, кромѣ того, скрытіе капитала являлось уже послѣднимъ актомъ предпріятія, и въ этомъ періодѣ дѣло имѣло гораздо менѣе шансовъ быть открытымъ, чѣмъ во время веденія подкопа, такъ что рискъ на долю посторонней семьи выпадалъ сравнительно малый. Наконецъ, буде дѣло прогоритъ, то слѣдствіемъ легко обнаружатся обстоятельство, доказывающія непричастность извѣстныхъ лицъ къ дѣлу и тѣмъ легче, чѣмъ они сами будутъ менѣе подозрѣвать свое участіе въ немъ.

Старушка Алексѣева проживала въ собственномъ хуторѣ одесскаго предмѣстья „Большой Фонтанъ“, въ 12 верстахъ отъ города; добиться ея согласія на наемъ квартиры въ Алешкахъ выпало на мою долю, какъ человѣку, хорошо знакомому въ семьѣ. Мать знала, что дочь ея Анна больна и лѣчится въ Крыму, а потому я явился къ ней, какъ будто бы только что изъ Крыма, и передалъ ей просьбу дочери нанять для нея квартиру въ Алешкахъ, куда она скоро пріѣдетъ, по совѣту докторовъ, лѣчиться купаньемъ въ имѣющихся тамъ іодистыхъ озерахъ; молодую же Алексѣеву предупредили, что дѣйствуемъ отъ ея имени, отправивъ спеціальнаго посла съ надлежащими инструкціями. Старушка была занята ремонтировкой своего хутора и раньше какъ черезъ мѣсяць не могла оставить работы, — срокъ слишкомъ долгій. Тогда я предупредительно предложилъ свои услуги, взявъ на себя хлопоты по найму и устройству квартиры въ Алешкахъ и мнѣ удалось заполучить для этой цѣли ея вдовой видъ на жительство съ обозначеніемъ проживающихъ при ней взрослыхъ сыновей и дочерей, а также обѣщаніе пріѣхать черезъ недѣлку погостить хоть на нѣсколько дней.

Заручившись этимъ драгоцѣннымъ для насъ документомъ и вернувшись съ нимъ въ агентуру, я ожидалъ распоряженій изъ Херсона отъ Россиковой. Занимаясь на досугъ окончательнымъ приведеніемъ агентуры въ надлежащій видъ, я приобрѣталъ запасы самыхъ разнообразныхъ вещей, могущихъ понадобиться въ будущемъ.

Около половины мая Россикова вызвала меня, наконецъ, въ Херсонъ съ предупреденіемъ обратить тщательное вниманіе на гримировку моей особы, такъ какъ пароходъ встрѣчается жандармомъ, проживавшимъ въ домѣ моего брата, гдѣ онъ имѣлъ возможность хорошо познакомиться со мной во время моихъ пріѣздовъ къ брату; сама она обѣщала, что встрѣтитъ меня на пристани. Это была весьма комическая встрѣча: я былъ

въ цилиндрѣ, синемъ *rinse-nez*, съ козлиной бородкой; щегольское пальто, перчатки и франтовской зонтикъ довершали маскарадъ. Меня встрѣтила не Россикова, а какая то сгорбленная старушка съ сѣдыми волосами; при этой мистификаціи мы, стараясь въ то же время избѣгать жандарма, до тѣхъ поръ безуспѣшно высматривали другъ друга, пока не столкнулись носами, и только тогда могли распознать другъ друга. Мы поняли, что сдѣлали ошибку, не заручившись условными знаками. Тутъ же у пристани стояла заготовленная лодка, въ которую мы и сѣли, чтобы отправиться въ Алешки, гдѣ помѣстились въ номерахъ постоялаго двора подъ именемъ матери и сына Алексѣевыхъ впрядь до розысканія удобной квартиры. Мы имѣли въ виду приучить алешковцевъ къ постепенному водворенію семейства Алексѣевыхъ. Россиковой въ то же время приходилось посѣщать работы Алексѣя въ Херсонской квартирѣ; тамъ она являлась богатой брюнеткой, женою доктора, а здѣсь сѣдою старушкою, моею матерью, бѣдной, но благородной вдовой. Такъ длилось болѣе недѣли. На мѣстѣ дѣйствій было всего трое: Россикова, Алексѣй и я; у каждаго была своя роль, а у Россиковой даже двѣ за немѣнимъ необходимыхъ лицъ. Приѣздъ остальныхъ ожидался со дня на день.

Положеніе дѣла было таково: въ Алешкахъ требовалось подыскать квартиру, дожидаться приѣзда Алексѣевыхъ и, водворивъ ихъ окончательно, покончить съ притономъ. Въ Херсонѣ слѣдовало отдѣлать для жительства одну или двѣ комнаты въ виду того, что не хватало средствъ меблировать всю квартиру прилично званію; въ остальныхъ же передѣлку затянуть до окончанія подкюпа. Россикова должна занять эти отдѣланныя комнаты и надзирать за работами въ остальныхъ къ приѣзду семьи и мужа, которые, за немѣнимъ надлежащаго персонала, до конца должны были остаться миѣнческими. Подкюпъ, въ виду такого положенія, слѣдовало вести возможно быстрѣе, земля должна была скрываться дома, о вывозѣ ея нечего было и думать въ виду того, что во дворѣ были еще квартиры съ жильцами и въ него же выходили окна вице-губернаторскаго дома, да и дворникъ постоянно вертѣлся на глазахъ. Само собою разумѣется, что Россикова въ положеніи докторши не могла поселиться безъ горничной, роль которой должна была играть молоденькая жена Алексѣя съ груднымъ ребенкомъ. Присутствіе этого послѣдняго придавало нѣкоторый колоритъ семейственности. На горничной лежала въ будущемъ обязанность хожденія на базаръ, приготовленіе пищи работающимъ въ минѣ и на нее же возлагалась внѣшняя политика, состоящая въ сплетничаніи про свою барыню съ дворникомъ и съ прислугой другихъ жильцовъ двора. Ожиданія прибытія ея съ Алексѣевой задерживало наши дѣйствія и начинало сильно тревожить, такъ какъ Алексѣй выбивался изъ силъ, стараясь затянуть работу, что было трудно, потому что въ отсутствіе Россиковой

дворникъ некстати добросовѣстно исполнялъ ея порученіе при-
сматривать за работой.

Наконецъ, квартира для притона была найдена, мебель для него и для херсонской квартиры была куплена на ярмаркѣ и свезена на мѣсто; прибыла и горничная съ ребенкомъ, и Анна Алексѣева, немедленно пославшая письмо матери съ просьбою поскорѣе пріѣхать хоть на нѣсколько дней. Россикова переселилась въ Херсонъ, а Алексѣева поселилась со мною, уже подъ видомъ сестры въ квартирѣ нашего притона, сообщивъ новымъ хозяевамъ, что мать уѣхала на нѣсколько дней къ себѣ на хуторъ. Въ этой квартирѣ Россиковой не слѣдовало показываться, а мѣсто ея должна была занять уже настоящая мать, которую ожидали со дня на день, чтобы предоставить ей самой предъявить свой видъ въ полицію для прописки. Мы поджидали еще прибытія своихъ рабочихъ рукъ для подкопа, которыми можно было бы замѣнить наемныхъ штукатуровъ, но такъ какъ резервъ мужского персонала, къ сожалѣнію, не былъ такъ исправенъ, какъ женскій и не давалъ о себѣ никакой вѣсти, а время тянуть было уже положительно невозможно, такъ какъ работа въ квартирахъ началась и безъ того ужъ 15 мая, то 26 мая мы торжественно приступили къ спеціальной работѣ: прорѣзали двѣ доски пола въ углу маленькой кухни, выходящей фасадомъ прямо противъ денежнаго подвала, такъ что образовалось отверстіе аршина полтора длины и около трехъ четвертей ширины, затѣмъ начали рыть колодезь, который былъ углубленъ въ первый же день на четыре аршина. Съ этого времени я оставался нѣсколько дней безвыходно въ квартирѣ Россиковой, скрывая свое присутствіе отъ сосѣдей, и не появлялся въ въ Алешкахъ, чтобы прибывшая къ тому времени мать Алексѣевой не могла заявить, предъявляя паспортъ, о проживаніи у нея посторонней личности.

Первоначальная работа производилась только по ночамъ въ такомъ порядкѣ: Алексѣй работалъ въ колодезѣ, сыпая землю въ ведра, которыя Россикова вытаскивала въ прихожую и подавала мнѣ на веревку, спущенную съ чердака, имѣющаго люкъ въ прихожей; такимъ способомъ я и вытаскивалъ землю на чердакъ. Маша (жена Погорѣлова) находилась въ другой параллельной половинѣ квартиры, присматривала за ребенкомъ и слѣдила за внѣшнимъ спокойствіемъ дома. Для большаго удобства на веревкахъ имѣлись желѣзные крючья, такъ что ведро, вынутое изъ колодца тотчасъ же снималось съ крючка, надѣвалось другое порожнее и опускалось обратно, потомъ въ ручную его переносили въ прихожую, гдѣ подвѣшивали на крючекъ второй веревки и т. д. Работа шла безостановочно и быстро.

Такъ какъ почва оказалась глинистая, то мина велась не треугольникомъ, а сводомъ, т. е. въ поперечномъ сѣченіи давала не треугольникъ, обращенный вершиной вверхъ, а имѣла видъ арки. Мина не превышала десяти вершковъ въ ширину

и около одного аршина въ вышину; слѣдовательно, надъ нами имѣлся пластъ цѣлины въ три аршина. На день полъ тщательно вымывался, прорѣзь маскировалась кухоннымъ столомъ, имѣющимъ между ножками сплошную полку, на которомъ Маша располагалась рубить мясо, печь растапливалась, начиналась стряпня, и дворникъ свободно приходилъ любезничать съ молодой кухаркою; меня запирали въ темный чуланчикъ, а Алексѣй приступалъ къ официальной работѣ — окраскѣ потолковъ. Россикова входила въ роль барыни. Когда боковая мина достаточно удлинилась, пришлось нѣсколько измѣнить образъ дѣйствій; въ минѣ уже требовалось присутствіе двухъ; землю высыпали на полъ прямо въ кухнѣ, откуда время отъ времени приходилось, вытѣзая изъ мины, тѣмъ же лицамъ вытаскивать ее на чердакъ. Такимъ образомъ, въ рабочихъ рукахъ чувствовался недостатокъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, а подкрѣпленіе къ намъ ни откуда не приходило, несмотря на запросы, постоянно посылаемые въ агентуру. Поэтому пришлось выписать сверхштатную молоденькую радикалку, обладавшую хорошей мускульной силой (Герентьеву. Ред.). Работали день и ночь, чтобы ускорить окончаніе, такъ какъ денежные ресурсы истощались, да и положеніе становилось не совсѣмъ ловкимъ: мужъ съ остальнымъ семействомъ что то ужъ долго не пріѣзжалъ. Старуха Алексѣева уже водворилась, и Анна днемъ приходила подъ видомъ гостыи помогать въ работѣ. Самая работа въ минѣ шла такъ: одинъ былъ впереди и велъ собственно мину при помощи копьеобразнаго рѣзца, складывалъ землю въ жестяной ящикъ съ гладкимъ дномъ, другой помѣщался въ самомъ колодцѣ и таскалъ ящикъ при помощи веревки вдоль мины, пересыпалъ землю въ ведра, которыя и вытаскивались женщинами наверхъ, затѣмъ порожній ящикъ оттягивался первымъ обратно за веревку, укрѣпленную къ другому его концу. Такъ какъ, вслѣдствіе недостатка воздуха, свѣчи стали гаснуть, то пришлось озаботиться проведеніемъ вентиляціонной трубы, рукавъ которой шелъ въ отдушину, проведенную въ уголъ двора, гдѣ ее покрыли кадкой. Вообще, свѣчи могли горѣть только въ наклонномъ положеніи подъ угломъ въ 45 градусовъ, ихъ подвязывали къ ручкамъ вилокъ, которыя втыкали въ стѣну; желѣзная труба около двухъ вершковъ въ діаметрѣ состоялась изъ многихъ короткихъ колѣнъ, проходила по своду вдоль галлерей и увеличивалась по мѣрѣ ея удлиненія. Въ этотъ періодъ всѣхъ обитателей квартиры было: двое насъ, мужчинъ, Россикова, горничная Маша и прибывшая барышня, сверхъ того, иногда приходила помогать Алексѣева. Итакъ, двое мужчинъ на четыре женщины, если принять во вниманіе, что и притонъ держали женщины, и въ Одессѣ главнымъ агентомъ оставалась опять таки женщина, то по всей справедливости это предпріятіе можетъ быть вполне названо женскимъ дѣломъ по тѣмъ ролямъ и степени участія, которое онѣ принимали въ немъ.

Инструментъ, употребляемый для опредѣленія направленія хода подъ землю, былъ столько же простъ, сколько остроуменъ. Онъ состоялъ изъ двухаршиннаго деревяннаго бруска, по срединѣ былъ вдолбленъ компасъ и уровень; ось послѣдняго совпадаетъ съ продольной осью бруска. Надо замѣтить, что стѣна квартиры, въ которой находилось окно, выходящее противъ кладовой, шла параллельно боковому фасаду погреба. Теперь, если изъ этого окна брускомъ, имѣющимъ насѣчку вмѣсто мушки, взять на прицѣль, какъ изъ ружья, направленіе, по которому надо вести мину и замѣтить уголъ отклоненія компасной стрѣлки отъ оси бруска, то, спустившись въ мину, стоитъ только привести брусокъ въ такое положеніе, чтобы получить замѣченный уголъ и тогда уже ясно, что направленіе его и будетъ именно то, по которому слѣдуетъ вести мину. О малѣйшемъ уклоненіи внизъ и вверхъ даетъ знать уровень, а длина всего прибора служить для измѣренія пройденнаго подъ землею пространства. Впрочемъ, этотъ инструментъ служилъ только для болѣе точности, существенной же надобности въ немъ не было, такъ какъ направленіе мины достаточно опредѣлялось направленіемъ стѣны. Всѣ требуемыя принадлежности, какъ то: инструменты, приборы, парики, краски для гримировки, оружіе, паспорта на разныя имена и т. д. доставлялись по мѣрѣ надобности изъ главной агентуры, гдѣ заранѣе было заготовлено все, что было необходимо; туда же стекались, какъ въ резервуаръ, деньги, по мелочамъ добываемыя агентами.

Итакъ, все пока шло, какъ по маслу, если не считать того обстоятельства, что вытребованный мужской резервъ не являлся къ намъ на подмогу.

Еще въ началѣ работъ въ одномъ мѣстѣ обнаружилась тронутая земля (т. е. не цѣлина); вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ была вырыта когда то глубокая яма, которую впоследствии зарыли. Изъ опасенія обвала пришлось обойти это мѣсто влѣво; такимъ образомъ, мина получила искривленіе, а потому ящикъ съ землей, двигавшійся по прямому направленію, не могъ по прежнему двигаться; онъ постоянно упирался въ образовавшуюся выпуклость съ правой стороны мины и его надо было отводить каждый разъ; для этого устроили слѣва небольшое углубленіе, куда посадили еще одного человѣка. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельстве, чтобы показать, насколько мы нуждались въ рабочихъ. Дня за два или за три до окончанія мины у меня обнаружился сильный пароксизмъ лихорадки, которую я привезъ съ собою съ Кавказа и которую усилила сырая атмосфера мины. Я лежалъ въ бреду, работа пріостановилась. Тогда Россикова рѣшилась ввести новую личность, человѣка непосвященнаго въ наше предпріятіе, но съ которымъ она раньше вела кой какіе переговоры. Это былъ Николай Франжоли. Такъ какъ еще во время моего управленія заводомъ Банова онъ высказывалъ мысль о возможности подобнаго предпріятія, то можно было ожидать,

что онъ не уклонится отъ участія въ немъ. Вечеромъ Россикова отправила къ Франжолли и привела его съ собою. Онъ проработалъ почъ, занявъ мое мѣсто, и обѣщалъ придти на другой день, но больше не являлся по неизвѣстнымъ причинамъ и, какъ оказалось впоследствии, независѣвшимъ отъ него: ему помѣшало административное вмѣшательство.

Въ пятницу утромъ Погорѣловъ, работавшій все время впереди, заявилъ, что съ часу на часъ можно ожидать появленія „манифеста“; вечеромъ онъ возвѣстилъ изъ передняго конца галлерей: „вышелъ манифестъ!“ Я передалъ дамамъ это радостное извѣстие, означавшее, что показалась передняя стѣна погреба. Однако, разобрать стѣну оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы предполагали. Она была сложена изъ громадныхъ камней, величина которыхъ превышала значительно ширину и вышину мины, такъ что вытациить ихъ не было возможности и пришлось вырыть здѣсь же у стѣны глубокую яму, въ которую ихъ и сваливали. Это заняло значительную часть времени; кладка оказалась известковой, а известъ, какъ извѣстно, весьма крѣпко связываетъ камни. Они съ трудомъ подавались дѣйствію лома. Удивляюсь, какъ Алексѣй не зналъ полезнаго въ данномъ случаѣ примѣненія уксуса. Толщина стѣны оказалась около двухъ съ половиной аршинъ. Эту длину имѣлъ туннель, образовавшійся послѣ разборки стѣны; ночь, день и слѣдующая ночь прошли въ этой разборкѣ. Наконецъ, въ ночь съ субботы на воскресенье (съ 2 на 3 іюня) проломъ былъ оконченъ; образовалось маленькое сквозное отверстіе, черезъ которое можно было просунуть руку въ кладовую. Продолжать далѣе работу было опасно; среди ночной тишины шумъ могъ быть услышанъ часовыми черезъ небольшія окна, находившіяся въ уровень съ землею, да и свѣтъ бросился бы въ глаза, а впотьмахъ трудно ориентироваться въ незнакомомъ мѣстѣ, а потому мы рѣшили ожидать утренняго разсвѣта, когда уличное движеніе будетъ заглушать стукъ нашей работы. Въ эту ночь явился, наконецъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы такъ давно ждали*). Работа была окончена, оставалось подумать объ отступленіи. Вновь прибывшій не принялъ участія въ этомъ послѣднемъ актѣ и, проработавъ нѣсколько часовъ, ушелъ и больше не являлся. Что заставило его поступить такимъ образомъ? Причину надо искать въ новизнѣ дѣла и въ шаткости его нравственнаго значенія. Я зналъ этого человѣка по многимъ дѣламъ: онъ дѣятеленъ, неустрашимъ и очень практиченъ и самъ признавалъ необходимость такого предпріятія. Въ чемъ же дѣло? При сговорѣ, давая слово явиться по требованію, онъ не ожидалъ, не вѣрилъ, не допускалъ возможности успѣха и мало придавалъ значенія замышлявшемуся; отсюда его легкое отношеніе къ этому дѣлу.

*) Авторъ говоритъ о М. О. Фроленко; мы не выпускаемъ этого мѣста въ воспоминаніяхъ Юрковскаго, не вѣрно оцѣнивающаго событія; — ниже мы помѣщаемъ комментарий Фроленко.

Будучи связанъ словомъ въ этомъ предпріятіи, онъ вступилъ въ другое, въ которое и вложилъ уже часть своей души, а потому, получивъ призывъ, онъ и явился нехотя, — ему казалось, что главное мѣсто тамъ, а не здѣсь. Благодаря своей необыкновенной практичности, онъ сразу увидѣлъ и указалъ намъ, что у насъ совершенно не заготовлены пути къ отступленію и, дѣйствительно, это была слабая наша сторона; но вмѣсто того, чтобы помочь намъ устранить этотъ недостатокъ, онъ рассудилъ, что не можетъ взять на себя много риска, такъ какъ у него на рукахъ другое дѣло; этого не случилось бы, если бы съ самаго начала (т. е. при сговорѣ) у него было болѣе искреннее отношеніе къ нашему предпріятію. Привожу этотъ фактъ въ видѣ иллюстраціи страннаго и, если можно такъ выразиться, пассивнаго сочувствія, съ какимъ относились къ предпріятіямъ этого рода даже нѣкоторые изъ выдающихся представителей нашего радикализма.

Дѣйствительно, пора было подумать объ отступленіи. Мы рѣшили отправить съ утреннимъ пароходомъ лишній народъ, а именно Машу съ ребенкомъ и „пріѣзжую барышню“. Россикова, я и Погорѣловъ должны были остаться въ квартирѣ и принять на себя обязанность спрятать добытыя деньги въ безопасныя мѣста.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать недоумѣвающіе вопросы, почему деньги не были тогда же отправлены съ уѣзжавшими въ Одессу? Вотъ почему: наблюдая за жизнью во дворѣ казначейства, мы видѣли, что ежедневно около 11 часовъ утра коммиссія, состоявшая изъ казначея и еще нѣсколькихъ чиновниковъ, спускается въ кладовую, какъ бы производя ревизію и затѣмъ выноситъ въ небольшихъ сундучкахъ деньги, очевидно, для ежедневныхъ расходовъ. По воскресеньямъ присутствіе въ казначействѣ закрыто, но бываетъ ли по воскресеньямъ провѣрка печатей на сундукахъ въ кладовой, — мы не имѣли времени узнать. Дѣло было въ воскресенье на разсвѣтѣ, пароходъ отходилъ въ 7 час. утра; если допустить возможность воскресной провѣрки, то она должна явиться въ 11 час. утра, а такъ какъ пароходъ находится въ пути около 8 часовъ, то въ Одессу онъ приходитъ около 3 час., значить тревога произойдетъ въ то время, когда онъ еще будетъ въ пути; телеграмма въ Одессѣ получитъ ранѣе его прибытія и, слѣдовательно, наши влопаются, если возьмутъ деньги съ собою.

Въ силу такихъ соображеній рѣшено было денегъ съ пароходомъ не отсылать.

Въ пятомъ часу утра, предоставивъ кому слѣдуетъ снаряжаться въ путь, мы съ Погорѣловымъ спустились въ мину. Россикова осталась сигнальщикомъ у окна, выходящимъ во дворъ казначейства, прямо противъ часового. Мы, имѣя въ рукахъ по свѣчѣ, проползли на брюхѣ все протяженіе мины (около 8-ми саженой) вплоть до стѣны погреба, расширили от-

верстие настолько, чтобы можно было пролѣзть человѣку, отваливъ для этого нѣсколько камней; вслѣдствіе этого образовался такой сильный сквознякъ, что наши свѣчи погасли. Первый полѣзъ Алексѣй, подвигаясь ощупью. Вначалѣ мы никакъ не могли сообразить, куда мы попали. Всунувъ головы и руки въ образовавшееся отверстие, каждый изъ насъ попеременно ощупывалъ вверху надъ головой, не выше полутора фута, какой-то досчатый потолокъ, и внизу холодный каменный полъ. Проникнувъ въ отверстие стѣны, мы должны были еще нѣкорое время ползти въ этой низкой непонятной щели. Оказалось, что проломъ находился какъ разъ подъ громаднымъ шкафомъ, стоявшимъ на высокихъ ножкахъ. Въ погребѣ былъ полумракъ, не позволявшій разглядѣть предметы, и мы рискнули зажечь спичку; послѣ этого намъ представилось обширное помещеніе, полъ и стѣны котораго выложены каменными плитами въ квадратный аршинъ, посреди столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, вокругъ нѣсколько полукреселъ какого-то старомоднаго фасона, по стѣнамъ шкафы съ бумагами и только...

Странное чувство овладѣло мною въ этомъ непривычномъ положеніи, среди этой странной обстановки; мы въ пестрыхъ нательныхъ рубахахъ, портахъ и чулкахъ; рядомъ со мною — воръ по ремеслу, который становился моимъ руководителемъ; необходимость обшаривать чужіе шкафы, съ цѣлью отыскать деньги, — какъ хотите, положеніе странное! Право, до тѣхъ поръ мнѣ никогда не приходилось хозяйничать въ чужомъ имуществѣ.

Я, какъ и всѣ, допускалъ подобное положеніе лишь абстрактно, въ теоріи, и вотъ это абстрактное стало конкретнымъ. Все это возбудило во мнѣ не то, чтобы неловкость, — я слишкомъ былъ увѣренъ въ своемъ правѣ, а просто ощущалась какая-то несообразность, несоотвѣтственность положенія. Между прочимъ, Погорѣловъ быстрой привычной рукой рылся въ шкафахъ, безъ церемоніи срывая печати и разбрасывая ихъ по полу. Онъ принесъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ; это оказались бланки крестьянскихъ паспортовъ, дворянскія свидѣтельства, различные патенты на право торговли въ кабакахъ, гильдейскія свидѣтельства и т. п. Я отложилъ по пачкѣ всѣхъ этихъ бумагъ, не исключая патентовъ о торговлѣ въ кабакахъ, — пригодятся, дескать, для нашихъ будущихъ притоновъ. Однако, денегъ нигдѣ не было. Тутъ только мы замѣтили въ стѣнѣ небольшую, сплошь окованную желѣзомъ дверь, съ громаднымъ висячимъ замкомъ.

Мнѣ всегда было непонятно, какъ воры ухитряются безъ шума ломать замки. Теперь я это понимаю; дѣло довольно просто: заложивъ нобольшой ломикъ въ душку замка, мы обернули патуго этотъ конецъ лома, вмѣстѣ съ замкомъ, тряпкою, и дѣйствовали рычагомъ. Поломка происходитъ безъ шума.

Въ данномъ случаѣ замокъ былъ необыкновененъ по величинѣ и не подавался. „Ладно“, пошутилъ Погорѣловъ: „за взломъ замка судять строже, нехай же замокъ остается цѣлымъ, а мы сорвемъ дверь съ петель“. Однако, и петли оказались такъ крѣпки, что мы ничего не могли подѣлать. „Близокъ локоть, да не укусишь“, ворчалъ Алексѣй, тѣтено работая лохомъ. То неожиданное обстоятельство, что погребъ оказался состоящимъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ такой прочной дверью, отняло у насъ два часа лишняго времени, пока удалось, наконецъ, при помощи лома разорвать желѣзную клямку. Дверь эта скрывала за собой такую же комнату, нѣсколько темнѣе и меньше. На полу стояло штукъ двадцать маленькихъ кованыхъ ручныхъ сундуковъ, похожихъ на тѣ, которые ежедневно выносили по утрамъ, кучи небольшихъ мѣшковъ съ мѣдной монетой новой чеканки и три большихъ деревянныхъ сундука, величиной съ обыкновенный столъ, только немного ниже и шире; каждый изъ нихъ былъ запечатанъ и замкнутъ двойнымъ замкомъ — висячимъ и внутреннимъ. Сундуки были простые, деревянные окованные желѣзными полосами; отсутствіе несгораемой кассы насъ удивило. Что содержать въ себѣ эти сундуки — деньги или тоже бумаги? Съ трудомъ вѣрилось, чтобы большія суммы хранились не въ желѣзныхъ кассахъ.

Свернувъ замки перваго большого сундука, мы подняли крышку. Онъ былъ буквально набитъ пачками аккуратно сложенныхъ кредитокъ всѣхъ цвѣтовъ; синія, красныя, радужныя, каждая пачка представляла собою какъ бы колоду картъ и была оклеена узкой бандеролью съ обозначеніемъ суммъ такой формулой: $1000 \times 10 = 10000$, что означало тысяча штукъ десятирублевыхъ составляютъ десять тысячъ. Вскрыли второй сундукъ — оказалось то же самое. Увидя, что мы едва имѣли возможность опорожнить эти два, мы открыли третій только для того, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ золота, его не оказалось — тѣ же бумажки! Болѣе изъ любопытства, чѣмъ по надобности, я отбилъ замокъ у одного маленькаго сундучка. Это оказались земскія суммы, непосредственно выкатыя изъ крестьянскаго пота, грязныя, потертыя, засаленныя, онѣ рѣзко отличались отъ новыхъ или почти новыхъ денегъ государственнаго банка, находящихся въ большихъ сундукахъ. Ихъ мы не захотѣли трогать и не взяли изъ этого сундука ни одного рубля. Въ большихъ сундукахъ, какъ потомъ оказалось, были деньги исключительно государственнаго банка, находившіяся на храненіи въ кладовой казначейства. Набивши пазухи депозитками, мы отправились черезъ минуту обратно, чтобы подѣлиться впечатлѣніями и узнать много ли намъ остается времени до 11 часовъ, т. е. до часа ежедневныхъ ревизій.

Уѣзжавшія уже одѣвали бурнусы и торопились, такъ какъ было уже безъ четверти семь, и до отхода парохода оставалось только

четверть часа. Намъ тоже нельзя было мѣшкать, такъ какъ по нашимъ расчетамъ выгрузка и переносъ черезъ мину, хотя бы того, что заключалось только въ двухъ сундукахъ, должны были занять часа два, если не больше, и, сверхъ того, нужно было вынести ихъ изъ квартиры. Поэтому, не выльзая изъ квартиры, мы сообщили, какая прорва денегъ оказалось въ казначействѣ, высыпали изъ-за пазухи въ опущенное намъ ведро взятыя деньги, и, хотя было рѣшено съ пароходомъ ихъ не отправлять, мы все-таки посовѣтовали отъѣзжавшимъ захватить хоть по одной пачкѣ на всякій случай и положить ее за пазуху, чтобы, въ случаѣ обыска на пароходѣ, можно было незамѣтно выбросить за бортъ. Онѣ захватили только одну пачку и, къ сожалѣнію, имъ второпяхъ попалась пачка десятирублевыхъ бумажекъ. Если бы онѣ взяли пачку сторублевыхъ, то спасено было бы сто тысячъ, а не десять. Я упоминаю о тѣхъ десяти тысячахъ, которыя остались неразысканными, и которыя — о, судьба! — цѣликомъ пошли на подготовку царскаго взрыва.

Но возвратимся снова хозяйничать въ казначействѣ. При выгрузкѣ сундуковъ мы производили сортировку, стараясь отобрать только пачки съ самыми крупными ассигнаціями; заключавшія рублевья, трехрублевья и зачастую даже пятирублевья бросали на полъ, какъ лишній хламъ, способный породить лишь затрудненія. Затѣмъ отобранныя кучи валили черезъ проломъ въ мину, пока не наполнили ее до верху; тогда одинъ изъ насъ пробирался съ величайшимъ трудомъ сквозь эту денежную насыпь къ колодезю, а другой, оставшійся на мѣстѣ, нагружалъ деньгами тотъ самый ящикъ, которымъ прежде мы возили землю; такимъ образомъ при помощи этого ящика и ведра деньги доставлялись въ кухню совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и земля. Въ продолженіе этого въ высшей степени оригинальнаго препровожденія времени Россикова нѣсколько разъ кричала намъ: „Довольно, господа! выльзайте!“ Но ей хорошо было говорить — она видѣла только ту массу, которую мы ей препровождали, и не видѣла, сколько еще нашего добра приходилось оставлять во вражескомъ станѣ, куда мы проникли съ такой опасностью. Однако, и я началъ соображать, что мы потеряли уже очень много времени, — вѣдь надо еще успѣть очистить квартиру до 11-ти часовъ. Я подѣлился этими соображеніями съ товарищемъ.

— Эхъ! то богата еще, покинуты треба; ну та де наше не пропадало! Нехай еще останется имъ для расхода, щобъ було чимъ насъ памянути!

Мы выгрузили всего только половину сундука, правда, отобравъ самыя крупныя бумажки. Трудно представить себѣ, что изображала кухня, когда мы, выльзши изъ мины, вошли въ нее. Эта маленькая комната сплошь была завалена деньгами, въ которыхъ Россикова въ своемъ темномъ платьѣ буквально утопала до пояса. Мы рѣшительно недоумѣвали, что намъ дѣлать

съ этой массой денегъ, какъ ихъ брать и нести. Раньше мы думали взятыя деньги завязать въ узелъ и взять подъ мышку, но ихъ оказалось столько, что и на плечахъ не вынесешь. Наскоро составили военный совѣтъ. Всѣмъ стало очевидно, что держать такую массу денегъ въ одномъ мѣстѣ положительно безразсудно, и что надо разбить ихъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ партіи, такъ что, если пропадетъ одна, то, по крайней мѣрѣ, другая половина будетъ спасена. Тогда Алексѣй заявилъ, что недалеко отъ города, на Чернобаевскихъ хуторахъ, у него есть надежный человѣкъ, который, вѣроятно, теперь на базарѣ съ своей подводой и съ которымъ онъ не разъ прежде имѣлъ дѣла. Онъ не откажется и теперь укрыть насъ съ деньгами. Получивши отъ насъ согласіе, Погорѣловъ тотчасъ же переодѣлся и побѣжалъ разыскивать знакомого, а мы съ Россиковой занялись счетомъ денегъ, чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ ихъ количествѣ, но намъ никакъ не удавалось насчитать болѣе милліона; обыкновенно мы сби-вались и начинали снова; однако, удалось опредѣлить, что ихъ гораздо болѣе милліона. Наконецъ, это занятіе намъ такъ надоѣло, что мы рѣшились бросить его и забрать деньги, какъ есть, безъ счету. Подъ руку попалась большая корзина, въ которой прачки обыкновенно носятъ бѣлье. Эту корзину я набилъ самыми крупными пачками, преимущественно сотенными, четвертными и десятирублевыми бумажками. Остальными деньгами насыпали два старыхъ, дырявыхъ мѣшка изъ-подъ угля, болѣе подходящихъ предметовъ не оказалось. Эти мѣшки были обыкновенные получетвертные, т. е. насыпанный зерномъ каждый вѣсилъ отъ 5 до 6 пудовъ.

Наконецъ, прибылъ Алексѣй съ своимъ знакомымъ хохломъ и наскоро условился съ Россиковой, въ какомъ трактирѣ на базарѣ будетъ ее ожидать, чтобы отправиться вмѣстѣ на хуторъ, такъ какъ она находила болѣе удобнымъ скрываться на хуторахъ, чѣмъ со мною въ Алешкахъ. Взваливъ на плечи мѣшки, они ихъ вынесли на ожидавшую у воротъ подводу и отправились. Я остался, чтобы забрать остальные деньги, а Россикова, чтобы привести въ порядокъ квартиру, сжечь все компрометирующее и выйти послѣдней, замкнувъ квартиру снаружи. На полу валялись еще разбросанныя пачки; я завернулъ ихъ въ одѣяло, что составило, помимо корзины, особый тюкъ, вѣсомъ фунтовъ въ 35. Тщательно переодѣвшись, я отправился за фазономъ. Извозчика, само собою, взялъ изъ дальнихъ кварталовъ; вынесъ на него свой тюкъ и корзину, прикрытую чернымъ женскимъ платкомъ, и приказалъ ѣхать на рынокъ, гдѣ купилъ 12 фунтовъ вишенъ, которыми присыпалъ сверху корзину, перемѣнилъ извозчика, потомъ заѣхалъ въ большой бакалейный магазинъ, чтобы имѣть возможность еще разъ перемѣнить извозчика, и тогда только отправился на пристань. Въ Херсонѣ всегда собирается на пристани нѣсколько небогатыхъ

обывателей, ожидающихъ пока наберется полный комплектъ на шаланду — тогда каждому приходится менѣе платить за перевозъ, или же, когда кто-нибудь побогаче не заявитъ, что платить самъ за всѣ недостающія мѣста.

Когда я вошелъ въ шаланду, за мной сейчасъ же вскочила какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ, я поторопился приказать лодочнику отваливать. Цѣлую дорогу этотъ ребенокъ былъ предметомъ моихъ неусыпныхъ попеченій. Какъ только мать забывается, онъ тотчасъ запускалъ рученку въ мои вишни, что каждый разъ заставляло меня предупредительно подносить ему горсть — изъ опасенія, чтобы онъ, роясь въ корзинѣ, не обнаружилъ того, что скрывалось подъ тонкимъ слоемъ ягодъ, а это, въ свою очередь, заставляло мать съ искреннимъ чувствомъ благодарить меня за вниманіе, оказываемое ея ребенку, и именно въ то время, когда я, не менѣе искренно, желалъ ей вмѣстѣ съ ея ребенкомъ провалиться ко всѣмъ чертямъ.

Было сказано выше, что проломъ былъ оконченъ къ 3-му іюня. Приступлено же къ работѣ 26 мая. Итакъ, вся работа была сдѣлана въ 8 дней, а такъ какъ разстояніе между нашей квартирой и кладовой казначейства было около 8-ми сажень, то каждыя сутки мы вырывали среднимъ числомъ 1 сажень, работая днемъ и ночью; впрочемъ, сюда же нужно отнести $4\frac{1}{2}$ аршина колодца и $2\frac{1}{2}$ аршина каменной стѣны, такъ что, собственно говоря, за это время вырыто около 10 сажень.

Въ Алешкахъ извозничью биржу составляютъ всего двѣ допотопныхъ одноконки, управляемыя восьмилѣтними мальчуганами. Я сунуль подскочившему возницѣ свой тюкъ и, взявъ корзину въ руки, усѣлся въ дрожки. Мальчикъ уже зналъ, гдѣ я живу, хотя мнѣ никогда до этого времени не приходилось ѣздить съ нимъ. Дома меня встрѣтила только молодая Алексѣева, старуху мы къ тому времени отправили въ Одессу. Въ виду предосторожности на случай обыска надо было закопать привезенныя деньги; полъ въ занимаемомъ нами домикѣ былъ глиняный. Погорѣловъ, осматривая раньше помѣщеніе, совѣтовалъ выкопать яму для этой цѣли подъ печкой. Я не находилъ этого мѣста самымъ удобнымъ и безопаснымъ, а, главное, не хотѣлось, чтобы, кромѣ меня, кто-либо вообще зналъ, гдѣ спрятаны деньги, такъ какъ тогда ключъ къ отысканію ихъ былъ бы въ рукахъ не одного, а двухъ, т. е. было бы вдвое болѣе шансовъ къ отысканію ихъ.

Домикъ былъ окруженъ большой пустошью, сплошь заросшей густымъ бурьяномъ вышиною въ поясъ. Дождавшись ночи и пересыпавъ деньги въ два крѣпкихъ холщевыхъ мѣшка, я запася большимъ ножемъ, и съ этой ношей прокрался бурьянами къ серединѣ пустоши; здѣсь вырѣзалъ ножомъ часть верхняго слоя земли, такъ что вынулъ кустъ вмѣстѣ съ землей, не повредивъ корня; потомъ тѣмъ же ножомъ, лежа на землѣ, сталъ рыть яму. Заступомъ работать было не-

удобно, такъ какъ сосѣди, спящіе подъ досчатымъ заборомъ своихъ огородовъ, легко могли бы услышать шумъ. Яма была углублена на столько, на сколько позволяла сдѣлать это рука, опущенная въ нее вплоть до плеча, т. е. на полтора аршина; потому яма принимала боковое направленіе въ видѣ маленькой мины, чтобы деньги были лучше защищены отъ дождя цѣлиной, которая, разумѣется, должна меньше пропускать воду, чѣмъ разрыхленная земля. Закопавъ такимъ образомъ свои мѣшки, я снова вставилъ кустъ на свое мѣсто и полилъ землю водой. Никакихъ признаковъ произведенной работы не осталось — трава росла на своемъ мѣстѣ. Мнѣ казалось, что розыски зарытыхъ денегъ могли быть произведены только при помощи плуга, которымъ надо было бы вскопать всю пустошь, но такъ какъ ни одинъ плугъ не захватываетъ на такую глубину, на какой были зарыты мѣшки, то съ этой стороны я считалъ себя вполне обезпеченнымъ. Такъ какъ уѣхавшія женщины имѣли порученіе немедленно прислать въ Алешки второго резервнаго радикала, о которомъ первый, упоминавшійся выше, сообщилъ, что онъ находится въ Одессѣ, то мнѣ оставалось только ожидать его прибытія; онъ долженъ былъ зайти въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ, забрать деньги и тотчасъ же отправиться назадъ, стараясь сдѣлать свой визитъ по возможности конспиративнѣе. Однако, прошли уже четыре дня, а никто не являлся. Между тѣмъ, на базарѣ, въ лавкахъ, на улицахъ, всюду только и говорили о чудесномъ исчезновеніи денегъ изъ казначейства. Я выслушивалъ, удивлялся, разводилъ руками наравнѣ съ другими.

Я сильно надѣялся на легальность своего притона и былъ убѣжденъ, что подозрѣніе не падетъ на мою квартиру, если только въ нашемъ поведеніи не будетъ ничего страннаго. Такимъ страннымъ, на примѣръ, могъ показаться мой отъѣздъ, такъ какъ мать Алексѣевой уже и безъ того отсутствовала, и, слѣдовательно, изъ цѣлой семьи осталась бы одна моя фиктивная сестра; все это заставило меня оставаться въ Алешкахъ. Въ маленькихъ городкахъ сосѣди постоянно имѣютъ другъ друга на глазахъ, и отсутствіе одного изъ нихъ не можетъ остаться незамѣченнымъ.

Всѣмъ вышеизложеннымъ исчерпывается цѣль моей статьи, но я приведу еще одну картинку моего бѣгства изъ Алешекъ, какъ выразился прокуроръ, или самовольнаго исчезновенія изъ города Алешекъ, какъ назвалъ я его въ своемъ показаніи. Привожу этотъ фактъ, во-первыхъ, потому, что онъ самъ по себѣ интересенъ, а во-вторыхъ, — и это главное, — чтобы выяснитъ поведеніе Маловички, такъ какъ многіе несправедливо подозрѣваютъ, что онъ былъ подкупленъ мною. Итакъ, возвращаясь къ разсказу, въ его хронологической послѣдовательности.

„На пятый день на горизонтѣ нашей безмятежной жизни

появилась темная туча въ лицѣ исправника Маловички“, — такъ диктоваль я свое показаніе, сидя за чашкой кофе въ уютной гостиной курскаго жандармскаго полковника. Вотъ какъ это было: около четырехъ съ половиною часовъ утра Алексѣева разбудила меня словами: „вставай, тебя пришли арестовать, тамъ за дверьми стоитъ исправникъ съ квартальнымъ и просить, чтобы ты вышелъ на одну минуту, а за со-сѣднымъ заборомъ, я сама это видѣла, спрятаны солдаты съ ружьями.“ Я наскоро одѣлся, сунулъ кинжалъ за поясъ, на всякій случай, такъ какъ самъ еще не зналъ, что придется дѣ-лать. Перешагнувъ порогъ, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ полнымъ брюнетомъ средняго роста.

— Исправникъ Маловичка — отрекомендовался онъ нѣ-скольکو офіціалнымъ тономъ.

— Очень пріятно, — не угодно ли зайти въ комнату, при-гласилъ я и, когда онъ вошелъ, я продолжалъ! — тѣснѣе здѣсь и безпорядокъ, не взыщите: такой ранній визитъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста!

Мы сѣли къ столу.

— Могу ли освѣдомиться, чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ у себя, г. исправникъ?

— Мм... видите ли... Вы, вѣроятно, слышали о томъ, что въ Херсонѣ украдены деньги изъ казначейства?

— Какъ не слышать, весь городъ объ этомъ только и тол-куетъ, но... я все-таки не понимаю, какое отношеніе это имѣ-етъ къ вашему визиту. Сказавъ это, я прибавилъ про себя: ну коли такъ начинаешь, то дѣло еще не совсѣмъ пропащее.

— Вы, пожалуйста, извините... въ такихъ случаяхъ поли-ція хватается за первый признакъ... Дѣло въ томъ, что часть денегъ и нѣкоторые участники отысканы; они указываютъ, что остальные деньги пошли на Алешки, хотя путаются въ своихъ показаніяхъ и указываютъ также и на Николаевъ, говорятъ, что тутъ замѣшаны социалисты... Вы, конечно, не откажетесь помочь намъ въ розыскахъ...

— Съ удовольствіемъ... что могу; въ такихъ случаяхъ обязанность каждаго честнаго человѣка...

— Скажите, пожалуйста, не были вы въ воскресенье въ Херсонѣ?

— Былъ, — отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него удивленно въ упоръ.

— Гдѣ именно вы провели время?

— Я отправился туда въ субботу и ночеваль у своего брата.

— Не припомните ли вы, въ которомъ часу вы вернулись въ воскресенье?

— Это было около 11-ти часовъ дня, — катнулъ я напрямки, такъ какъ не оставалось сомнѣнія, что обстоятельства моего прибытія въ Алешки извѣстны до мельчайшихъ подробностей.

— Странно... время какъ разъ совпадаетъ, — проговорилъ

онъ какъ бы про себя, — не привезли ли чего-нибудь съ собою?

— Я купилъ тамъ вишенъ для варенья и привезъ ихъ съ собой.

— Вотъ видите-ли — „вишни“! Лицо его выразило удивленіе.

— Скажите, — началъ онъ поспѣшно, — въ чемъ вы везли ихъ?

— Въ большой корзинѣ, — рубилъ я, заранѣе предугадывая впечатлѣніе, которое должны произвести мои слова на собесѣдника, — были и другія кое-какія покупки: мыло, сахаръ, не припоминаю всего.

— Ахъ, позвольте, пожалуйста... Эта корзина здѣсь? Я могу ее видѣть?

Онъ обвелъ глазами маленькую комнату.

— Разумѣется, она въ чуланѣ. Вотъ что касается до вишенъ, то ихъ уже не существуетъ, такъ какъ сестра сварила изъ нихъ варенье, которое я могу рекомендовать вашему вниманію. Анюта, угости-ка насъ своимъ вареньемъ! — обратился я къ Алексѣевой.

— Благодарю! Знаете-ли, эта корзина и надѣлала всю кутерьму: извѣстно, что въ корзинѣ провезены деньги... И... я... право въ затрудненіи...

— А... теперь я понимаю вашъ визитъ. Такъ вотъ что!

Въ это время Алексѣева поставила на столъ большой супникъ съ вареньемъ.

— Значитъ мои вишни смутили полицію, — снова началъ я. Ну такъ мы вотъ что сдѣлаемъ, г. исправникъ, улыбнулся я, поѣдимъ эти вишни и напишемъ протоколъ, что вишни эти уже уничтожены, и пусть онъ больше уже никого не смущаютъ.

Я подставилъ ему супникъ и налилъ изъ бутылки въ стоявшіе на столѣ два стакана краснаго вина и затѣмъ предложилъ сигару. Горько ему впоследствии пришлось эти вишни!...

Вотъ цѣликомъ весь разговоръ, который произошелъ между нами. Послѣ этого онъ всталъ, выразилъ надежду, что ему больше не придется беспокоить насъ своимъ визитомъ, пожелалъ намъ всего хорошаго, и мы разстались друзьями.

— „Живите себѣ съ Богомъ!“ — были его послѣднія слова.

Слухъ о томъ, что я откупился — совершеннѣйшій вымыселъ. Въ квартирѣ у меня было всего лишь нѣсколько рублей на расходы.

Въ сущности, Маловичка — въ высшей степени добродушный и, по своему, честный человѣкъ; если прибавить къ предыдущему разговору, что обстановка маленькаго домика, состоящаго изъ небольшого чулана и одной комнаты съ мазаннымъ поломъ, скромно мебелированной съ претензіей на нѣкоторое изящество, съ лампадкой передъ образами, съ чистенькими занавѣсками на крошечныхъ окошкахъ, за которыми виднѣются

грядки, усѣянная цвѣтами, говорила о такой мирной жизни, о такомъ мѣщански-буржуазномъ затишьѣ, что совершенно понятно, почему у исправника, — несмотря на имѣвшееся у него предписаніе, — просто не поднялись руки арестовать насъ. Онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы эта скромная обстановка скрывала за собою херсонскихъ удалцовъ; онъ былъ убѣжденъ, что здѣсь простое совпаденіе случайностей и рѣшилъ выждать болѣе опредѣленныхъ указаній, увѣренный въ томъ, что мы никуда не исчезнемъ, да и то сказать, не всякій обладаетъ способностью хватать встрѣчныхъ и поперечныхъ по малѣйшему подозрѣнію, — для этого нужно родиться жандармомъ! Мнѣ и впослѣдствіи всегда было жаль этого добряка, обремененнаго многочисленной семьей, который какъ бы изъ за меня потерялъ средства къ существованію, хотя я, спасая себя, спасалъ въ сущности дѣло... При томъ не моя вина, что люди даже при нѣкоторой личной порядочности ставятъ себя наравнѣ съ послѣдними прохвостами въ положеніе наемныхъ лакеевъ, которыхъ свой же баринъ хлещетъ за малѣйшее невольное упущеніе. Онъ все таки былъ солдатъ изъ непріятельскаго лагеря, а на войнѣ шашка рубить, не разбирая людей. Такова логика борьбы!

Но вернемся къ разсказу. По уходѣ исправника я очутился въ крайне затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, казалось, что надо было пользоваться минутой и бѣжать, не ожидая второго визита, такъ какъ, по словамъ Маловички, можно было заключить, что арестованные выдали меня, но, съ другой стороны, если судить по дѣйствіямъ исправника, то обстоятельство, что онъ ушелъ, не арестовавъ меня, давала вѣскаго доводъ въ пользу предположенія, что, если измѣна и была со стороны арестованныхъ, то во всякомъ случаѣ не полная, можетъ быть, только невольный намекъ... Если бы мы рѣшились бѣжать немедленно, то денегъ нельзя было бы захватить съ собою по той причинѣ, что до ночи ихъ нельзя было откопать незамѣтно для сосѣдей; а между тѣмъ, внезапное наше исчезновеніе было бы несомнѣннымъ доказательствомъ нашего участія въ дѣлѣ и подвергало риску оставленную сумму; выходило, что слѣдуетъ остаться по крайней мѣрѣ на одну ночь, взять деньги и бѣжать на слѣдующій день; но тутъ зарождалось подозрѣніе, не оставили ли насъ на свободѣ именно затѣмъ, чтобы подсмотрѣть за нами и открыть, гдѣ спрятаны остальные деньги... Алексѣева говорила мнѣ: „поѣзжай немедленно для виду хозяйничать въ домъ; быть можетъ, твоего отсутствія не замѣтятъ, а если спросятъ, я скажу, что ты поѣхалъ за матерью въ виду страннаго посѣщенія исправника. Если все обойдется благополучно, то послѣ завтра можешь пріѣхать самъ или пришлешь когонибудь за деньгами“. При этомъ она указала на то обстоятельство, что если меня арестуютъ, то, навѣрное, повѣсятъ, между

тѣмъ, какъ женщина отъ этого вполне застрахована. Нельзя было оспаривать основательности послѣдняго обстоятельства, — это было въ самый разгаръ бѣлаго террора, которымъ правительство отвѣтило на дѣйствія революціонеровъ. Я согласился поступить по ея совѣту. Къ вечеру домъ былъ оцѣпленъ солдатами и Алексѣева арестована; денегъ не нашли, хотя изрыли весь полъ. Въ продолженіе недѣли обыски возобновлялись 5 или 6 разъ, — вокругъ дома тоже все перерыли, вскопали грядки, искали подъ деревомъ, но деньги все не отыскивались. Въ это время мы въ Одессѣ готовились къ весьма рискованному предпріятію: перехватить деньги у полиціи. Но это было почти невозможно: мѣры, принятія для розысковъ превзошли всѣ наши ожиданія. Херсонъ и Алешки были поставлены на военное положеніе, не только весь наличный составъ полиціи, но и команды мѣстныхъ войскъ были поставлены на ноги и солдаты наравнѣ съ полицейскими рыскали по окрестнымъ хуторамъ. По всѣмъ заставамъ разставили караулы, по всѣмъ дорогамъ разослано преслѣдованіе, не было никакой возможности ни пріѣхать, ни выѣхать, чтобы не попасться въ руки полиціи. Въ Алешкахъ, едва только подъѣзжала къ берегу шаланда съ новой личностью, какъ къ ней тотчасъ же подходилъ околоточный съ вопросомъ: кто, откуда, зачѣмъ, кого имѣете знакомыхъ? Затѣмъ слѣдоваль осмотръ документовъ, которые оставались при полиціи до отѣзда; за каждымъ прибывшимъ учреждался строжайшій надзоръ. Такимъ образомъ, въ Алешкахъ не было рѣшительно никакой возможности прожить и двухъ дней безъ оффиціального предлога, особенно это было трудно для нелегальнаго, а вслѣдствіе крайней миниатюрности городка, нельзя было и придумать такого предлога. Дѣлать нечего, пришлось подыскивать какую нибудь должность. Такъ прошло около двухъ недѣль, по истеченіи которыхъ, я, оставивъ все это дѣло на рукахъ товарищей, уѣхалъ изъ Одессы, такъ какъ мое пребываніе тамъ сдѣлалось серьезно рискованнымъ, вслѣдствіе того, что какой то бездѣльникъ заявилъ полиціи, что лично видѣлъ меня на Цыганской улицѣ. Въ городѣ пошли усиленныя облавы, Цыганская улица была оцѣплена и во всѣхъ домахъ произведенъ былъ повальный обыскъ.

Три недѣли спустя полиція, наконецъ, отыскала деньги при помощи желѣзнаго шупа, благодаря безстыдной откровенности арестованной къ тому времени жены Погорѣлова, которая выдала насъ на чистоту, рассказавъ все, что только знала. Въ своихъ показаніяхъ она усиленно настаивала на томъ, что деньги находятся въ Алешкахъ, такъ какъ ей извѣстно, что въ Одессу привезено только 10.000. Это и побудило прокурорскій надзоръ съ новой энергіей возобновить розыски. Подлая женщина за свое гнусное предательство была выпущена на волю.

Въ это время наши ребята уже водворились въ Алешкахъ съ подробнымъ планомъ мѣстности, который я имъ оставилъ.

Кому то изъ нихъ удалось пристроиться къ должности, и они ожидали только ночи, чтобы откопать деньги, которыя, такимъ образомъ, выдерживали атаку съ двухъ сторонъ, такъ какъ въ теченіе дня прибывшій прокуроръ съ новой энергіей взрывалъ пустошь. Враги опередили насъ лишь однимъ днемъ.

Слѣдуетъ объяснить еще, какъ власти узнали о моемъ пребываніи въ Алешкахъ. Уже послѣ своего ареста я узналъ, какъ полиціи удалось добиться указанія на мой притонъ отъ Погорѣлова. Лишь только онъ съ Россиковой были достигнуты на Чернобаевскихъ хуторахъ, полковникъ артиллеріи Мордвиновъ приставилъ револьверъ къ груди Погорѣлова съ угрозой: „говори, разбойникъ, гдѣ остальные, или я тебя застрѣлю на мѣстѣ“. Алексѣй молчалъ. Тогда послѣдовало приказаніе солдатамъ бить его прикладами, что они буквально и выполняли до тѣхъ поръ, пока Погорѣловъ подъ ихъ ударами не упалъ замертво. Известно, что та же сцена повторилась въ камерѣ прокурора при дознаніи, послѣ чего и полетѣла телеграмма въ Алешки. Очень можетъ быть, что истязуемый, въ полубезсознательномъ состояніи, подъ ударами солдатъ произнесъ нѣсколько словъ, выдавшихъ меня. Очевидно только, что такъ называемаго чистосердечнаго, т. е. подробнаго показанія онъ не далъ даже при этомъ, не очень гуманномъ, способѣ допроса, иначе мнѣ не удалось бы ускользнуть. Какъ человѣкъ, я не могу строго относиться къ этой вынужденной измѣнѣ Алексѣя.

Вотъ картинка, весьма назидательная и для нашихъ нравственниковъ: извольте посмотрѣть, къ какого рода средствамъ прибѣгаютъ представители правосудія и закона, стоящіе на стражѣ того общества, которое упрекаетъ революціонеровъ за принятіе принципа: „дѣль оправдываетъ средства“. Пытка на формальномъ допросѣ! И это не при Иванѣ Грозномъ, а при Александрѣ-Освободителѣ! Да и мало ли такихъ картинокъ можно было бы привести, ну хотя бы обыскъ въ камерѣ Анны Алексѣевой, во время котораго смотритель разорвалъ ей ротъ, отыскивая записку.

Воля ваша, а разсказъ Успенскаго, въ которомъ коробочка пилюль заполучается ударомъ по плечу бѣднаго аптекаря, послѣ котораго тотъ, прогулявшись въ Соловецкій монастырь и обратно, все еще не можетъ владѣть рукою, дышитъ глубокой жизненной правдой и нисколько не удивительно, что гигантъ-купчина послѣ того, какъ побывалъ на допросѣ, только и дѣлаетъ, что ѣсть да спать, „суставы расправляетъ, отдышаться не можетъ“. Алексѣй, полагать надо, тоже не мало времени расправляетъ суставы, — это уже не разсказъ, а дѣйствительность. Ну, да все это къ дѣлу не идетъ, какъ говоритъ разсказчикъ, — пора и мнѣ окончить.

Такъ печально закончилось это грандіозное предпріятіе. Въ назиданіе оно оставило намъ твердое убѣжденіе въ необходимо-

сти прочной организаціи; не знаю, какъ для кого, но для меня этотъ фактъ въ высшей степени поучителенъ.

Изъ приведеннаго разсказа ясно видны причины неудачи: во первыхъ, недостатокъ денежныхъ средствъ, во вторыхъ, недостатокъ въ людяхъ; то и другое можно подвести подъ одну общую формулу: отсутствіе прочной организаціи. Я не имѣю въ виду организаціи даннаго предпріятія, она едва ли могла быть лучше при тѣхъ условіяхъ, я говорю объ общей организаціи революціонныхъ силъ съ центральнымъ распорядительнымъ отдѣленіемъ, вѣдающимъ обо всѣхъ предпріятіяхъ, одновременно ведущихся въ разныхъ мѣстахъ, и распредѣляющимъ, сообразно съ потребностями каждаго мѣста, какъ людей, такъ равно и общій революціонный капиталъ. При такой организаціи я бы не могъ остаться въ критическую минуту безъ всякой поддержки, предоставленной собственнымъ силамъ и вынужденный избѣгать когтей правительства, уже наложившаго свою тяжелую лапу на дѣло, поглотившее столько труда. Для кого этотъ доводъ не ясенъ, пусть сравнитъ описанное дѣло съ организаціей любого царскаго взрыва хотя бы даже по оффиціальнымъ отчетамъ о процессахъ. Какъ тамъ все предусмотрено до мельчайшихъ подробностей, какая разница въ подготовкѣ, какія средства! И зато, какая разница въ результатахъ! Неудачи, конечно, и тамъ бываютъ. Это зависитъ отъ того, что завѣдующій этими предпріятіями „Комитетъ“ еще далекъ отъ совершенства; но тогда какъ мы, въ случаѣ неудачи теряемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, тамъ наблюдается нѣчто совсѣмъ иное. Въ Москвѣ полиція находитъ одного лишь „кота“; при взрывѣ дворца ей удается узнать только имя пропавшаго рабочаго, а затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ!

Это общія причины; въ частности же причина неуспѣха должна быть отнесена насчетъ того, что мы мало озаботились подготовленіемъ отступленія. Въ планѣ хорошо разработана была только наступательная часть и, дѣйствительно, очистка, если такъ можно выразиться, была ведена безукоризненно, по суворовскому правилу: „быстрота и натискъ рѣшаютъ дѣло“. Зато насчетъ отступательныхъ путей, дѣйствительно, оплошали, но разборъ этой части предпріятія выходитъ изъ рамокъ нашего разсказа, который имѣетъ цѣлью показать читателямъ, какъ горсть людей безъ всякихъ орудій, почти съ голыми руками, вооруженная лишь личной энергіей закладывала фундаментъ величественнаго зданія. Зданіе обрушилось, задавивъ строителей, потому что однимъ и тѣмъ же людямъ приходилось быть и каменщиками, и плотниками, и архитекторами, и чернорабочими. Энергія можетъ расходоваться только до извѣстныхъ предѣловъ; ее хватитъ на то, чтобы добиться цѣли, спрятать же деньги слѣдовало предоставить свѣжимъ силамъ. Рухнуло оно, наконецъ, и оттого, что вмѣсто прочныхъ краеугольныхъ кам-

ней, за отсутствием надежного материала, приходилось употреблять мягкую глину.

Таковы горькие опыты анархической системы организации революции по принципу вольных федеративных групп, принцип, который мы, в особенности южане, так облюбовали, увлеклись формами будущего, совершенно упуская из виду, что бороться приходится не с будущими условиями, а с настоящими, и что при настоящих формах борьбы победу можно одержать, лишь противопоставив государственной организации организованную же силу, да притом еще немалую, так как вѣковая традиционная организация государства стоит еще весьма твердо.

„Служители монархии, господа, не краснобаи, а практики, и таких практиков слѣдует желать и вамъ!“ — эти слова Лассала огненными буквами слѣдует запечатлѣть каждому революционеру вмѣсто того, чтобы вѣрить наивнымъ утопіямъ о развалившихся столпахъ. Оно, конечно, поболтать о гніеніи столповъ можно, да гляди, какъ бы не пришлось еще поболтаться на этихъ столпахъ, — вотъ это ужъ и не такъ, чтобы совѣмъ складно!

Въ заключеніе выяснено слѣдующее обстоятельство: вначалѣ мною сказано нѣсколько словъ, характеризующихъ мое личное отношеніе, какъ участника, къ описываемому факту съ нравственной стороны. Дѣлая это, я желалъ сдѣлать мой рассказъ по возможности болѣе полнымъ. Между тѣмъ, эти нѣсколько словъ, брошенныхъ мимоходомъ, были приняты многими какъ желаніе отстоять нравственность самаго факта и защищать его отъ тѣхъ нападокъ, которыя сыпались и, къ удивленію, сыпятся до сихъ поръ на него со стороны многомудрыхъ критиковъ революціонной дѣятельности. Поводомъ, давшимъ возможность возникнуть этому недоразумѣнію, является то обстоятельство, что, начиная рассказъ, я совершенно упустилъ изъ виду уровень революціонной культурности читающей публики. Теперь я жалѣю, что коснулся этой стороны. Мнѣ слѣдовало, указывая на общественное значеніе даннаго факта, ограничиться категорическимъ заявленіемъ, что, подобно выстрѣлу Засуличъ, который произвелъ окончательный переворотъ въ пользу извѣстнаго направленія и выяснилъ это направленіе какъ публикѣ, такъ и самимъ дѣйствующимъ лицамъ, точно такъ же, говорю, дѣло о казначействѣ и дѣйствіе его на публику послужило послѣднимъ и окончательнымъ факторомъ для установленія и обобщенія опредѣленнаго взгляда на извѣстную категорію дѣйствій, (взгляда, до сихъ поръ неустановившагося даже въ средѣ самихъ революціонеровъ) въ опредѣленный принципъ, опубликованный нынѣ въ послѣдней программѣ Исполнительнаго Комитета. Принципъ этотъ такъ прочно утвердился, что, не конфу-

зясъ, фигурируетъ въ первомъ параграфѣ этой программы*). А это важнѣйшее и существеннѣйшее значеніе разсматриваемаго дѣла. Теперь каждому, у кого въ головѣ есть хоть какой нибудь червячекъ, не трудно понять, что разсуждать о нравственности или безнравственности какого либо явленія, входящаго, какъ частный случай, въ общее положеніе, ставшаго руководящимъ принципомъ цѣлаго ряда явленій, становится удѣломъ лицъ, оставшихся слишкомъ далеко позади движенія.

Вотъ все, что мнѣ слѣдовало сказать по этому поводу. Я сказалъ больше и жалѣю объ излишествѣ.

Ө. Юрковскій.

---

*) Программа эта гласитъ:

«Руководящій принципъ дѣйствій Исп. Комитета вполне опредѣляется отношеніемъ лицъ и общественныхъ группъ къ дѣлу революціи.

§ 1. По отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство можно считать дозволительнымъ».

Отъ ред. Юрковскій по памяти цитируетъ программу П. К., — приведемъ цѣликомъ то мѣсто изъ программы народовольцевъ, которое имѣетъ въ виду Юрковскій:

1) По отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство, ведущее къ цѣли, мы считаемъ дозволительнымъ.

2) Всѣ оппозиціонные элементы, даже не вошедшіе съ нами въ союзъ, найдутъ въ насъ помощь и защиту.

3) Лица и общественныя группы, стояція внѣ нашей борьбы съ правительствомъ, признаются нейтральными: ихъ личность и имущество — неприкосновенны.

4) Лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ нашей съ нимъ борьбѣ, какъ вышедшія изъ нейтралитета, признаются за врага».

По поводу воспоминаній Э. Н. Юрковскаго.

Росикова, задумавъ совершить подкопъ подъ Херсонское казначейство, рѣшила вести все дѣло болѣе или менѣе самостоятельно, входя лишь въ отдѣльныя соглашенія съ отдѣльными лицами, — и при этомъ старалась избѣгать привлеченія къ дѣлу цѣлыхъ группъ, особенно дѣйствующихъ. У нея была своя цѣль, — для этой цѣли она хотѣла добыть денегъ и ей, конечно, желательно было, чтобы онѣ пошли туда, именно на эту цѣль. Отсюда изъ ея дѣятельности вытекала и нѣкоторая обособленность, даже конспирація. Вступить въ соглашеніе съ такой, положимъ, организаціей, какъ Земля и Воля, ей было просто боязно. Въ случаѣ удачи, деньги, а ихъ предполагалось не много будетъ, по рѣшенію большинства участниковъ, легко могли пойти на другія дѣла, и ея цѣль останется, пожалуй, невыполненной. Поэтому она стала искать такихъ участниковъ, которые заранѣе соглашались съ ея цѣлью или представляли себя въ качествѣ простыхъ помощниковъ въ работѣ по подкопу, не входя въ обсужденіе организаціи всего дѣла. Благодаря этому и получилось то, что тѣ, кто ничего не имѣлъ противъ этого предпріятія, но имѣлъ достаточно людей, чтобы организовать это дѣло, остались въ сторонѣ, зная о немъ лишь въ общихъ чертахъ и не много, боясь даже иснугать Росикову своимъ болѣе активнымъ вмѣшательствомъ.

Лично съ Росиковой мы были въ хорошихъ отношеніяхъ и мнѣ приходилось иногда оказывать ей услуги, напр., при ея побѣгѣ изъ дровни, гдѣ ее должны были арестовать. И вотъ, задумавъ устроить подкопъ подъ Херсонское казначейство, Росикова при встрѣчѣ со мною въ Одессѣ въ началѣ 79 г., сообщила мнѣ объ этомъ своемъ проектѣ, пригласила къ участію, обѣщала дать знать, какъ только окончательно выяснится, что домъ для найма будетъ найденъ и можно будетъ начать дѣло. Но въ этомъ же году, въ это же самое время, какъ извѣстно, собирался Липецкій Съездъ, въ организаціи котораго мнѣ пришлось принять участіе. Пришлось часто отлучаться изъ Одессы. Слѣдить мнѣ за развитіемъ Херсонскаго дѣла не было времени, а къ тому же вскорѣ я замѣтилъ и то, что Росиковой желательно все дѣло повести самосто-ятельно. На вопросы, какъ идетъ дѣло, она отвѣчала, что люди найдены, все организовано, но — объ моемъ участіи вопросъ замалчивался. Самому мнѣ было неловко напоминать, зная, что она побаивается вмѣшательства нашей организаціи и потому я, бывая въ Одессѣ, пересталъ даже спрашивать, какъ и когда начнется само выполненіе предпріятія.

Въ концѣ мая, когда я былъ въ Харьковѣ, получается вдругъ письмо изъ Одессы отъ Южаковой, гдѣ она пишетъ, чтобы я во что бы то ни стало ѣхалъ скорѣй въ Одессу по очень важному дѣлу. Отправляюсь туда и тутъ только узнаю отъ нея, что дѣло въ Херсонѣ начато и что я действительно нуженъ тамъ, что тамъ большой недостатокъ въ рабочихъ. Отправляюсь сейчасъ же туда и застаю все уже при концѣ, хотя свѣжій работникъ, былъ все-таки нуженъ, такъ какъ всѣ были утомлены, а доканчивать же надо.

Объ общемъ утомленіи можно судить по тому факту, что когда стали доканчивать выноску земли изъ подкопа, и Россикову помѣстили у окна, чтобы слѣдить за дворомъ кладовой, то вскорѣ нашли ее, глубоко спящей на землѣ, которая сваливалась тутъ же.

Дѣло велось спѣшно и сразу бросалось въ глаза, что многое не принято въ расчетъ особенно отступленіе, но когда объ этомъ зашла рѣчь, Россикова мнѣ замѣтила: „намъ нужна ваша физическая сила. Если можете помочь намъ, — помогите. — Что же касается до отступленія и вообще всего остального, не безпокойтесь — объ этомъ позаботились уже и совѣтъ лишній!“

Такъ какъ я ѣхалъ только помочь въ работѣ, а не давать совѣты или организовать что либо, то я и умолкъ, ограничась тѣмъ лишь, что помочь имъ докончить подкопъ.

Ночью все было кончено. Подкопъ подошелъ подъ кладовую и осталось опустить лишь большую каменную плиту пола этой кладовой. Работать ночью боялись, чтобы шумъ не обратилъ вниманія, и отложили до утра. Другихъ работъ не предвидѣлось. Моя помощь была больше не нужна, какъ всѣ говорили, и я ушелъ къ себѣ въ гостиницу, условившись зайти утромъ рано, чтобы лишь взять въ Одессу 100,000 р.

Утромъ отправляюсь къ дому, вижу: окно открыто, и за нимъ какая то пустота въ комнатѣ. А, между тѣмъ, мы условились, чтобы въ окнѣ былъ поставленъ условный знакъ, что все благополучно, или чтобы кто нибудь долженъ былъ поджидать меня на улицѣ. Не находя ни того, ни другого, пришлось задуматься, войти ли въ домъ, а тутъ, оглядываясь, вдругъ замѣчаю, вдали идетъ Терентьева по направлению къ парходной пристани. Невольно является предположеніе, что деньги переданы ей, и я спокойно отправляюсь тогда на пристань, — и мы уѣхали.

Такимъ образомъ и мой поздній пріѣздъ, и скорый отъѣздъ объясняются не тѣмъ, чтобы это дѣло было мнѣ не по душѣ, что оно казалось шаткимъ въ нравственномъ значеніи, а гораздо проще.

То же надо сказать и о замѣчаніи Ѡ. Н. Юрковскаго относительно товарищей, что они не поддержали его активно, тратя средства на другія предпріятія.

Въ 74 и 75 годахъ Юрковскій состоялъ въ Николаевской группѣ Ковальскаго, Дробязгина и др. — Мысль о предпріятіи подобномъ Херсонскому, онъ говоритъ, стала его занимать съ 74 г., — значить, подъ товарищами всѣ могутъ легко предположить этихъ именно товарищей, но это будетъ не вѣрно.

Въ 75 г. лѣтомъ и осенью, живя въ Николаевѣ, мнѣ лично пришлось находиться въ тѣсномъ общеніи съ Ковальскимъ, Дробязгинимъ и другими николаевцами. Поэтому мнѣ хорошо извѣстно, что эти его товарищи, убѣдясь за лѣто, что безъ денегъ нельзя вести революціонныя дѣла, единогласно пришли къ заключенію о необходимости добыть ихъ и, если бы тогда имъ было предложено что нибудь подобное, я увѣренъ, они схватились бы за это обѣими руками. — Такимъ образомъ, говоря о товарищахъ, Юрковскій имѣлъ въ виду, очевидно, кого-нибудь другого, но только не николаевцевъ. Особенно рѣчь не можетъ идти о Ковальскомъ, который открыто проповѣдывалъ, что цѣль оправдываетъ средства.

У Юрковского, вѣроятно, рѣчь шла объ одесситахъ и при томъ той группѣ, которая стояла еще на старой программѣ, признающей лишь пропаганду и поселеніе. Но опять таки это могло относиться лишь къ 74-76 г.г. Въ 77, 78, 79 г.г. принципиальное отрицаніе захвата казенныхъ денегъ осталось лишь у лицъ, отошедшихъ въ сторону, и въ Одессѣ, Кіевѣ легко можно было собрать для подобнаго дѣла людей, лишь бы нашлись средства, чтобы хорошо организовать его.

Недостатокъ лицъ въ Херсонскомъ дѣлѣ поэтому я и объясняю лишь тѣмъ, что могущихъ повести дѣло было боязно привлекать, а тѣ, которые имѣлись подъ рукой, какъ жена и самъ Погорѣловъ, не были даже революціонерами, не говоря уже о штундистахъ—хуторянахъ.

М. Фроленко.

Бс

Изъ воспоминаній И. К. Окунцева.

I. Разгромъ Забайкалья ген. Ренненкампомъ.

Ренненкампомъ, тотъ самый Ренненкампомъ, который безпощадно билъ и грабилъ въ 1900 году беззащитное китайское население, а во время послѣдней войны бѣжалъ отъ японцевъ, 7 января 1906 года во главѣ карательнаго отряда, по „высочайшему“ повеленію, появился на рубежѣ Забайкальской области и Манджуріи. Съ какими думами, съ какими помыслами въѣзжалъ онъ въ эту область, никто ничего не зналъ тогда. Одно только было извѣстно, что съ нимъ было до 1500 солдатъ и пушки. Съ такой силой ходятъ только въ бой. На межѣ Забайкалья, самодержцемъ котораго онъ былъ назначенъ царскою властію, Ренненкампомъ издалъ воззваніе къ населенію и желѣзнодорожнымъ служащимъ. Въ этомъ воззваніи онъ приглашалъ всѣхъ добровольно подчиняться „законнымъ властямъ“, если-же кто-нибудь не хотѣлъ этого сдѣлать, тотъ долженъ уйти со службы. Съ желающихъ подчиниться „законнымъ властямъ“ бралась росписка. Населеніе къ столь курьезному требованію отнеслось полусерьезно-полушутя. Одни давали росписки другіе — нѣтъ.

Черезъ день было выпущено Ренненкампомъ второе извѣщеніе № 7 къ населенію такого содержанія: „извѣщаю: въ случаѣ покушенія на лицъ, меня сопровождающихъ, жандармскихъ чиновъ и желѣзнодорожной охраны, черезъ часъ послѣ покушенія всѣ арестованные и сданные въ тюрьму, какъ заложники, будутъ подвергнуты смертной казни“.

Ренненкампомъ не хотѣлъ быть такимъ извергомъ для населенія, какимъ былъ Меллеръ-Закомельскій. Онъ хотѣлъ быть благороднѣе, правосуднѣе и не крвожаднымъ. Онъ только хотѣлъ одно — вырвать жало революціи. Онъ не стѣснялся осуждать тактику разстрѣловъ и порокъ барона Закомельскаго.

— Ну, развѣ можно такъ расправляться, такъ поспѣшно судить, — говорилъ Ренненкампомъ по адресу Закомельскаго. Я, если Чита положитъ оружіе, ни одного человѣка не казню.

И многіе повѣрили этимъ лукавымъ словамъ; повѣрили, не смотря на скорый разстрѣлъ учителя Попова (Коновалова) на

станціи Борзя. Нѣкоторые думали, что Ренненкампфъ чуть-ли не спасителемъ явился отъ Закомельскаго и его опричниковъ.

Послѣдній расправлялся единолично и быстро, иногда не записывалъ именъ разстрѣливаемыхъ. Онъ дѣлалъ „по военному“, зная, что все равно ни при какихъ обстоятельствахъ не понесетъ отвѣта. Правительство покроетъ всё его убійства и издѣвательства. Ренненкампфъ творилъ сперва дознание, потомъ судъ и уже послѣ судебного приговора чинилъ расправу. Онъ хотѣлъ обставить дѣло „законнымъ“ порядкомъ. Ренненкампфъ — не убійца, какъ Закомельскій, онъ — законникъ и судья...

Лишь только вступилъ въ предѣлы Забайкалья Ренненкампфъ, немедленно же началъ свою карательную дѣятельность. На ст. Манжурия его отрядомъ было арестовано нѣсколько человекъ за участіе въ манифестаціи. Арестованные были тутъ-же избиты солдатами. Въ числѣ арестованныхъ были схвачены и посажены въ вагонъ карательнаго поѣзда иркутскій учитель Поповъ, извѣстный подъ фамиліей Коновалова, солдатъ желѣзно-дорожнаго батальона Корякинъ и священникъ Ляховскій, который былъ отправленъ сперва въ г. Харбинъ, затѣмъ заточенъ въ Уссурийскомъ монастырѣ (— онъ, кажется, снялъ съ себя рясу). Для Забайкалья революціонная дѣятельность Попова имѣла свое значеніе. Соціалъ-демократъ по политическимъ убѣжденіямъ, онъ въ качествѣ оратора ѣздилъ по линіи желѣзной дороги и на митингахъ пропагандировалъ революціонныя идеи. Помню его ораторствующимъ на одномъ многочисленномъ митингѣ въ г. Верхнеудинскѣ. Невысокаго роста съ умнымъ лицомъ и быстро бѣгающими глазами онъ велъ себя нѣсколько застычиво и не рисовался своими ораторскими способностями. Въ началѣ своей довольно длинной рѣчи о революціи и контръ-революціи въ Европѣ и Россіи онъ говорилъ нѣсколько тихо и вяло, но по мѣрѣ того, какъ росъ интересъ слушателей къ его рѣчи, онъ оживлялся и, словно упоиваясь своимъ ораторствомъ, быстро, легко и громко, излагалъ свои мысли. Въ заключеніе рѣчи онъ, послѣ небольшихъ дебатовъ, предложивъ резолюцію о сверженіи царствующей династіи и скорѣйшемъ введеніи въ Россіи республиканскаго образа правленія. Поповъ на болѣе продолжительное время остановился на ст. Манжурия, революціонизировать находившихся солдатъ и желѣзно-дорожныхъ служащихъ; изрѣдка онъ объѣзжалъ станціи, лежащія между Манжурией и Китайскимъ разъѣздомъ.

Командиръ 17 стрѣлковаго восточно-сибирскаго полка полковникъ Тишинъ повезъ въ первомъ карательномъ поѣздѣ Попова и Корякина и на ст. Борзя, по приказаніи генерала Ренненкампфа, учинилъ надъ ними „скорый“ военно-полевой судъ. Оба подсудимые были приговорены къ смертной казни. Поповъ встрѣтилъ этотъ приговоръ спокойно и стойко. Приговоръ былъ подтвержденъ Ренненкампфомъ, который утвердивъ смертную казнь Попову, Корякину — же замѣнилъ ее десятилѣтней ка-

торгой*). Поповъ не подавалъ прошенія о помилованіи, хотя защитникъ, назначенный отъ казны, и товарищи уговаривали его подать. Послѣ многократныхъ и упорныхъ просьбъ Поповъ взялъ клочекъ бумажки и написалъ на немъ: „Имѣю мать - старуху“. Больше ничего, — даже не подписался. Изъ вагона, гдѣ сидѣлъ Поповъ съ Корякинымъ, Зезюкевичемъ (въ настоящее время онъ бѣжалъ изъ Акатуйской тюрьмы) и другими товарищами, его повели на разстрѣль. Ни слова мольбы или ужаса не вырвалось у него, — ни одной слезы не появилось у него на глазахъ. На могилѣ Попова рабочіе, среди которыхъ онъ пользовался большой популярностью, поставили крестъ. Администрація сожгла и крестъ и столбъ, къ которому разстрѣливаемый былъ привязанъ. Одинокая могила Попова находится недалеко въ сторонѣ отъ ст. Борзя и „во избѣжаніе недоразумѣній“ сравнена съ землею, поглотившей его трупъ.

Послѣ первой казни Ренненкампфъ объѣхалъ всю желѣзнодорожную линію, дѣлалъ ей свой генеральскій осмотръ и генеральные, массовые аресты.

2. Читинскія казни.

Послѣ произнесенія смертнаго приговора надъ нами, насъ троихъ: Шинкмана, Мирскаго и меня, перевели изъ вагона, въ которомъ Ренненкампфъ возилъ насъ, въ арестантскій вагонъ. Здѣсь мы встрѣтились съ новыми товарищами по несчастію — Григоровичемъ (онъ же Костюшко-Валюжаничъ), Цупсмана, Столярова, Вайнштейна, Кузнецова, отца и сына Кларковъ и Кривоносенко. Всѣ они судомъ, судившимъ насъ, тоже были приговорены къ смертной казни и находились въ мучительномъ ожиданіи. Гнетущее настроеніе царило среди узниковъ. Люди хотѣли жить и не имѣли почти никакихъ средствъ бороться съ произволомъ своихъ насильниковъ.

Жены, матери, родные употребляли всѣ свои усилія, чтобы вырвать дорогихъ людей изъ рукъ царскаго палача Ренненкампфа, который съ какою-то лютою радостью убивалъ свои жертвы и пилъ ихъ кровь. Въ итогъ всѣхъ хлопотъ и тревогъ — изъ восьми спасена была жизнь четверымъ: Кузнецову, Кларкамъ и Кривоносенкѣ смертная казнь была замѣнена каторгой. Въ настоящее время Кузнецовъ и Кривоносенко находятся въ Акатуйской каторжной тюрьмѣ, а Кларки убили отсюда за границу.

Григоровича, Цупсмана, Столярова и Вайнштейна Ренненкампфъ рѣшилъ убить.

*) Въ настоящее время Корякинъ находится въ Акатуйской каторжной тюрьмѣ.

1 марта явились въ нашъ вагонъ члены военно-полевого суда, подполковникъ Стридоновъ, прокуроръ Павловъ, секретарь Ермоловъ и защитникъ Норманскій и прочитали осужденнымъ полный приговоръ. Окончательная конфирмація приговора была назначена въ 9 вечера 2 марта.

2 марта, въ 12 часовъ дня, въ вагонъ вошелъ священникъ и обратился къ осужденнымъ, не пожелаютъ ли они принять его предсмертное напутствіе. Смертный ужасъ пробѣжалъ по вагону. Все мгновенно притихло и буквально замерло. Даже солдаты прекратили свой смѣхъ, ругань и разговоры. Стало ясно, что священникъ явился предвѣстникомъ скорой смерти.

Среди четырехъ осужденныхъ двое были православные — Григоровичъ и Столяровъ. Они стали спрашивать священника, на какомъ основаніи онъ, слугитель Бога любви и правды, пришелъ напутствовать ихъ, приговоренныхъ къ смерти, а не увѣщевать озвѣрѣвшаго Ренненкампа, царскаго опричника. Священникъ сталъ говорить, что онъ исполняетъ свою священническую обязанность и больше ничего, и что нужно покаяться и принять причастіе предъ смертью, дабы получить возможность попасть въ рай, гдѣ живутъ всѣ праведники.

— Если вы, — обратился къ нему Григоровичъ, — найдете въ вашемъ евангеліи то мѣсто, гдѣ Христосъ благословляетъ бы убійство, я исповѣдуюсь и пріобщусь.

— Такого мѣста нѣтъ въ евангеліи! — сказалъ священникъ.

— Если нѣтъ, то убирайтесь немедленно отсюда и именемъ Христа не творите убійствъ!

Священникъ покраснѣлъ и быстро вышелъ изъ вагона, не сказавъ больше ни слова.

Часа въ два снова явился въ вагонъ судъ и прочиталъ утвержденный Ренненкампомъ приговоръ: Григоровича, Цупмана, Столярова и Вайнштейна разстрѣлять (для повѣшенія не нашли палача), Кузнецова, двухъ Кларковъ и Кривоносенко сослать на каторгу.

— Палачи! убійцы! — закричалъ Цупманъ велѣдъ удалявшемуся суду. — Все равно Россія скоро освободится отъ такихъ негодяевъ, какъ вы!

— А пока такихъ негодяевъ, какъ ты, — пробормоталъ одинъ изъ офицеровъ, — станетъ меньше. И слава Богу!

Судъ ушелъ.

Начались послѣднія минуты невыносимо мучительнаго разставанія съ осужденными на смерть товарищами. Хотѣлось насмотрѣться на ихъ дорогія лица, запомнить ихъ походку, одежду, ихъ прощальныя слова, — особенно слова.

Цупманъ волновался и всѣмъ рассказывалъ о своей жизни, о томъ, что онъ, нѣмецъ, полюбилъ Россію и вотъ теперь за ея освобожденіе отдаетъ свою жизнь. Онъ перемѣнилъ бѣлую рубашку на красную.

— Умру, — сказалъ онъ, — въ красномъ.

Вайнштейнъ искалъ глазами въ окнахъ свою мать и, должно быть, для того, чтобы выиграть время и увѣдомить мать, онъ попросилъ къ себѣ въ вагонъ еврейскаго раввина. Офицеръ, котораго Вайнштейнъ объ этомъ просилъ, черезъ пять минутъ вернулся и сообщилъ, что раввина не нашель. Онъ, конечно, и не искалъ раввина.

Вайнштейна убили только потому, что его, плохо говорившаго по русски, смѣшали, по показанію одного полуидіота свидѣтеля, съ извѣстнымъ въ г. Читѣ соц.-дем. ораторомъ Леонидомъ, успѣвшимъ скрыться.

Столяровъ держалъ себя очень спокойно и говорилъ о своемъ революціонномъ настроеніи.

— 62 года я жилъ и работалъ, — говорилъ Столяровъ, — старикомъ приходится умирать на эшафотѣ и такъ неожиданно. Я все таки счастливъ, что умираю за дорогую Россію.

Григоровичъ почти ничѣмъ не обнаруживалъ своей внутренней тревоги. Довольно долго онъ уговаривалъ волновавшагося Цупсмана и спокойно ожидалъ своей участи. Видно было, что его ужасно мучилъ вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ революціоннаго движенія въ Россіи и объ отношеніяхъ къ нему солдатъ. Онъ, какъ бывшій офицеръ, являлся главнымъ руководителемъ военной организаціи въ Читѣ. Среди рабочихъ и особенно среди солдатъ онъ былъ очень популяренъ. На краю могилы Григоровичъ обратился къ солдатамъ, охранявшимъ нашъ вагонъ, со слѣдующей приблизительно рѣчью:

— Мы, солдаты, работали надъ общенароднымъ дѣломъ. Мы добивались лучшей жизни для нашей родины. За это вашъ генераль убиваетъ насъ. Вы можете разстрѣлять насъ, потому что не знаете насъ. Но вотъ на-дняхъ будутъ судить и несомнѣнно осудятъ на смерть солдатъ и казаковъ, тоже борющихся за народное дѣло. Эти солдаты и казаки — ваши люди, вамъ близкіе. Вотъ ихъ вы не имѣете права, не должны разстрѣливать. А теперь я пожелаю вамъ скораго освобожденія отъ различныхъ безчеловѣчныхъ военныхъ генераловъ и отъ солдатчины. Будьте просто свободными людьми!

И Григоровичъ крѣпко пожалъ всѣмъ солдатамъ руки.

Въ вагонъ никого не впускали — ни родныхъ, ни знакомыхъ. Не давали проститься въ послѣдній разъ предъ открытой уже могилой. Осужденные лишены были возможности получить послѣднее утѣшеніе и поддержку отъ дорогихъ, самыхъ близкихъ людей.

Лобное мѣсто было приготовлено въ виду всей Читы, на горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 15 лѣтъ тому назадъ оставался проѣздомъ черезъ Забайкалье Николай II. Изъ нашего вагона видно было это мѣсто. Тамъ стояли четыре столба и зіяли четыре темныя ямы.

Время шло. Былъ веселый, солнечный воскресный день. Морозило. Населеніе Читы волновалось, но не ожидало, что

казнь наступить такъ скоро и будетъ происходить на виду у всѣхъ. Дѣйствительно, все произошло неожиданно. Реннекампфъ не просто каралъ, но еще старался запугать населеніе. Публичныя казни, по его мнѣнію, дѣлали это.

2-го марта, около четырехъ часовъ дня, длинныя шеренги солдатъ въ походной формѣ оцѣпили нашъ вагонъ. Штыки ихъ винтовокъ зловѣщимъ блескомъ играли на солнцѣ; этотъ блескъ иногда попадалъ въ нашъ вагонъ, — отъ него становилось особенно жутко. За солдатскими рядами стояла толпа.

Была неопикуемая тяжелая минута. Казалось, жизнь встрѣчалась со смертью, жадно рвущейся поглотить свои жертвы.

Вошелъ въ вагонъ дежурный офицеръ, — посолъ самой смерти.

— Осужденныхъ, — сказалъ онъ, — прошу приготовиться и слѣдовать за мною. Черезъ нѣсколько минутъ нужно идти.

Въ вагонѣ отъ этихъ словъ стало еще тише, еще мучительнѣе. Раздались сдержанныя рыданія. Началось прощаніе, ужасное, больное. Рыданія душили всѣхъ. Рыданія усиливались. Нѣкоторые изъ оставшихся товарищей упали на скамейки и, какъ дѣти, истерически рыдали. Передъ нами были живыя мертвецы. Здоровые люди, мыслящіе, жаждущіе жить, скоро, черезъ 30—40 минутъ, будутъ изрѣшеты пулями окружавшихъ солдатъ.

Болѣе спокойными были сами осужденные на казнь.

Крѣпкія объятія... послѣднее земное прощаніе!...

Они бодро вышли. Мы инстинктивно кинулись за ними. Солдаты удержали насъ. Не успѣли еще осужденные спуститься со ступеней вагона, какъ толпа солдатъ быстро и жадно окружила ихъ. Болѣе 200 солдатъ пошли конвоировать нашихъ товарищей на мѣсто казни.

Приговоренные къ казни обернулись и крикнули: „Прощайте, товарищи!“ и нѣсколько разъ махнули платками и фуражками.

Многочисленная процессія спустилась къ рѣчкѣ, перешла по узкому мосту и длинной вереницей двинулась къ мѣсту казни. Словно были похороны! Шли убивать добрыхъ и беззащитныхъ людей.

Миновали деревню, взошли на гору, и солдаты въ два ряда цѣпью окружили мѣсто казни.

Осужденныхъ подвели къ столбамъ, у подножія которыхъ были выкопаны ямы.

Товарищи просили не привязывать ихъ къ столбамъ. Имъ и глазъ не завязывали. Они встрѣтили смерть открыто и смѣло.

— Братцы, — обратился къ солдатамъ Столярковъ, — стрѣляйте мнѣ, старику, прямо вотъ сюда, въ сердце, чтобы не мучиться!

— Товарищи-солдаты, — сказалъ Григоровичъ, — мы умираемъ за васъ и за народное дѣло!

Стрѣлки выстроились, навели ружья, и по знаку платкомъ офицера выстрѣлили разъ, другой, третій. Послѣ перваго же выстрѣла Цупсманъ, Столяровъ и Вайнштейнъ склонились и кровь струйками потекла изъ ихъ тѣлъ на снѣгъ. Григоровича, повидимому, не задѣла ни одна пуля. Онъ стоялъ бодро и прямо. Только послѣ второго залпа онъ упалъ.

Живые люди стали трупами. . . Солдаты штыками и ногами побросали трупы въ ямы. Оказалось, что Григоровичъ былъ еще съ признаками жизни. Офицеръ пристрѣлилъ его изъ револьвера, когда онъ уже лежалъ въ ямѣ.

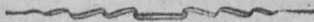
Полякъ, эстонецъ, еврей и русскій погибли за одно общее дѣло и легли рядомъ въ сырой землѣ.

При казни присутствовалъ врачъ.

Солдаты, по командѣ, вернулись обратно. Только небольшая кучка ихъ осталась на ночь караулить могилы. Столбы пошли на дрова. Всю ночь мы видѣли изъ вагона огонь на дорогихъ могилахъ.

Народъ долго стоялъ и безмолствовалъ. Часть его пришлось разгонять вооруженной силой.

Послѣ казни привели къ намъ въ вагонъ арестованнаго солдата. Онъ послѣ разстрѣла сдѣлалъ земной поклонъ казненнымъ. За это посадили его на гауптвахту на три мѣсяца. . . Арестовали также на мѣсяць одного старика, товарища Вайнштейна, за то, что онъ палачей называлъ убійцами.

Къ дѣлу С. М. Гинсбургъ.

(Изъ обзора важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ Жан-дармскихъ Управленіяхъ Имперіи въ теченіе 1889 года.)

I.

1889-й годъ снова выдвигаетъ заграничныхъ эмигрантовъ на путь наступательной революціонной дѣятельности и важнѣйшія дознанія, возникшія въ отчетномъ году, были главнымъ образомъ направлены къ изслѣдованію происковъ заграничныхъ революціонеровъ. Послѣдовавшія въ 1887 и 1888 годахъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія мѣропріятія повлекли за собою увольненіе изъ университетовъ большого числа молодыхъ людей, преимущественно евреевъ, которые направились для окончанія образованія въ Швейцарію и присутствіемъ своимъ въ Цюрихъ, Женевѣ, Бернѣ и др. городахъ, совершенно измѣнили направленіе революціонной дѣятельности эмигрантскихъ кружковъ. При посредствѣ вновь прибывшихъ завязывались сношенія съ Россіей, получались свѣдѣнія о господствующемъ будто бы общемъ неудовольствіи, о возбужденіи умовъ среди учащейся молодежи, — и въ результатъ настроеніе руководящихъ эмигрантскихъ кружковъ, подъ вліяніемъ преувеличенныхъ и тенденціозныхъ свѣдѣній, въ значительной степени утратило прежній угнетенный характеръ. Быть можетъ, тутъ не малую роль играло сознаніе необходимости сдѣлать что-нибудь, ради сохраненія авторитета передъ молодежью. Такъ или иначе, наплывъ русскихъ студентовъ въ Швейцарскія учебныя заведенія несомнѣнно послужилъ къ подъему духа среди эмигрантовъ и далъ толчекъ ихъ революціоннымъ стремленіямъ.

Еще осенью 1888 года были получены свѣдѣнія, что студентъ Политехнической школы въ Цюрихѣ, купеческій сынъ, еврей, Рафаиль Соловейчикъ долженъ въ ближайшемъ будущемъ прибыть изъ Швейцаріи въ Россію съ порученіями революціоннаго характера. Установленнымъ наблюденіемъ выяснено, что дѣйствительно Соловейчикъ, прибывъ въ ноябрѣ на родину въ Гродненскую губернію, отправился затѣмъ въ Кіевъ, Одессу и другія мѣстности, гдѣ, съ цѣлью присканія сотрудниковъ для революціонныхъ журналовъ и водворенія нелегальныхъ изданій, вступалъ въ сношенія съ личностями сомнительной благонадежности. Почти одновременно съ появленіемъ Соловейчика имѣлись указанія изъ достовѣрныхъ источниковъ, что кромѣ него въ Россію прибыла осенью изъ заграницы еще какая-то нелегальная личность, повидимому, весьма серьезная и обставленная вполне конспиративно, которая поддерживала сношенія съ извѣстнымъ эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ, и получала отъ него письма по адресу студента Харьковскаго Университета Семена Стояновскаго — „для передачи Р. О. Носкову“. По розыскамъ „Носкова“ ни въ Харь-

ковъ, ни въ другихъ мѣстностяхъ не оказывалось, и адресъ этотъ очевидно былъ условнымъ. Между тѣмъ, содержаніе одного изъ писемъ Лаврова къ „Носкову“, добытаго агентурнымъ путемъ, не оставляло сомнѣнія въ революціонныхъ стремленіяхъ прибывшей личности, послывшей, повидимому, названному эмигранту отчетъ о результатахъ своей поѣздки.

Содержаніе обнаруженнаго письма Лаврова было слѣдующее:

„Дорогіе товарищи и друзья! Въ моемъ отдаленіи отъ родины ничто не можетъ приносить мнѣ столько радости, какъ привѣтъ, приходящій изъ этой далекой родины, отъ той живой молодежи, на которую одну можно возлагать надежду для лучшаго будущаго Россіи. Благодарю васъ, дорогіе товарищи, за ту рѣшимость, которую вы высказываете, продолжать борьбу противъ врага нашего народа, борьбу за социальна-революціонные идеалы. Можетъ быть, впервые побѣда не такъ уже далека, какъ оно кажется. Но намъ слѣдуетъ подготовлять и дальнѣйшія побѣды. Если нашему поколѣнію стариковъ поздно надѣяться, что мы увидимъ торжество идеаловъ, за которые мы боролись, то позвольте намъ ожидать, что вы сьумѣете отстоять красное знамя социальнаго переворота, что вы развернете это знамя надъ Россіей и что въ день торжества вы вспомните добрымъ словомъ тѣхъ, которые не дожили до этого важнаго дня, но работали, какъ умѣли, для его приближенія. Посылаю вамъ и вашимъ товарищамъ по дѣлу въ разныхъ углахъ въ Россіи мои лучшія пожеланія“.

Съ другой стороны по адресу Лаврова въ Парижъ, въ началѣ февраля 1889 года послано было изъ С.-Петербурга письмо за подписью „Ваша племянница Нина“ слѣдующаго содержанія:

„Любезный дядя! Меня очень удивляетъ, что „Адельгейда“ не получила до сихъ поръ никакого отвѣта на ея послѣднее письмо. Можетъ быть, вы не получили ея послѣдняго письма, такъ какъ адресъ не совсѣмъ вѣренъ? А. Е.*) писалъ мнѣ, что онъ не долго останется въ квартирѣ, въ которой жилъ тогда, и поэтому я не могла ему писать, хотя я имѣю сообщить много важнаго ему и вамъ. Пожалуйста, сообщите мнѣ надлежащій адресъ, куда бы я могла писать вамъ безъ опасенія. Самая большая новость, которую я могу вамъ сообщить, — это то, что нашъ тогдашній другъ Т.*) теперь въ Петербургѣ. Спрашивается, чѣмъ заплатилъ онъ за это свободное гулянье по улицамъ Петербурга? Парижане наши только много болтаютъ, а помѣшать его отъѣзду изъ Франціи не могли. По этому поводу я вамъ еще кой-что скажу въ слѣдующемъ письмѣ. Я здорова и очень довольна, что прибыла въ Россію. Пожалуйста, спросите элегантную даму, годенъ ли еще адресъ, который она мнѣ дала, я хочу ей сообщить нѣчто интересное, но такъ какъ я не увѣрена, вѣренъ ли адресъ, то откладываю писать ей пока не получу отъ васъ отвѣта да или нѣтъ“.

... Наконецъ, результаты негласнаго наблюденія по г. С.-Петербургу, къ концу 1888 г., указывали, что независимо отъ существованія обычныхъ кружковъ учащейся молодежи, занятыхъ изученіемъ социальныхъ и экономическихъ вопросовъ, въ Петербургѣ въ теченіе 1888 г. возобновился, будто-бы, тайный кружокъ изъ офицеровъ, подъ названіемъ кружка „милитаристовъ“, основаніемъ преступной дѣятельности которыхъ являлось измѣненіе существующаго государственнаго строя

*) Александръ Евгеніевичъ Орловъ.

**) Бывшій эмигрантъ Левъ Тихомировъ.

путемъ захвата власти войскомъ. Изъ лицъ, имѣвшихъ сношенія съ этимъ кружкомъ, обращала на себя вниманіе бывшая слушательница С.-Петербургскихъ педагогическихъ курсовъ, Охтенская мѣщанка Вѣра Гурари, въ квартирѣ которой происходили еще въ 1884 году сходки кружка военной учащейся молодежи.*) Вѣра Гурари была знакома съ какимъ-то офицеромъ Кронштадтской Крѣпостной Артиллеріи, по имени „Петромъ Георгіевичемъ“ и съ офицеромъ по имени „Евгеній“. Гурари съ своей стороны познакомила „Петра Георгіевича“ съ сыномъ Надворнаго Совѣтника Карломъ Качоровскимъ**), который постоянно вертѣлся среди неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ. Принятыми мѣрами установлено, что „Петръ Георгіевичъ“ — поручикъ Крѣпостной Артиллеріи Душевскій, а „Иванъ Константиновичъ“ — поручикъ той же Артиллеріи Чижевскій, поступившіе въ 1888 году первый — въ Военно-Юридическую, а второй — въ Михайловскую Артиллерійскую Академію.

Сообразно вышеизложеннымъ даннымъ и направлены были съ конца 1888 года розыски по выясненію круга знакомства заподозрѣнныхъ лицъ, ихъ дѣятельности и сношеній. Въ началѣ 1889 г. имѣлись, кромѣ того, хотя и не въ опредѣленной формѣ, свѣдѣнія изъ за границы, что среди эмигрантовъ въ Швейцаріи предполагается устроить какое-то „дѣло“, и что, будто-бы, нѣсколько эмигрантовъ собираются тайно вернуться въ Россію въ теченіе 1889 года для усиленія рядовъ революціонныхъ дѣятелей.

Между тѣмъ, 14 февраля, въ г. С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, по 5-й линіи, въ д. № 36, въ магазинѣ письменныхъ принадлежностей, какая-то молодая женщина оставила при уходѣ свой кошелекъ, въ которомъ, между прочимъ, оказались двѣ шифрованные записки и листокъ бумаги, на которомъ былъ написанъ проектъ преступнаго воззванія, по поводу уже совершившагося покушенія на Священную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Воззваніе это слѣдующаго содержания:

„Устранивъ . . . . . ***) мы считаемъ нравственнымъ долгомъ объяснить русскому обществу значеніе совершившагося. Для тѣхъ, кто вмѣстѣ съ . . . . . ****) считали чудеснымъ спасеніе его при крушеніи повѣзда „17 Ок. 88 г.“, объяснять значеніе его смерти не нужно; воля Провидѣнія, сохранившая его тогда, теперь избрала насъ орудіемъ наказанія за массу причиненнаго имъ зла. Мы должны оправдать наше рѣшеніе передъ тѣми, которые не видятъ пользы въ насиліи и рекомендуютъ мирныя средства работы на пользу народа. Такихъ средствъ въ Россіи, по нашему убѣжденію, не существуетъ: печать скована, право сходовъ никогда не существовало, ходатайствовать о чемъ-нибудь фактически не мыслимо, суды подавлены и уже давно въ нихъ не раздавалось свободное слово, жалкіе остатки земскаго и городского самоуправленія затоптаны. Правительство, ссылающее по усмотрѣнію администраціи въ Сибирь за малѣйшую попытку помѣшать вопіющимъ злоупотребленіямъ, парализуетъ страхомъ всякое проявленіе общественнаго мнѣнія; и все это какъ разъ въ то время, когда уже и безъ того истощенную страну новыми

*) Дознаніе по дѣлу военно-революціонныхъ кружковъ 1884—85—86 гг. см. Обз. XII, стр. 56, 112, 165.

***) Состоитъ подъ наблюденіемъ.

****) Т. е. Александра III.

*****) Александромъ III.

налогами доводятъ до окончательнаго раззоренія; когда расходы на армію и администрацію изъ года въ годъ возрастаютъ и поглощаютъ непроизводительнo всѣ заработки народа; когда раззорительные займы, подрывая въ корнѣ самую возможность улучшенія, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, благосостоянія народа, тратятся на постройку новыхъ дворцовъ, роскошныхъ яхтъ, на блестящіе балы и т. п. затѣи, тогда какъ народъ безпомощно вымираетъ отъ нищеты и болѣзней, а пьянство, на которомъ зиждется государственный бюджетъ, окончательно подрываетъ здоровье народа въ настоящемъ и будущемъ поколѣніяхъ. Къ довершенію всего правительство задумало уничтожить самую тѣнь самоуправленія и подготавливаетъ возстановленіе крѣпостнаго права съ помѣщичьей властью и розгами. Таково безотрадное настоящее! Что же сулило будущее?

Общество по-немногу свыкло съ реакціей, какъ свыкаются люди съ удушливимъ смрадомъ. Движеніе правительства назадъ ко временамъ Аракчеева становилось все быстрѣе и замѣтнѣе. Самые мягкіе вначалѣ императоры становились къ концу жизни безчеловѣчными тиранами. Чего же можно ожидать отъ того, который, начавъ висѣлицами, все время держалъ Россію въ осадномъ положеніи, практикуя въ мирное время смертную казнь и ссылая тысячами въ административную ссылку. Людей, сочувствующихъ народу, хоронили заживо въ казематы Шлиссельбургской крѣпости, не заботясь даже о соблюденіи хотя бы вѣшной формы раболѣпнаго суда сенаторовъ. Какъ выйти изъ такого положенія? Гдѣ искать опоры противъ столь ужасной дикой силы, организованной, опирающейся на миллионы штыковъ и располагающей почти столь же многочисленной арміей чиновниковъ и слугъ съ 888-ми милл. дохода?

„Средство одно: неуклонно устранять царя, воплощающаго въ себѣ всю систему деспотизма. И такъ: отказъ отъ неограниченной власти или смерть! Мы твердо рѣшили избрать это тяжелое, но единственное въ Россіи, средство борьбы съ врагами народа. Мы будемъ систематически уничтожать всякаго представителя царской власти, до тѣхъ поръ пока не явится возможность работать для народа законными путями: свободнымъ словомъ въ печати и свободною рѣчью во всероссійскомъ Земскомъ Собраніи. Мы положимъ оружіе только тогда, когда правительство, искренне и навсегда, отказавшись отъ угнетенія народа, созоветъ свободно избранныхъ всей русской землей людей земскихъ и ввѣритъ имъ судьбу государства. Тогда только представители царской власти будутъ въ безопасности.

„Насъ обвиняютъ въ разрушительныхъ намѣреніяхъ. Торжественно заявляемъ, что никогда не тронемъ ничьихъ законно пріобрѣтенныхъ правъ. Мы боремся исключительно противъ неограниченной царской власти и призываемъ помочь намъ все русское общество. Наша конечная цѣль — поднять благосостояніе народа во всѣхъ общественныхъ классахъ. Для этого необходимо: облегченіе его нуждъ, образованіе и мѣры, направленные къ увеличенію производительности страны. Наши стремленія просты и легко достижимы:

„а) ограниченіе самодержавія всероссійскимъ Земскимъ Соборомъ, законодательнымъ, выбирающимъ отвѣтственныхъ предъ нимъ министровъ, и контролирующимъ всѣ отрасли государственнаго управленія и народной жизни;

„б) широкое мѣстное городское и земское самоуправленіе;

„в) независимый судъ.

„Въ отношеніи мѣръ, неотложно необходимыхъ, мы считаемъ на первомъ планѣ самое широкое распространеніе, безъ различія вѣроисповѣданія и пола, народнаго образованія, во-первыхъ, низшаго земледѣльческаго и техническаго, во-вторыхъ, средняго съ уничтоженіемъ классицизма и, въ-третьихъ, высшаго общаго и спеціальнаго. Затѣмъ нужно отмѣнить налоги, тяжело падающіе на бѣдные классы общества. Сокращеніе численнаго состава арміи и срока обязательной службы для солдатъ. Уничтоженіе паспортовъ. Бесплатное надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ казенными землями и лѣсомъ. (Фаб.) Средства къ проведенію реформъ мы находимъ въ сокращеніи массы ненужныхъ расходовъ на армію и флотъ, строгой экономіи въ расходахъ и въ продажѣ безчисленныхъ сокровищъ, никому не нужныхъ дворцовъ, награбленныхъ у народа.“

Принятыми къ розыску этой женщины мѣрами первоначально подозрѣніе пало на проживавшую въ меблированныхъ комнатахъ дома № 40, по 5 линіи Васильевского острова, слушательницу высшихъ женскихъ курсовъ, С.-Петербургскую мѣщанку Евгенію Григорьеву, которая и ранѣе возбуждала сомнѣніе въ своей политической благонадежности сношеніями съ студентомъ Лѣснаго Института Чешскими мѣрами, принадлежавшимъ къ тайнымъ кружкамъ учащейся молодежи. Но затѣмъ оказалось, что какая-то женщина, проживавшая въ одной квартирѣ съ Григорьевой по Швейцарскому національному паспорту на имя уроженки Базельскаго кантона Вильгельмины Браунъ, 18-го того же февраля, выйдя изъ своей квартиры, домоѣ болѣе не возвращалась. Разслѣдованіемъ о личности Браунъ было выяснено, что она проживала по національному документу, выданному полиціей округа Листаль, кантона Базель, уроженкѣ села Бубендорфъ, Вильгельминѣ Робертовой Браунъ, 11-го октября (н. с.) 1888 года за № 876, визированному въ Россійской Миссіи въ Бернѣ 13-го того же октября за № 565. Личность эта 22-го октября 1888 года прибыла въ Харьковъ, — остановилась въ гостинницѣ „Вѣна“, 27-го октября перешла въ д. № 6 по Капарской улицѣ, около 15-го ноября выѣхала изъ Харькова, 20-го ноября была въ Москвѣ, гдѣ остановилась въ гостинницѣ „Европа“, а 25-го ноября пріѣхала въ Петербургъ и поселилась первоначально въ д. № 35 по 2-й линіи Васильевского острова, а съ 31-го декабря 1888 года перешла въ д. № 40 по 5-й линіи. Хозяева квартирѣ въ Петербургѣ, гдѣ проживала Браунъ, удостовѣрили, что ее посѣщала студентъ С.-Петербургскаго Университета Михаилъ Стояновскій и какіе-то два офицера, при чемъ даже послѣ исчезновенія Браунъ, Стояновскій приходилъ въ ея комнату и бралъ какую-то книгу. Собранныя справки указывали, что Михаилъ Стояновскій — родной братъ Семена Стояновскаго, на имя котораго получены изъ заграницы подозрительнаго содержанія письма для передачи какому-то лицу, скрывавшемуся подъ именемъ Носкова.

22 февраля (6 марта) 1889 года, въ Швейцаріи, въ гор. Цюрихѣ, произошелъ взрывъ бомбы, которымъ убитъ эмигрантъ Исаакъ Дембо *) и тяжело раненъ эмигрантъ Александръ Дембскій. Обстоятельство это въ виду вышеуказанной прокламаціи вызывало предположеніе о суще-

*) Розыскиваемый по дѣлу преступнаго замысла 1-го марта 1887 году. Оба. XII, стр. 9, 19, 52, 107 и Оба. XIII, стр. 44, 47.

**) Оба. VIII, стр. 45, 97. Оба. IX, стр. 51, Оба. X, стр. 65, Оба. XIII, стр. 44, 51.

ствованіи связи между прокламаціей и эмигрантами, вѣдствие чего у Григорьевой и Михаила Стояновскаго были произведены обыски, при чемъ у нихъ ничего прѣступнаго не оказалось.

... Предпріятыя розыски выяснили, что Гинсбургъ, она же Браунъ, отправилась по Лозово-Севастопольской дорогѣ въ Севастополь, откуда въ началѣ мая мѣсяца писала въ с. Акимовку бывшему жениху, учителю Никифору Сидорову о высылкѣ ей какой-то книги въ Севастополь, по адресу оберъ-фейерверкера Севастопольской Крѣпостной Артиллеріи Алексѣя Орочко, который въ теченіе мая мѣсяца часто видѣлся съ какой-то „Маріей Николаевной“, при чемъ 15-го мая онъ, отецъ его Венедиктъ Орочко, мѣщанка Анна Шестопаля, содержатель аптекарскаго магазина Прейзнеръ съ женой и товарищъ Орочко Полторакинъ, катались по Севастопольскому рейду и гуляли въ Инкерманѣ. Въ личности „Маріи Николаевны“ Полторакинъ призналъ по карточкѣ Софью Гинсбургъ, а Прейзнеръ удостовѣрилъ, что зналъ ее подъ фамиліей Логвиненко, и что она работала въ мастерской модистки Агафоновой. Послѣдняя указала адресъ „Маріи Николаевны“ въ домъ доктора Меркушева у нѣкоей Киселевой, гдѣ, какъ оказалось, Гинсбургъ поселилась съ 31-го марта подъ именемъ и по документу Маріи Марковой Ямпольской. — 26-го мая Гинсбургъ заявила Киселевой, что, по случаю болѣзни родныхъ, она намѣрена выѣхать въ Екатеринославскую губернію, а 28-го мая какой-то неизвѣстный господинъ (оказавшійся впоследствии скрывшимся нынѣ за границу мѣщаниномъ Алексѣемъ Тепловымъ*) привелъ извозчика, на которомъ „Марія Николаевна“, взявъ свои вещи, отправилась на Графскую пристань и переѣхала на яликъ, вмѣстѣ съ Тепловымъ, на Инженерную пристань, а оттуда въ Панаіотову балку, гдѣ наняли телѣгу на Бельбекъ. На половинѣ дороги они свернули на станцію Мекензевы горы, откуда „Марія Николаевна“, переодѣвшись, уѣхала по желѣзной дорогѣ въ Бахчисарай, а Тепловъ вернулся обратно въ Севастополь. 31-го мая Гинсбургъ была задержана въ Бахчисарай, въ монастырской гостинницѣ подъ именемъ Вѣры Петровны Руцкой.

... Во время трехмѣсячныхъ почти розысковъ Софьи Гинсбургъ, по ея дѣлу арестованы: въ С.-Петербургѣ: слушательница высшихъ женскихъ курсовъ мѣщанка Евгенія Григорьева, студентъ С.-Петербургскаго Университета мѣщанинъ Михаилъ Стояновскій, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ дочь Статскаго Совѣтника Татьяна Слѣпцова, поручики Кронштадтской Крѣпостной Артиллеріи Иванъ Чижевскій и Петръ Душевскій, и сестра послѣдняго домашняя учительница Викторія Душевская; — въ Харьковѣ: студентъ Университета мѣщанинъ Семень Стояновскій, сестра Софьи Гинсбургъ слушательница акушерскихъ курсовъ Елизавета Гинсбургъ, бывший студентъ, купеческій сынъ Левъ Фрейфельдъ, студентъ мѣщанинъ Исаакъ Шапиро, купеческій сынъ Яковъ Фрейфельдъ; — въ Таврической губерніи: народный учитель Никифоръ Сидоровъ, оберъ-фейерверкеръ Севастопольской Крѣпостной Артиллеріи Алексѣй Орочко, мѣщанка Анна Шестопаля, и на станціи Лозовой — домашняя учительница Марія Ямпольская, по виду которой Гинсбургъ

*) Тепловъ приговоромъ Особаго Прис. Прав. Сената въ апрѣль 1878 года осужденъ къ ссылке на поселеніе по обвиненію въ подстрекательствѣ рабочихъ къ бунту. Въ декабрѣ 1882 г. Теплову разрѣшено возвратиться въ предѣлы Имперіи, гдѣ за нимъ и учрежденъ надзоръ.

жила въ Севастополѣ. Независимо отъ сего задержанъ въ г. Ялтѣ студентъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Сергѣй Чаевъ, служившій посредникомъ въ перепискѣ Татьяны Слѣпцовой.

... Непосредственной причиной обысковъ и арестовъ въ С.-Петербургѣ и другихъ мѣстахъ послужилъ происшедшій 22-го февраля (6-го марта) 1889 года въ Швейцаріи, на одной изъ горъ близъ Цюриха, въ мѣстности называемой Петерстобель, взрывъ бомбы, которымъ убитъ бѣжавшій въ 1887 году за границу, подлежавшій привлеченію къ дѣлу преступнаго замысла 1-го марта 1887 года, понеувѣжскій мѣщанинъ Исаакъ Вульфъ Дембо*), проживавшій въ Цюрихѣ подъ именемъ Бринштейна, и тяжело раненъ также скрывшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границу по политическимъ причинамъ, дворянинъ Варшавской губерніи Александръ Дембскій**), проживавшій въ Цюрихѣ подъ именемъ Ясинскаго.

Вечеромъ 22 февраля (6 марта) трое русскихъ студентовъ медиковъ Цюрихскаго Университета, Левъ Уманскій, Александръ Поповъ и Моисей Кониловъ доставили въ Кантональный госпиталь сильно раненаго Дембскаго, а черезъ нѣсколько часовъ туда же были принесены и отысканный на горѣ, съ оторванными ногами Дембо, умершій на слѣдующій день отъ полученныхъ ранъ.

Первоначально лица эти не давали никакихъ объясненій, но за нѣсколько часовъ до смерти, Дембо, сохранившій полное сознаніе, уступая настояніямъ слѣдователя очистить свою совѣсть, сознался, что онъ — „нигилистъ“, и „опыты съ разрывными бомбами“ были предприняты съ „цѣлью подготовленія задуманнаго дѣянія“. Черезъ нѣсколько дней удалось получить нѣкоторыя указанія и отъ Дембскаго, сущность заявленія котораго сводится къ слѣдующему.

За нѣсколько дней до несчастнаго случая, Дембо, съ которымъ Дембскій уже знакомъ давно, сообщилъ ему, что изобрѣлъ взрывчатое вещество, имѣющее „ужасающее дѣйствіе“, и пригласилъ его присутствовать при опытахъ съ этимъ взрывчатымъ веществомъ, такъ какъ онъ, Дембо, по близорукости, не могъ судить о послѣдствіяхъ взрыва, а Дембскій обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ. Заинтересовавшись этимъ вопросомъ „съ научной точки зрѣнія“, Дембскій принялъ приглашеніе и въ условленное время, послѣ полудня 6-го марта (нов. ст.), они отправились въ избранную заранѣе Дембо мѣстность. Дойдя до вершины горы, Дембо вынулъ изъ кармана три шара различной величины и жестяную коробку, наполненную снѣгомъ, въ которомъ находилась бутылочка съ жидкостью коричневаго цвѣта. Шары были тутъ же наполнены этой жидкостью, завинчены, и затѣмъ начались опыты, состоявшіе въ бросаніи этихъ шаровъ на скалу, находившуюся по ту сторону горнаго ручья. По словамъ Дембо, взрывъ долженъ былъ послѣдовать отъ удара. Чтобы лучше наблюдать дѣйствіе варыва на свѣжѣмъ снѣгу, шары были завернуты въ темную бумагу и крѣпко обвязаны бичевками. Опыты метанія снарядовъ продолжались отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, при чемъ взрыва не послѣдовало. Утомленный, наконецъ, вслѣдствіе напряженія силъ отъ бросанія снарядовъ и доставанія ихъ обратно на крутомъ и мало доступномъ обрывѣ ручья, Дембскій просилъ отложить дальнѣйшіе опыты и, такъ какъ наполненные жидкостью шары могли взорваться отъ теплоты, то они, при по-

*) О Дембо см. Обз. XII, стр. 9, 19, 52, 106, Обз. XIII, стр. 44, 47.

**) См. Обз. VIII, стр. 45, 97, Обз. IX, стр. 61, Обз. X, стр. 65, Обз. XIII, стр. 44, 51.

мощи отвертокъ, приступили къ опорожненію шаровъ, что и удалось сдѣлать только съ шаромъ наименьшаго діаметра. Шляпки винтовъ двухъ остальныхъ были сильно помяты отъ ударовъ, и всѣ усилія вывернуть ихъ оказались тщетными, вслѣдствіе чего, по словамъ Дембскаго, они уже рѣшили оставить шары на мѣстѣ, и случайно, почти одновременно, уронили ихъ передъ собой въ снѣгъ. За паденіемъ послѣдовалъ страшный взрывъ, сопровождаемый огнемъ, въ видѣ молніи, нанесшій обоимъ имъ тяжкія пораненія. Очнувшись первымъ, Дембскій увидѣлъ, что Дембо оторвало ноги, и отправился, съ большимъ трудомъ, за помощью въ городъ, гдѣ, встрѣтивъ русскихъ студентовъ, рассказалъ о случившемся.

При осмотрѣ на слѣдующій день мѣста происшествія, найдены куски вышеупомянутой темной бумаги, а также жестянка съ бутылочкой, въ которой находилось взрывчатое вещество. Жестянка эта была принесена въ госпиталь и когда ее показали Дембскому, онъ заявилъ, что въ ней находится именно та жидкость, которою наполняли бомбы, и просилъ скорѣе поставить ее въ холодную воду и въ темное мѣсто, такъ какъ въ противномъ случаѣ можетъ послѣдовать взрывъ. Хотя бутылка была сейчасъ же поставлена въ воду, но тѣмъ не менѣе чрезъ нѣсколько минутъ пробку сильно выбросило къ потолку и одинъ изъ служителей, опасаясь большого взрыва, выбросилъ бутылочку на дворъ. Обстоятельство это лишило экспертовъ возможности точно опредѣлить составъ взрывчатого вещества (о которомъ Дембо не пожелалъ дать никакихъ указаній), хотя по нѣсколькимъ каплямъ жидкости, сохранившейся въ бутылочкѣ, экспертъ пришелъ къ заключенію, что жидкость составляла нитроглицеринъ, доведенный чрезъ неполное окисленіе до бинитроглицерина.

Приводимъ заключительныя строки обзора русскаго революціоннаго движенія за 1889 г.

„Вышеизложенныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ проявленіяхъ соціально-революціоннаго движенія въ Швейцаріи свидѣтельствуютъ, что преступныя замыслы съ неизмѣнной настойчивостью продолжаютъ свое пагубное вліяніе: переходя какъ бы изъ поколѣнія къ поколѣнію, они поддерживаютъ броженіе въ умахъ учащейся молодежи, и если 1889-й годъ не далъ ни одного крупнаго политическаго преступленія, то такой результатъ надлежитъ всецѣло приписать бдительности полиціи и жандармскихъ управленій. Настоящее положеніе вещей представляется серьезнымъ въ томъ отношеніи, что заграничные эмигранты, повидимому, рѣшились выступить рѣшительно впередъ и, если у нихъ достанетъ энергіи и средствъ, то, безъ сомнѣнія, они могутъ создать чрезвычайныя осложненія въ трудномъ дѣлѣ политическаго наблюденія. Поэтому все вниманіе жандармскихъ управленій и полиціи должно быть направлено на розыски бѣжавшихъ и скрывающихся отъ преслѣдованія лицъ. Задержаніе хотя бы одного бѣжавшаго, по своимъ послѣдствіямъ, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, приостановить ростъ движенія на продолжительное время и, такимъ образомъ, прервать наслѣдственность революціонныхъ традицій, что представляется дѣломъ первостепенной важности.“

Царскій Листокъ.

Еще въ 1900 году въ № 1 „Былого“ мы обращались къ своимъ корреспондентамъ съ просьбой познакомить насъ съ такъ называемымъ Царскимъ Листкомъ, но только въ настоящее время любопытство наше удовлетворено. Мы не можемъ не подѣлиться съ читателями полученными свѣдѣніями.

Царскій Листокъ — любопытное періодическое изданіе. Онъ, если не ошибаемся, выходитъ въ одномъ экземпляръ, — озаглавленъ такъ: „Сводъ заслуживающихъ вниманія свѣдѣній по Департ. Полиціи“. Листокъ не печатается, а издается рукописно, какъ это видно изъ прилагаемого fac-simile. Его составители и редактора — члены комитета иностранной цензуры, работающіе по указаніямъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ Мин. Вн. Дѣлъ. Въ годъ выходитъ 10—15 тетрадей, — каждый томъ заключаетъ 500—600 стр. На каждой тетради имѣются: 1) помѣтки Николая II (напр., на прилагаемомъ fac-simile черта и двѣ точки); 2) справки Искуля или (что чаще) Горемыкина о томъ, когда и гдѣ журналъ разсмотрѣнъ царемъ; 3) замѣтки ген.-адъютанта Гессе, самаго близкаго къ царю человека, всегда внимательно читавшаго эти доклады Деп. Полиціи, какъ это можно видѣть по его помѣткамъ на поляхъ.

Ниже мы даемъ подробный перечень тѣхъ темъ, о которыхъ говорилось въ докладахъ царю. Читатели легко сами увидятъ, о чемъ докладываютъ царю и чѣмъ, слѣдовательно, онъ интересуется. На первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, борьба съ революціей. Царя очень занимаетъ, что дѣлаютъ эмигранты въ Лондонѣ или Парижѣ, что печатается въ тайныхъ типографіяхъ, кто и какъ предательствуетъ, какія письма перехвачены, что вообще слышно по части искорененія крамолы. Въ видѣ приложений въ Листкѣ имѣется много очень любопытныхъ гектографированныхъ и печатныхъ прокламацій, копій съ перехваченныхъ писемъ и отобранныхъ при обыскахъ рукописей, билетовъ лотерей, устроенныхъ съ революціонными цѣлями и т. д.

Повидимому, Николай II и его правая рука Гессе еще очень довольны тѣмъ, какъ составляются доклады Министромъ В. Д., и въ продолженіе многихъ лѣтъ характеръ Царскаго Листка не измѣняется: его составители, очевидно, попадаютъ въ точку и удовлетворяютъ спросу. На царя они, очевидно, смотрятъ какъ на главнаго перлюстратора чужихъ писемъ, — это видно изъ того, что „Своды“ переполнены перехваченными письмами, которыя съ почты тотчасъ послѣ перлюстрации, попадаютъ къ Николаю II, какъ это видно по датамъ, между прочимъ, и перехваченнаго письма Л. Толстого, которое мы печатаемъ ниже

Предполагается, что Николай II очень интересуется результатами обысков, арестами, доносами предателей, — и вот въ одномъ докладѣ сообщается, что попали на слѣдъ тайной типографіи, въ слѣдующемъ, что типографія, судя по сообщеніямъ тайныхъ агентовъ, находится гдѣ-нибудь около Бобруйска, наконецъ, сообщается радостная вѣсть государственной важности, которую глава многомилліоннаго государства долженъ знать и не можетъ не знать, что эта преступная типографія найдена и притомъ найдена именно въ Бобруйскѣ!...

Собственно По Императорскому Высочайшему
Указу отъ 15 Сентября 1891 г.

Управляющій Министерства Внутренних
Дѣлъ Милославскій Баронъ Шенкелевъ

Долгую поставленную себѣ
вспомогательную задачу
выполни при семъ Вашему
Императорскому Ве
личеству сводъ засылъ
составляющій въ настоящее
содержаніе по Департаменту
Почтъ и Телеграфовъ за время съ
22 Сентября до 11-го
Сентября

Управляющій Министерства Внутренних Дѣлъ
Милославскій Баронъ Шенкелевъ.

Шенкелъ

12. Сентября 1891

№ 608

11/5
2007

Таково содержаніе Сводовъ „заслужившихъ вниманія“ Николая II свѣдѣній о политической жизни Россіи!.. Это характеризуетъ не только составителей сводовъ и царя, но и весь современный политическій строй въ Россіи. Читая эти своды невольно думаешь, до какого паденія дошла въ Россіи самодержавная власть!... Что полиція обыкновенно пользуется перехваченными письмами — это извѣстно и всѣмъ тѣмъ, кто отрицаетъ съ думской кафедры существованіе въ Россіи черныхъ кабинетовъ, но чтобы перехваченныя письма чуть не по телеграфу докладывались царю — это едва ли кому могло прийти въ голову. Герценъ рассказывалъ въ „Колоколѣ“, что однажды Александру II принесли изъ тогдашняго III Отдѣленія списокъ лицъ, посѣщавшихъ лондонскаго эмигранта, — Александръ II бросилъ въ печь этотъ списокъ, не читая его, считая для себя позоромъ читать донесенія. А теперь какой прогрессъ!... Царскій Листокъ почти сплошь состоитъ изъ доносовъ, изъ перехваченныхъ писемъ, изъ шпионскихъ донесеній, изъ показаній предателей... и подъ всѣмъ этимъ: „Прочелъ съ удовольствіемъ!“...

Впрочемъ, на страницахъ „Былого“ мы не имѣемъ въ виду читать кому бы то ни было мораль. Мы только отмѣчаемъ то, что было. Такова задача нашего органа.

Ниже даемъ содержаніе Царскаго Листка за 1898 г., а потомъ одну изъ его главъ о Л. Толстомъ.

„Сводъ“ 17 XII. 97 — 6 II 98. (3-36)

Объ арестахъ въ С.-Петербур. (о „Красномъ Крестѣ“, 3-7; о рабочихъ въ связи съ „Рабочей Мыслью“, 7-14), Варшавѣ (крест. Гоксецкаго, „являющагося однимъ изъ выдающихся подстрекателей рабочихъ“, 25-27), Ченстоховѣ (инж. Змигродскаго и др. 27-29). — О появленіи воззваній и газетъ въ Николаевѣ („Къ товарищамъ рабочимъ“, 29-30); въ Кіевѣ („Раб. Газета“ и брошюры с.р., 27), — Вильнѣ („Голосъ Рабочихъ“, 19-21), Москвѣ („программа московскаго союза борьбы за освобожденіе раб. класса“, 14-15), Ригѣ (на нѣм. и рус. яз. и откровенное показаніе студ. I. Долгихъ, 22-25), въ Харьковѣ (по поводу изд. студентами брошюръ революціоннаго содержанія: „Каутскій. — „Эконом. ученіе К. Маркса“, „К. Цеткина — Перемѣна въ экономич. полож. женщины“, 21-22). — О безпорядкахъ въ Москвѣ и Вышнемъ Волочкѣ (рабочихъ, 30), Эривани (Духов. семинар. 31-32) и въ разн. мѣстностяхъ Россіи (крестьянъ 32-36). Объ установленіи связей между лондонскими и русскими рабочими, 15-19. — О Б. Оржихѣ (31).

„Сводъ“ 6 II — 19 III 98 г. (39-80).

О безпорядкахъ въ Либавѣ (столкновеніе между латыш. и рус. раб. 66-68), въ Кіевѣ (рабочихъ и воззванійхъ с.р. 60-62), по поводу нормировки раб. дня, 62-66). — О воззваніяхъ въ Екатеринославѣ (53-55, къ рабочимъ); „Колпинскимъ рабочимъ“ (55-56; приложение: прокл. „Къ колпинскимъ рабочимъ“), въ Вильнѣ (Литов. с.-д; 56); въ Харьковѣ („Ко всѣмъ хар. раб.“ 56-57). — Объ арестахъ въ Москвѣ (дѣло „Юж.-

Рус. Раб. Союза, 39-45; рязанскаго землячества, 45-47); въ Петербургѣ (въ связи съ воззваніями къ рабочимъ. Откровенное показаніе студ. Леонова. 49-53. Приложение: „Рукопись, отобранная у Леонова“); въ Вильнѣ (сходка мастеровыхъ 57-58); Батумѣ (58-59), Пензѣ (нелегал. библиот. 68-70), въ Варшавѣ (нелег. польск. литер. 70-72), Ковенской губ. (съ жмудско-литовскими воззваніями 72-73), на границѣ (литов. нелег. литер. религіозн. содерж. 73-75). — Дополненіе объ Змигородскомъ (Р. Р. С.—59-60). — О В. Панкратовѣ (77-78). — О денежномъ отчетѣ „Краснаго Креста“ (75-76) и арестѣ въ СПБ. рукописн. матеріаловъ для предполагаемыхъ изданій „Краснаго Креста“ (393 фотогр. карточки, планъ Шлиссельб. тюрьмы, біографіи арестованныхъ и ссыльныхъ и пр. 79-80). — О купонахъ для сбора денегъ въ Сѣв. Америкѣ въ пользу русск. полит. ссыльныхъ (76-77. Прилож.: экземпляръ купона). — Самоубійство Сыцяно (47-48) и др.

„Сводъ“ 19 III—20 IV (85-111).

О взрывѣ въ учит. сем. Симбирск. губ. (107-108). — О движеніяхъ рабочихъ въ Лифлянд. губ. (97-98), Колинѣ (98-100), Александр. мех. зав. (100-101). — Объ арестахъ въ Ковнѣ (101), членовъ Южно-Р. Раб. Союза“ (и матеріаловъ для 3 № „Раб. Газеты“ 86-90. Прилож.: манифестъ объ объедин. с.-д. организацій), Пензѣ (дополненіе. 92-95). Дополненіе о С. Змигородскомъ (96-97). Объ обыскѣ въ Саратовѣ у Валер. Балмашева и др. въ связи съ образованіемъ кружка „Новыхъ Народовольцевъ“ (90-92). О воззваніяхъ въ Вилен. губ. (102), Вильнѣ (первом. 104-105), Ригѣ (105-107. Прилож.: Три экзмп. воззваній на рус.. нѣм. и латыш. яз.). — Объ организаціи рабочихъ на Брянскомъ зав. въ Орлов. губ. (102-104). — О самоубійствѣ С. Костромина (85-86. Прилож.: воззваніе студентовъ по поводу самоубійства). — Объ избіеніи полицейскими чинами врача въ Ковен. губ. (108-109). — О представленіи въ Выборгѣ пьесы — гдѣ выставляется обрядъ католической службы (109-111).

„Сводъ“ 20 IV — 15 V. (115-174)

О покушеніи на директора зав. Рейнера въ Нижег. губ. (138-141), на мастера (Уфим. губ. (137); избитіи управляющаго зав. (Екатерин. губ. 141-142). — О безпорядкахъ на фабр. и заводахъ (142-144), въ Вилен. губ. (170-172), Подольской. губ. (168-170). — Объ арестахъ въ Елисаветградѣ (и др. мѣстн. „Юж. р. р. Союза“. 124—126); Варшавѣ (рабочихъ П. П. С., 126—127; массовки, 127—129), въ Петроковской г. (133—135), на границѣ (контрабандиста съ изд. армянскихъ „Дрошакистовъ“. 166—167). — Объ нелегальныхъ изданіяхъ въ Женеvѣ („Матеріалы объ русской печати“. О намѣреніи соц.-д.-овъ лишить жизни нач. СПБ. охранки полк. Пирамидова, 122—124). По поводу 1-го мая (кіевск. студент., польск., кіевск. и петерб. рабочихъ. 129—130, 130—133. Приложение: 1. Воззваніе К. Союзн. Студенч. Совѣта, 2. то же, съ описаніемъ праздника, 3. Приглашеніе Польск. Раб. Комитета на массовку, 4. „Кіевск. Союза Б. за Осв. Раб. Кл.“, 5. „Петербургъ“, того же союза). Прокл. въ СПБ. (по поводу панихиды о С. Костроминѣ, 136—137. Приложение: „Къ студентамъ“. Объ Кассѣ „Союза Борьбы за Осв. Раб. Кл.“ въ СПБ. (135—136). О толстовской англійской колоніи и перехваченномъ письмѣ Л. Толстого [115—122. Приложение Л. Толстой: О помощи духоборамъ). Чистосердечное показаніе студ.

Ал. Леонова о своихъ „юношескихъ“ увлеченіяхъ (149—163). О бумагахъ, взятыхъ у студ. Шуляковского въ Кіевѣ (163—165). Дополнительныя свѣд. о пропагандѣ въ Пензѣ (145—149), — и пр.

„Сводъ“ 15 V—9 VI (175—243).

О динамитномъ взрывѣ въ Петроков. губ. (177). — Объ убійствѣ пристава (Владикавказъ, 181—182), околот. надзир. (Баку, 177—180), покушеніе на младш. объѣздчика (Сувалк. губ. 180—181), покушеніе на учителя (183, Эрив. губ.). — О безпорядкахъ рабочихъ въ Або (демонстрація, 182—183), Нижегородской губерніи (184—185 и 187—191), Гродненской губерніи (185—187), Екатеринославской губерніи (191—193), Варшавѣ (коробочная мастерская 194—195), Выборгѣ (собранія рабочихъ, 197—199), забастовки въ разныхъ мѣстностяхъ (199—204), крестьянъ въ Подольской губерніи (173—177), Витебской (землекопы, 193—194). — О сопротивленіи при обыскѣ (Ковна, 184). — Объ арестахъ въ СПБ. (рабочихъ, 207—210), Варшавѣ (196—197, съ проклам. къ рабочимъ отъ с.д.). — Объ нелегальныхъ изданіяхъ въ Екатеринославѣ (206—207. Приложение: „Ко всѣмъ Екатер. рабочимъ“), Калугѣ (210—211. Прил.: „Рабочимъ вагоннаго цеха калужскихъ мастерскихъ“), брошюркѣ на литовск. языкѣ: „Литовцы подъ игомъ москалей“ (204—206), обзорніе литовск. нелег. „интеллигентныхъ“ изданій за границей (226—232), о „Рабочемъ Курьерѣ“ (П. П. С., 232—233), объ изданіи „Манифеста“ Р. С. Д. Р. П.“ (233—235. Приложение: 1. Манифестъ, 2. Листокъ для сбора пожертвованій). — Дознаніе по дѣлу о с.д. пропагандѣ среди латышскаго изселенія въ Ригѣ (219—226), о кружкахъ рабочихъ „Ю. р. р. с.“ въ Николаевѣ (дополненіе, 214—218). — О негласномъ наблюденіи за раб. Обуховскаго завода (211—214). — О самоубійствѣ г. Аптекмана (въ Полтавѣ, 218—219) — О поѣздкѣ эмигранта кн. Черкезова въ Россію (235—240). — Объ организаціи въ Нью-Йоркѣ „Вспомогательн. Союза для Еврейскаго движ. въ Россіи“ (240—242), — и пр.

„Сводъ“ 9 VI—6 VII. (249—290).

О покушеніи на начальника участка (Сухумскій округъ, 249—250), покушеніе на жандарма (249—252). — О сопротивленіи полиціи въ Люблинской губ. (264—265). — О рабочихъ безпорядкахъ въ Варшавѣ (коробоч. мастерскія, 254—255), Екатеринославѣ (261—264, 274), СПБ. (276), Владим. губ. (275—276), Брян. зав. Орлов. губ. (дополнительн. свѣдѣнія 265—272), на станціи „Саблино“ Никол. ж. д. (272—274), въ разныхъ мѣстностяхъ (276—279), Черниговѣ (279—282). — Крестьян. волненія въ Волын. губ. (252—253; 260—261), Херсон. губ. (разгромъ имѣнія, 253—254), Кіев. губ. (избіеніе полиціи, 257—260). — О виновеніи партіи арестантовъ, слѣдовавшихъ въ Приленскій край и усмиреніи ихъ. (250). — Объ арестахъ въ Москвѣ (сходки рабочихъ 289—290); Кіевѣ (транспорта нелег. украинскихъ изданій 283—285), Варшавѣ (двухъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ черныя платья съ красной отдѣлкой, въ чемъ усматривалось демонстративное дѣйствіе, 255 — 257). — О прокламаціяхъ на жмудско-литов. яз. отъ американскихъ раб. на столбахъ СПБ-Варш. ж. д. (282—283), въ Сувалов. губ. (285—286). — Откровенное показаніе раб. Сало (П. П. С., 286 — 289).

„Сводъ“ 6—24 VII. (294—329).

О забастовкѣ на зав. Илевскомъ, Нижег. губ. (296—298), въ Гродн. губ. (298—300), рабочихъ строящихъ Троицкій мостъ (294—295). — Свѣдѣнія о волненіяхъ рабочихъ въ Екатеринославѣ (295—296). — Объ арестахъ членовъ „Харьк. С. Рабочихъ“ (300—303), въ Москвѣ (сходка рабочихъ, 303—306) на границѣ и въ Нижегородской губерніи (въ связи съ пропагандой „римско-католицизма“, 306—309), на югѣ въ связи съ проваломъ „ю-р. р. союза“ (313—329. Прилож.: Манифестъ с. д. р. п.) — О голодовкѣ въ Одесской тюрьмѣ (309—310). — О толстовской организаціи въ Англии (311—312). — О манифестѣ р. с-д. р. п. (310—311).

„Сводъ“ 24 VII—25 VIII. (332—384)

О крест. безпор. въ Тверской губ. (332—334), Пинскомъ уѣздѣ (336—340). — О волненіяхъ раб. въ Москвѣ (забастовка, 344—346), на Брянскомъ заводѣ (предварит. слѣдствіе, 340—344), на станціи Бобринская (346—349). Объ ограбленіи почты близъ Екатеринослава (335—336), на станц. Средне Сиб. ж. д. (383—384). — Объ арестахъ въ СПБ (въ связи съ листовкой „Уставъ Боевой Кассы“ 349—353), въ Елизаветградѣ (въ связи съ „ю-р. раб. с.“ 375—377), Кіев. губ. (377—378), на границѣ (М. Ростовцевой. 378—380). — Откровенное показаніе Соркина, арестов. по дѣлу Бѣлост. типогр. (353—360). — Дополнительное показаніе студента Леонова (о Кіев. с.-р. 372—375). — О заграничныхъ группахъ револ.-эмиграціи. (Народовольцевъ, с.-р., с.-д., пол. с.-р., англ. общ. друзей русскаго народа, анарх., 360—372). — О самоубійствѣ въ Черниговѣ (найдена брошюра о Дрейфусѣ, 334—335), Николаевѣ (воен. фельдш. 380—381). — О пожарахъ въ Симбир. губ. (381—383).

„Сводъ“ 18 VIII — 15 IX (388—410).

О взрывѣ орудійнаго снаряда (388—389). — О раскрытіи заговора о покушеніи на помѣщика Кочубея крестьянами Черниговской губ., посредствомъ взрывч. веществъ (395—398). — О разбойникахъ близъ г. Елизаветграда (389—395). — Объ отъѣздѣ духовоборовъ на о. Кипръ изъ Батума (408—410). — О безпор. рабочихъ въ Нижегородской губ. (406—408), на Брянскомъ зав. (400—405). — О крестьян. безпор. въ Курск. губ. (399—400). — и др.

„Сводъ“ 15 IX — 5 X (414—443)

О крестьян. безпор. въ Бессарабской губ. (415—417), Казанской (425—427), рабочихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ (421—423), на фабрикѣ Мальцева (судебн. приговоръ 420—421), Сосновецк. зав. (428—431), Забайк. обл. (433—434), въ разн. мѣстн. (431—433), ратниковъ ополченія въ Симферополѣ (417—420), евреевъ (попытка отбить изъ рукъ полиціи дѣвушку, желающую принять православіе. 414—415). — О прокламаціяхъ въ Екатеринославской губ. (434—436). — О бѣгствѣ изъ Сибири В. Махновца (441—443). — О закрытіи благотворит. общ. „Помощь Бѣднымъ“ въ виду „безусловно вредной дѣятельности“ (406—440). — О годичномъ отчетѣ общ. „Кр. Крестъ“ (440—441. — прилож.: Отчетъ СПБ. общ. „Кр. Кр.“ — со списками заключенныхъ въ СПБ. и рп.

„Сводъ“ 5 X — 22 XII. (446—495)

О безпорядкахъ крестьянъ въ Воронежской губерніи (446—450), Херсонъ (450—453) Варшав. губ. (453—455), Вилен. губ. (459—460), Уфимск. губ. (убійство землевладѣльца, 455—457), новобранцевъ въ Тифлисѣ (457—459), среди студенчества въ Москвѣ (491—493), Варшавѣ (въ связи съ открытіемъ памятника Мицкевичу. 483—489), въ тюрьмахъ въ Кіевѣ (494—495), Москвѣ (попытка самоубійства 480—481). — Объ арестахъ въ Казани (460—464), Плоцкѣ (транспорта нелегальной литературы и лицъ, 464—468), въ Варшавѣ (на вокзалѣ, типогр. принадлежн. 474—476; ученика средне-техн. школы, 489—491) въ Спб. (въ связи съ прокл. „Къ рабочимъ фр.-рус. зав.“ 476—478). — Объ нелег. изд. въ Кіевѣ (студ. землячества 472—473), Одессѣ (473—474), Вилен. губ. (объ открытіи памятника Муравьеву), въ Варшавѣ (объ открытіи памятника Мицкевичу 481—483). — О брошюркѣ по поводу значенія Мицкевича (471—472). — Объ раб. организаціи въ Ив.-Вознесенскѣ (468—481).

ИЗЪ ЦАРСКАГО ЛИСТКА ОТЪ 20 АПР. — 15 МАЯ 1898 г.

Въ концѣ минувшаго марта графъ Левъ Толстой обратился къ проживающимъ въ Англіи двумъ ближайшимъ своимъ послѣдователямъ, Владиміру Черткову и Павлу Буланже, съ просьбою, познакомиться съ однимъ лицомъ, находившимся въ то время въ Ниццѣ, которое расположено помочь деньгами изданію за границей обличительнаго противоправительственнаго толстовскаго органа и намѣрено пожертвовать на это дѣло до ста тысячъ рублей.

Въ настоящее время, по результатамъ наблюденія за границей, видно, что группа послѣдователей графа Толстого въ Англіи, къ которой прибавился еще недавно прибывшій изъ Россіи Павелъ Бирюковъ, избрала своимъ мѣстопробываніемъ мѣстечко Purleigh, вблизи города Мальдона, округа Essex, въ двухчасовомъ разстояніи отъ Лондона. Въ означенномъ пунктѣ обосновалась также и англійская колонія послѣдователей Толстого, руководителями которой являются тѣ же Чертковъ, Буланже и Бирюковъ. Здѣсь устроена прекрасно организованная типографія, наборщиками при которой состоятъ: нѣкій Сименсъ, работавшій раньше при типографіи „Летучихъ Листковъ“, и дочь купца Анна Шарапова. Приверженцы народившейся секты ведутъ оживленную переписку съ Л. Толстымъ, который руководитъ дѣятельностью Пирлейской колоніи. Къ настоящему времени, толстовской группой изданы слѣдующія брошюры:

1. «Напрасная жестокость», Черткова.
2. «Голосъ древней церкви», Трегубова.
3. «Помогите», Бирюкова, Черткова и Трегубова.
4. «Положеніе духоборцевъ на Кавказѣ», Бирюкова и Черткова.
5. «Письма Ольховика».
6. «Какъ читать Евангеліе», Л. Толстого.

7. «Приближеніе конца», его же.
8. «Объ отношеніяхъ къ государству», его же.
9. «Царство Божіе внутри насъ», его же.
10. «Житіе преосвященнаго Владиміра, бывшаго Епископа Алеутскаго, нынѣ Епископа Черниговскаго, съ портретомъ Преосвященнаго», новое изданіе д-ра Судзиловскаго (Руссея).

Независимо отъ вышеизложеннаго, названная группа помѣщаетъ въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ массу статей, открытыхъ писемъ и воззваній гр. Толстого, имѣющихъ цѣлью дискредитировать русское правительство и его внутреннюю политику по вопросу о сектантствѣ.

Постепенно расширяющаяся дѣятельность послѣдователей Л. Толстого, опирающаяся на сочувствіе къ ней извѣстной части русскаго общества, привела послѣдняго къ мысли основать обличительный органъ, специально предназначенный для распространенія его ученія, и въ основѣ котораго былъ бы положенъ принципъ о невозможности свободы совѣсти безъ свободы политической. Журналъ этотъ, имѣющій выходить подъ редакціей Павла Бирюкова, будетъ носить названіе „Жизнь“. На задуманное предпріятіе уже собрано будто-бы около 100 000 р., причемъ однимъ изъ крупныхъ жертвователей въ 20 000 рубл. оказывается извѣстный московскій кондитеръ Абрикосовъ, нынѣ пребывающій въ Мальдонѣ. Располагая хорошо организованнымъ перевозочнымъ пунктомъ, Чертковъ рассчитываетъ на широкое распространеніе новой публикаціи, первый номеръ которой, съ имѣющей уже въ портфель редакціи руководящей статьей Л. Толстого, долженъ появиться въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

Еженедѣльные собранія и собесѣдованія, происходящія въ домѣ, занимаемомъ Чертковымъ, помимо англичанъ, посѣщаютъ еще слѣдующія лица: Буланже съ женою и матерью, Бирюковъ, жена Черткова, двѣ сестры Шарановы (младшая изъ нихъ Павла — пріятельница Бирюкова), графиня Ростовцева, Абрикосовъ, собирающійся вернуться въ Россію, княгиня Хилкова (Винеръ), двѣ сестры Абрамовы, Масловъ-Стокосъ (который держитъ корректуру), Сименсъ и Сукачевъ. По поводу этого послѣдняго извѣстно, что онъ раньше принималъ участіе въ революціонномъ движеніи и, какъ человѣкъ энергичный и политически образованный, пользуется большимъ авторитетомъ среди толстовцевъ.

Недавно къ Черткову пріѣзжалъ изъ Россіи съ письмомъ отъ графа Толстого, какой то пожилой человѣкъ, фамилія котораго, къ сожалѣнію, осталась невыясненной. Подлиннаго письма не удалось пріобрѣсти, но содержаніе его сводится къ ниже слѣдующему:

„Не знаю, дошло ли до Васъ письмо, въ которомъ я извѣщалъ васъ, что наша цензура препроводивши мнѣ № „Daily Chronicle“, обязательно вырѣзала изъ него мое письмо, о по-

мѣщеніи коего въ этой газетѣ я просилъ Васъ. Добудьте мнѣ названный № „Daily Chronicle“ и пришлите вырѣзку моего письма, но не на мое имя, а по адресу Д. (Дашковой) въ Петербургъ. Много не пишу, податель расскажетъ, что нужно. Жду съ нетерпѣніемъ появленія перваго номера („Жизни“). Передовую статью для втораго номера Вамъ скоро привезутъ. Скажите москвичу (Абрикосову), чтобъ онъ не писалъ: за моей корреспонденціей сильно слѣдятъ. Посылайте все Д. (Дашковой)“.

Означенная статья, напечатанная въ газетѣ „Daily Chronicle“ 29 апрѣля 1898 г., переведена въ настоящее время на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „О помощи духоборамъ“ и, повидимому, будетъ разсылаться по Россіи; одинъ экземпляръ сей статьи, при семъ прилагаемый, адресованный въ Москву, на имя Николая Алексѣевича Абрикосова, на дняхъ задержанъ на почтѣ.

Выше упомянутый Абрикосовъ, находится въ Мальдонѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сынъ или близкій родственникъ извѣстнаго московскаго кондитера Абрикосова, и къ точному выясненію его личности приняты надлежащія мѣры“.

„Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было упомянуто, что проживающіе въ окрестности Лондона (мѣстечко Purleigh, близъ гор. Мальдона), извѣстные послѣдователи лжеученій Льва Толстого, Павелъ Буланже, Павелъ Бирюковъ и другіе, согласно мысли самого Толстого, приступили къ подготовленію изданія особаго обличительнаго органа, специально предназначеннаго для распространенія толстовскаго ученія, причемъ, въ основу этого изданія долженъ быть положенъ принципъ о невозможности свободы совѣсти безъ свободы политической. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, первый номеръ упомянутаго органа долженъ выйти въ самомъ непродолжительномъ времени и нынѣ уже набирается въ устроенной, повидимому, на средства Черткова, типографіи; по желанію недавно прибывшаго въ Англію извѣстнаго князя Хилкова, журналъ будетъ носить названіе не „Жизнь“, какъ это предполагалось ранѣе, а „Совѣсть“, такъ какъ органъ этотъ посвящается обсужденію вопросовъ „Свободной совѣсти и мирной жизни на началахъ разума и любви“

Газета Департамента Полиции.

Для борьбы съ революціонерами департаментъ полиціи создалъ обширную литературу, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытную. Въ этихъ изданіяхъ на каждомъ шагѣ можно встрѣтить не мало путаницы относительно даже фактической стороны движенія, а каково освѣщеніе событій у этихъ жандармскихъ публицистовъ и историковъ — понятно само собой. Все это такъ, — но для историка освободительнаго движенія изданія департамента полиціи тѣмъ не менѣе представляютъ очень важное пособіе, — и мы постараемся познакомить нашихъ читателей со всѣмъ, что мы найдемъ въ департаментскихъ изданіяхъ наиболее любопытнаго. Намъ кажется, впрочемъ, что они заслуживаютъ и того, чтобы ихъ цѣликомъ сдѣлать достояніемъ широкой публики.

Свою литературу департаментъ издаетъ тайно, въ очень ограниченномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя обстоятельства помогли намъ познакомиться со многимъ, быть можетъ, съ большинствомъ того, что вышло изъ подъ департаментскаго станка.

Съ 1881 г. департаментъ сталъ издавать ежегодные обзоры революціоннаго движенія отдѣльными томами въ 200—300 страницъ каждый. У насъ имѣются обзоры за 1889, 1895—1902 гг., — въ послѣдующіе годы они, кажется, уже болѣе не издавались. Изъ обзоровъ за предыдущіе годы у насъ имѣются обширные выдержки, но намъ желательно ихъ получить въ оригиналахъ.

Мы будемъ очень благодарны за доставленіе намъ всѣхъ недостающихъ у насъ тайныхъ изданій департамента, или хотя бы копій съ нихъ, — а, кромѣ того, просимъ прислать намъ списки бывшихъ департаментскихъ изданій, чтобы мы точно могли установить, какихъ изъ этихъ изданій у насъ нѣтъ, и принять мѣры къ ихъ отысканію.

Послѣ прекращенія печатанія «обзоровъ» департаментъ сталъ издавать 2—3 раза въ мѣсяцъ литографированную газету въ самомъ ограниченномъ количествѣ и разсылалась она почти исключительно однимъ начальникамъ Охр. Отдѣленій въ специальныхъ пакетахъ съ надписью: «въ собственныя руки». У насъ имѣются лишь 59 ном. этой газеты, а именно: №№ 65—78, 80—88, 94, 96, 103, 107, 113, 116, 118—120, 127—136, 138—144, 146—149, 151—153, 160—163. 65-й № отъ 29 декабря 1903 г., а 163-й отъ октября 1905 г.; — 163 № былъ, повидимому, послѣднимъ и газета болѣе не издавалась.

Ниже мы даемъ краткій перечень содержанія номеровъ, но, кромѣ того, на что мы указываемъ, газета заключаетъ очень много другихъ свѣдѣній. Едва ли какое-либо событіе въ революціонномъ или даже оппозиціонномъ мірѣ проходило не отмѣченнымъ департаментомъ на страницахъ его тайной газеты.

Изъ чтенія этой газеты не трудно понять, что девять десятыхъ всѣхъ свѣдѣній департамента построены на данныхъ, доставляемыхъ прокуратурой, и безъ нихъ жандармы были бы безсильны.

Составители газеты не были вполне увѣрены, что ею не могутъ пользоваться и за стѣнами департамента и охранокъ, и потому имена прокураторовъ они скрываютъ подъ туманнымъ выраженіемъ: «получено изъ агентурныхъ источниковъ». Напримѣръ, въ приводимомъ нами отрывкѣ о дѣлѣ покушенія на жизнь Тренова, происхожденіе полученныхъ свѣдѣній объяс-

няется слѣженіемъ, — въ такомъ же духѣ было изложено дѣло извѣстнымъ провокаторомъ Гуровичемъ въ его официальномъ докладѣ объ этомъ покушеніи, напечатанномъ въ «Выломѣ» въ 1907 г. N 10. На самомъ дѣлѣ, слѣжка велась только послѣднюю недѣлю, а весь доклад составленъ Гуровичемъ съ помощью указаній нѣкоторыхъ провокаторовъ, въ томъ числѣ Татарова, дѣйствовавшихъ по указанію Рачковского. Кстати, сколько получили провокаторы, — не знаемъ, но Гуровичу дали за это дѣло Владиміра 2-й степени, Рачковский получилъ повышеніе по службѣ и крупную сумму денегъ.

Когда былъ во время этихъ арестовъ взятъ Б. Моисеенко, департаментъ тогда былъ до такой степени увѣренъ, что арестованъ Б. Савинковъ, что въ имѣющемся у насъ номерѣ газеты департамента полиціи и стояла фамилія Савинкова. Только впоследствии особымъ циркуляромъ велѣно было вмѣсто одной фамиліи поставить другую.

Чтобы дать понятіе о газетѣ департамента полиціи, мы даемъ ниже: 1. списокъ нѣкоторыхъ статей и 2. выдержки изъ 5-ти номеровъ.

Ред.

СОДЕРЖАНІЕ ГАЗЕТЫ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦІИ ЗА 1903-05 гг.

- № 65. Студенческій вечеръ въ Одессѣ 5-го ноября 1903 г.
№ 67. Съѣздъ русскихъ соц.-дем. въ Брюсселѣ въ 1903 г.
№ 69. Слѣжка за делегаткой Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. — Л. Х. Гоби, дѣятельность Екатеринославскаго соц.-дем. комитета, аресты и пр. (дополненіе къ предыдущему сообщенію).
№ 71. Арестъ Боевой Организациі соц. рев., подготовлявшей покушеніе на Плеве.
№ 76. Продажа австрійскому правительству неподлежащихъ оглашенію документовъ изъ штаба варшавскаго военнаго округа.
Протестъ русскихъ студентовъ въ Берлинѣ по поводу рѣчи канцлера Бюлова, оправдывающей существованіе въ Берлинѣ русской политической полиціи.
Вооруженное сопротивленіе 57 ссыльныхъ въ Якутскѣ.
№ 81. Арестъ Спб. комитета Р. С.-Д. Р. П.
№ 82. Арестъ въ Варшавѣ членовъ организациі «Соц.-дем. Корол. Польскаго и Литвы», — Каспржакъ и др.
№ 83. Правила тайнаго наблюденія за нелегальными и вообще подозрительными лицами.
Празднованіе 18 апрѣля (1 мая) въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.
Арестъ въ Спб. кружка революціонеровъ, группировавшихся около Юліи Мержеевской.
№ 84. Мѣры, принятыя къ предупрежденію празднованія 1-го мая.
№ 86. Сводъ правилъ, выработанныхъ въ развитіе утвержденного М. В. Д. 12 августа 1904 г. положенія о начальникахъ розыскныхъ отдѣленій. Дневники наблюденія и сводки къ нимъ, — правила для филеровъ. Рабочія волненія въ Армавирѣ въ связи съ самоубійствомъ Кузнецовой.
№ 88. Арестъ подмосковной типографіи соц.-рев.
№ 94. Дѣло о петербургскомъ террористическомъ кружкѣ (Бурцевъ, Негрескулъ, Гроссманъ, Краковъ и др.).
№ 96. Виленская группа Р. Р. С.
№ 103. Покушеніе на одесскаго градоначальника 9 сентября 1904 г.
№ 113. Аресты пролетаріатцевъ въ Варшавѣ.
№ 120. 9-ое января 1905 г. въ СПб.
№ 128. Установленіе личности И. П. Каляева.
Арестъ въ Екатеринбургѣ 33 соц.-дем., подготовлявшихъ вооруженную демонстрацію.
№ 129. Революціонная пропаганда среди кадетъ Донск. Александр. кадетскаго корпуса.

- № 130. Крестьянские беспорядки в Курской, Черниговской, Орловской и др. губерниях.
- № 132. Подготовительная работа Р. С.-Д. Р. П. по устройству III партийного съезда.
- № 133. Проект «Устава кассы взаимного страхования» на случай ареста, ссылки и временного лишения заработка.
- № 134. Демонстрация в Якутске во время слушания в суд. палате апелл. жалобы осужденных по якутскому процессу.
- № 135. Арест Боевой Организации соц.-рев., подготовлявшей покушение на Трепова.
- № 139. Слэжка за с.-р. Н. А. Шишло, волнения среди рабочих Петроковской губ.
- № 142. Демонстрация в Павловске 22 мая 1905 г.
- № 148. Список адресов, которыми намерены пользоваться Постоянный Комитет съездов Всероссийского Союза Инженеров и Техников для сношения с различными отделениями Союза.
- № 149. Список некоторых участников «союза союзов» и петербургского и московского «союзов инженеров и техников» для выяснения их служебного положения.
- Демонстрация в Сестрорьбском курорте 9-го июня 1905 г.
- № 151. Некоторые паспорта, имеющиеся у соц.-р-ов для нужд партийных работников.
- Съезд крестьянского союза в Москве 31 июля и 1 августа.
- № 161. Письмо с.-д. Z., добытое агентурным путем.
- № 162. Конспиративный документ, касающийся вопросов тактики соц.-дем. по отношению к Госуд. Думе.
- События, связанные с манифестом 17-го октября, разыгравшиеся в разных городах России (Архангельск, Житомир и др.).
- № 163. То же самое.
- Список 138 с.-д., принимавших участие в стокгольмском съезде; их приметы, занятия, профессии и пр.

Изъ 71 № (отъ 5 февр. 1904 г.)

Осенью минувшаго года въ Россію прибыла изъ за границы съ нѣсколькими подложными паспортами известная по своей близости къ главѣ „Боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“ Григорію Гершуни, дворянка Серафима Клитчоглу, въ качествѣ уполномоченной отъ „Заграничнаго Комитета“ названной Партіи, въ цѣляхъ объединенія разрозненныхъ арестами наличныхъ силъ этой партіи въ С.-Петербургѣ и въ другихъ крупныхъ центрахъ Имперіи и, въ частности, для организаціи покушеніе на жизнь Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Поселясь первоначально въ Кіевѣ и организовавъ здѣсь кружокъ, разстроенный арестомъ Гершуни, Клитчоглу затѣмъ занялась такою же организаціонною дѣятельностью въ Москвѣ и Харьковѣ и, наконецъ, поселилась въ С.-Петербургѣ, гдѣ исключительно занялась подготовкой упомянутаго выше террористическаго акта, пользуясь для сего содѣйствіемъ арестованнаго впоследствии (въ ноябрѣ 1903 года) также съ подложнымъ паспортомъ Моисея Розенблюма, а по арестѣ послѣдняго ближайшими пособниками Клитчоглу въ С.-Петербургѣ явились бывшій студентъ Ист. Инж. Путей Сообщ. Степанъ Андреевъ, студентъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Ва-

силій Вовкъ, извѣстный по своему участию въ организованной имъ „Боевой рабочей дружинѣ“, поставившей себѣ задачу устройство вооруженныхъ рабочихъ демонстрацій, Инженеръ Мендель Витенбергъ, учительницы Анны Биценко и Александра Егорова, ученикъ Академіи художествъ Владимиръ Михайловъ и капитанъ артиллеріи Александръ фонъ Гротъ, предоставившій свою квартиру для конспиративныхъ свиданій главныхъ заговорщиковъ.

Въ концѣ минувшаго января имѣвшееся за этими лицами наблюдение обнаружило систематическія хожденія Клитчоглу, Андреева и Михайлова въ районѣ обычныхъ путей проѣзда Министра Внутреннихъ Дѣлъ и дежурство этихъ лицъ въ Лѣтнемъ саду, а 22 января Андреевъ даже сдѣлалъ пробу времени, необходимаго ему для подхода къ каретѣ Министра при слѣдованіи ея по набережной Фонтанки. Нѣсколько дней спустя онъ же, съ часами въ рукахъ, изучалъ время проѣзда экипажа Статсъ-Секретаря Плева отъ Симеоновскаго до Прачешняго моста и у зданія Государственнаго Совѣта. Одновременно съ ними, въ районѣ Невскаго проспекта и Морской улицы такое же наблюдение велъ Мендель Витенбергъ.

Эти данныя, въ связи съ агентурными указаніями, приводили къ несомнѣнному убѣжденію, что задуманное покушеніе будетъ осуществлено въ самомъ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость въ принятіи одновременно мѣръ какъ по отношенію центральной террористической группы въ С.-Петербургѣ, такъ и всѣхъ связей Клитчоглу по другимъ городамъ Имперіи. Предпріятыя 29 и 30 минувшаго Января слѣдственные дѣйствія въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Ростовѣ-на-Дону дали существенныя результаты для привлеченія къ формальному дознанію заподозрѣнныхъ лицъ, у большинства которыхъ обнаружены вещественныя доказательства, вполне уличающія ихъ въ принадлежности къ партіи „соціалистовъ-революціонеровъ“. Въ С.-Петербургѣ, у главныхъ участниковъ задуманнаго покушенія отобраны два плана пути слѣдованія Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ его дома до Зимняго Дворца, револьверъ и усовершенствованный мимеографъ, на которомъ были отпечатаны всѣ послѣднія летучія прокламаціи „С.-Петербургскаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ и обширная, частью зашифрованная переписка. Въ Москвѣ, у Лидіи Езерской найдены 2 револьвера съ патронами, изъ коихъ одинъ системы „Браунингъ“ и отточенный кинжалъ и у нея же въ квартирѣ задержанъ уже ранѣе привлеченный къ дознанію по дѣлу „Московскаго Комитета“ названной партіи и перешедшій на нелегальное положеніе дантистъ Гиршъ Ривкинъ. Въ Кіевѣ и Ростовѣ-на-Дону также задержаны 2 нелегальныхъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Клитчоглу, личности коихъ нынѣ выясняются. Всего арестовано по С.-Петербургу 31 человекъ, по Москвѣ — 12 человекъ, по

Кіеву — 14 и по Ростову-на-Дону арестованъ 1 человекъ. Послѣ ареста въ Петербургѣ студента Андреева къ нему на квартиру явилась курсистка Бѣлова, которая была арестована, а по обыску на ея квартирѣ найденъ складъ свыше 3000 революціонныхъ изданій. На квартиру же Вовка послѣ его ареста явился неизвѣстный, предъявившій арестовавшимъ его чинамъ полиціи паспортъ на имя Стефанова, оказавшійся подложнымъ. Личность этого человека была вскорѣ выяснена, и онъ оказался мѣщаниномъ Каменевымъ, бѣжавшимъ изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ за совершеніе въ 1898 году взрыва въ Знаменскомъ монастырѣ въ г. Курскѣ.

Изъ 135 № (отъ 28 апр. 1905 г.)

16 и 17 Марта сего года въ С.-Петербургѣ подвергнута слѣдственнымъ дѣйствіямъ группа лицъ, принадлежащихъ къ „Центральному Комитету партіи социалистовъ-революціонеровъ“ и „Боевой Организаци“ этой партіи, проявившая активную дѣятельность въ приготовленіяхъ къ террористическимъ предпріятіямъ, причемъ задержано 11 лицъ, проживавшихъ по подложнымъ паспортамъ, отобрано паспортное бюро съ 40 подложными документами и мастерская для изготовленія разрывныхъ снарядовъ. Всѣ эти данныя произведенной ликвидаціи явились результатомъ тщательнаго обслѣдованія агентурныхъ указаній филерскимъ наблюденіемъ, сумѣвшимъ въ теченіе мѣсяца установить главнѣйшія связи этой группы въ столицѣ и въ другихъ городахъ Имперіи, причемъ самое наблюденіе велось настолько осмотрительно, что злоумышленники совершенно не подозрѣвали его существованія до момента ихъ задержанія, въ которомъ многіе изъ наблюдавшихъ агентовъ принимали личное участіе, рискуя собственной безопасностью. — Состоятельства этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Въ февралѣ сего года были получены агентурныя свѣдѣнія, что группа лицъ, составляющая отдѣльную фракцію „Партіи социалистовъ-революціонеровъ“, подготавливаетъ рядъ послѣдовательныхъ террористическихъ актовъ по отношенію нѣкоторыхъ высочайшихъ Особъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, причемъ въ числѣ первыхъ жертвъ былъ намѣченъ С.-Петербургскій Генераль-Губернаторъ Свиты Его Величества Генераль-Маіоръ Треповъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, во главѣ организаци стоялъ сынъ чиновника Евсѣй Ивановъ Улановъ, проживавшій по подложному паспорту. По надлежачемъ выясненіи Улановъ оказался извѣстнымъ революціонеромъ дворяниномъ Сергѣемъ Ивановымъ Барыковымъ. Наблюденіе установленное за Барыковымъ, въ связи съ имѣвшимися агентурными указаніями, выяснило составъ и дѣятельность „Боевой Организаци“.

21 февраля наблюденіемъ было установлено, что Барыковъ

имѣлъ на Николаевскомъ вокзалѣ свиданіе съ неизвѣстнымъ, послѣ чего Барыковъ съ поѣздомъ, отходящимъ ночью, выбылъ изъ С.-Петербурга. Упомянутый неизвѣстный, какъ выяснилось впоследствии, проживалъ въ гостинницѣ „Бристоль“ по паспорту на имя Великобританскаго подданнаго Артура-Генри Мюра Макъ - Куллона.

Изъ числа вошедшихъ въ наблюденіе лицъ, состоящихъ членами „Боевой Организациі“, Барыковъ особенно въ близкихъ отношеніяхъ стоялъ съ проживающими въ С.-Петербургѣ Прасковьей Семеновою Волошенко, проживающей по паспорту на имя вдовы чиновника Маріи Егоровой Надеждиной, и неизвѣстнымъ лицомъ, прописаннымъ по паспорту на имя Минскаго мѣщанина Іосифа Іосифова Жемайтиса а также дочерью Статскаго Совѣтника Татьяной Александровою Леонтьевой. Всѣ вышеупомянутыя лица, являясь дѣйствительными организаторами по совершенію террористическихъ актовъ, представляли собой кадръ „Боевой Организациі“. При наблюденіи за Волошенко (Надеждиной) замѣчено свиданіе ея 25 февраля, вмѣстѣ съ женой Барыкова - Надеждой Михайловою, въ Лѣтнемъ саду съ Макъ - Куллономъ, послѣ чего Макъ - Куллономъ встрѣтилъ на Англійской набережной Леонтьеву. Происшедшій 26 февраля въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ взрывъ, отъ котораго погибъ названный нелегальный, Макъ - Куллономъ, констатировалъ возможность совершенія террористическаго акта въ непродолжительномъ времени, въ виду чего за всѣми наблюдаемыми лицами, входящими въ составъ „Боевой Организациі“, было усилено наблюденіе, въ цѣляхъ немедленнаго выясненія всѣхъ членовъ названной организациі. 13-го Марта наблюденіемъ было замѣчено, что въ буфетѣ Народнаго Дома состоялась сходка нѣкоторыхъ членовъ „Боевой Организациі“, на которой принимали участіе: Надеждина, Жемайтисъ, Барыковъ, розыскиваемый революціонеръ - террористъ Борисъ Моисеенко и неизвѣстный, проживающій по паспорту Минскаго мѣщанина Григорія Иванова Агапова, съ которымъ Волошенко (Надеждина) 11 Марта имѣла кооперативное свиданіе. Въ тотъ же день ночнымъ поѣздомъ Моисеенко выѣхалъ изъ С.-Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ на станцію Вишера, гдѣ пересѣлъ на обратный поѣздъ утромъ 12 Марта и возвратился въ С.-Петербургъ. Точно также и съ 14 на 15-е Марта Моисеенко провелъ ночь въ поѣздѣ Варшавской желѣзной дорогѣ. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, онъ остановился въ гостинницѣ „Пале-Рояль“, прописавшись по удостовѣренію Нижегородскаго Полиціейстера на имя сына Надворнаго Совѣтника Александра Алексѣева Никольскаго. 14 Марта наблюдаемый Агаповъ, одѣтый извозчикомъ, выѣхалъ изъ дому и отправился на Морскую улицу, гдѣ останавливался нѣсколько разъ вблизи и около дома, въ коемъ проживаетъ С.-Петербургскій Генералъ-Губернаторъ. Во время стоянки Агапова, проходилъ по Мор-

ской Моисеенко и отдалъ письмо посыльному, который все время стоялъ на углу Морской и Почтамской ул. обращая все вниманіе на Генераль-Губернаторскій подъѣздъ. Получивъ письмо „посыльный“, въ послѣдствіи оказавшійся Полтавскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Петровымъ Сидоренко, подошелъ къ извозчику и, поговоривъ съ нимъ, сѣлъ и поѣхалъ на Алексѣевскую улицу, гдѣ противъ дома № 18 они остановились, поговорили минуты 2 и „посыльный“, не расплачиваясь, ушелъ въ д. № 18 по названной улицѣ, гдѣ повидимому оставилъ письмо и затѣмъ возвратился на прежнее мѣсто, а извозчикъ остановился на другой сторонѣ Мойки, откуда можно было видѣть квартиру Генераль Губернатора. Въ 5 часовъ дня Агаповъ отѣхалъ, а его мѣсто занялъ товарищъ, также одѣтый извозчикомъ, оказавшійся въ послѣдствіи Егорьевскимъ мѣщаниномъ Григоріемъ Федотовымъ Запольскимъ. Въ этотъ день все наблюденіе извозчиковъ было сосредоточено за выходомъ лицъ изъ Генераль Губернаторскаго дома. 15 марта извозчики и посыльный также производили наблюденіе, но вниманіе ихъ было преимущественно сосредоточено на площади у Маринскаго Дворца, въ коемъ въ этотъ день назначено было засѣданіе Комитета Министровъ и на Фонтанкѣ возлѣ дома, гдѣ проживаетъ Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Таковыя результаты, данныя агентурой въ связи съ наружнымъ наблюденіемъ, привели къ несомнѣнному заключенію о готовящемся на дняхъ покушеніи на жизнь С.-Петербургскаго Генераль-Губернатора Свиты его величества Генераль-Маіора Трепова и Министра Внутреннихъ Дѣлъ Гофмейстера Двора его Величества Булыгина, а потому было признано своевременнымъ приступить къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи „Боевой Организаци“, и 16 Марта на улицѣ были задержаны члены этой группы. Кромѣ Агапова, Запольскаго, Жемайтиса, Леонтьевой, Волошенко (Надеждиной), Моисеенко (Никольскаго), Сидоренко и Барыкова (Уланова) задержаны также въ Москвѣ жена Барыкова (Уланова), проживавшая по документу на имя мѣщанки мѣс. Смѣлы Анны Михайловой Фроловой, затѣмъ извѣстная по принадлежности къ этой группѣ дочь купца I-й гильдіи Сура Иосифова Эфрусси, и повивальная бабка Фейга - Геня Лейбовна Кацъ; послѣдняя, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, предполагала держать конспиративную квартиру для членовъ „Боевой Организаци“. Затѣмъ арестованъ знакомый Волошенко личный почетный гражданинъ Моисей Абрамовъ Новомѣйскій, который, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, обѣщалъ Волошенко оказывать содѣйствіе „Боевой Организаци“. По обыску у нѣкоторыхъ изъ обысканныхъ найдена переписка и шифрованныя замѣтки, а у Леонтьевой, кромѣ того, взрывчатые матеріалы, необходимые для приготовленія метательныхъ снарядовъ. Изъ числа задержанныхъ нелегальные Запольскій, Агаповъ, Жемайтисъ и Сидоренко еще на установлены.

3) Изъ 151 № (отъ 18 авг. 1905 г.)

31-го іюля и 1-го августа въ гор. Москвѣ состоялся съѣздъ „крестьянскаго союза“, на который собрались представители крестьянъ 25 губерній; на засѣданіяхъ съѣзда присутствовало около 120 лицъ, причѣмъ предсѣдательствовали: содержатель книжнаго магазина Сергѣй Курнинъ, ветеринарный врачъ Андрей Тесленко, присяжный повѣренный Алексѣй Стааль и одинъ изъ двухъ братьевъ Семенъ или Василій Мазуренко. Съѣздъ былъ открытъ чтеніемъ составленныхъ сельскими обществами, на основаніи Высочайшаго Указа отъ 18-го февраля сего года, приговоровъ, привезенныхъ участниками съѣзда, послѣ чего было приступлено къ обсужденію вопросовъ, намѣченныхъ программой, но, за недостаткомъ времени рассмотретьъ всѣхъ предположенныхъ къ обсужденію вопросовъ, были сдѣланы постановленія лишь по важнѣйшимъ изъ нихъ. Между прочимъ, было признано желательнымъ упраздненіе волостныхъ правленій и выборъ должностныхъ лицъ сельской администраціи и полиціи путемъ прямой, равной, тайной и всеобщей баллотировки. Затѣмъ признано желательнымъ учрежденіе мелкой земской единицы и объединеніе мелкихъ земскихъ единицъ въ Уѣздныхъ Земствахъ. Затрагивался также вопросъ о предстоящей коренной реформѣ государственнаго строя и высказано было пожеланіе, чтобы будущая Государственная Дума имѣла характеръ законодательнаго органа съ правомъ контроля надъ администраціей. По аграрнымъ вопросамъ совѣщаніемъ были приняты крайнія постановленія, по коимъ частная земельная собственность должна быть упразднена и земля должна быть выкуплена изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ для распределенія между лицами, обрабатывающими землю, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы каждый имѣлъ въ своемъ распоряженіи такое количество земли, какое онъ способенъ обработать личнымъ трудомъ. Лѣсныя пространства, по постановленію совѣщанія, должны считаться государственной собственностью; земли же, занятые фабрично-заводскими предпріятіями, должны находиться въ арендномъ пользованіи у владѣльцевъ. Ближайшія детали аграрнаго вопроса было предложено разработать мѣстнымъ организаціямъ къ слѣдующему съѣзду крестьянъ, который предложено созвать предстоящею осенью. Въ заключеніе были произведены выборы бюро союза крестьянъ, въ составѣ восьми членовъ, при чемъ изъ числа избранныхъ извѣстны упомянутые выше Стааль, Тесленко, Курнинъ, Мазуренко, а также лаборантъ Московскаго Университета Александръ Левицкій и бывшій ссыльный Натанъ Богоразъ.

По словамъ С. П. Мазуренко, свѣдѣнія объ учредительномъ съѣздѣ В. К. С., повидимому, взяты департаментомъ полиціи изъ корреспонденціи «Слова», а программа съѣзда — изъ повѣстки, разосланной организаторами съѣзда нѣкоторымъ мѣстамъ, и раздававшейся на самомъ съѣздѣ.

Корреспондентъ «Слова», очевидно, не присутствовалъ на засѣданіяхъ съѣзда, почему, какъ въ его корреспонденціи, такъ и въ дословной ея перепечаткѣ департаментомъ полиціи имѣются значительныя искаженія и даже включены резолюціи, съѣздомъ не обсуждавшіяся и не принимавшіяся.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія неточности текста:

1. Съѣздъ былъ подѣленъ на 22 губерніи.
2. Резолюціи объ «упраздненіи волостныхъ правленій» не принимались.
3. «Мелкая земская единица» не обсуждалась и никакой резолюціи не принималось.

4. Единогласно принято требовать созыва Учредительнаго Собранія, а не Государственной Думы.

5. Съѣздъ высказался противъ выкупа земли. Въ принятой имъ резолюціи сдѣлано исключеніе только для небольшой категоріи лицъ (мелкихъ собственниковъ), которымъ допускалось выдавать выкупъ.

6. О лѣсныхъ угодьяхъ, какъ и о земляхъ фабрично-заводскихъ, на съѣздѣ совершенно ничего не говорилось и резолюцій не принималось.

7. Съѣздъ избралъ Главный Комитетъ изъ 8-ми лицъ, но Сталь, Тесленко, Левицкій и Богоразъ въ него не могли быть избраны, какъ не крестьяне. Съѣздъ постановилъ выбирать только крестьянъ.

4) Изъ 152 № (25 авг. 1905 г.)

21 Августа въ городѣ Москвѣ въ частной квартирѣ доктора медицины **Баженова**, вопреки запрещенію Московскаго Градоначальника, состоялось собраніе организационнаго бюро частныхъ совѣщаній земскихъ и городскихъ дѣятелей. Командированный въ квартиру Баженова Полиціймейстеръ засталъ тамъ 24 лица и предъявилъ имъ требованіе о закрытіи собранія, но исполнявшій обязанности предсѣдателя на этомъ собраніи Предсѣдатель Московской Губернской Земской Управы Головинъ заявилъ, что члены собранія подчинятся физической силѣ. Признавъ неудобнымъ примѣнить въ данномъ случаѣ насильственные мѣры, Полиціймейстеръ вынужденъ былъ остаться для наблюденія. Предметомъ засѣданія, главнымъ образомъ, служилъ вопросъ о времени и мѣстѣ созыва частнаго совѣщанія земскихъ и городскихъ дѣятелей и разрабатывалась программа предстоящихъ занятій этого совѣщанія, но кромѣ того, были прочитаны и подвергнуты разсмотрѣнію доклады: 1) объ участи общественныхъ дѣятелей въ предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу и 2) объ избирательной программѣ. На слѣдующій день Головинъ, согласно данному имъ обѣщанію, препроводилъ Московскому Градоначальнику обсуждавшіяся на вышеуказанномъ засѣданіи нижеслѣдующія программы по политическимъ и культурнымъ вопросамъ:

I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

1) Всѣ русскіе граждане безъ различія вѣроисповѣданій и національности равны передъ закономъ. Всѣ сословныя преимущества, а равно всѣ ограниченія правъ какъ отдѣльныхъ національностей, такъ и вѣроисповѣдныхъ группъ населенія отмѣняются.

2) Каждому обеспечивается личная свобода. Никто не можетъ быть задержанъ, подвергнутъ преслѣдованію или наказанію иначе, какъ на

точномъ основаніи закона и помимо судебной власти, а равно и не можетъ быть изъятъ изъ подсудности тому суду, коему дѣло его подвѣдомственно по закону. Учрежденіе чрезвычайныхъ судовъ не допускается.

3) Жилище неприкосновенно. Входъ въ частное жилище безъ согласія хозяина, обыски и выемки допускаются лишь въ случаяхъ и въ порядкѣ, опредѣленныхъ закономъ. Частная переписка можетъ быть вскрываема лишь по постановленію судебной власти.

4) Каждому гражданину предоставляется полная свобода передвиженія. Паспортная система отмѣняется.

5) каждому обеспечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никто не можетъ быть преслѣдуемъ за исповѣдываемыя имъ вѣрованія и убѣжденія или принуждаемъ къ исполненію обрядовъ какого нибудь вѣроисповѣданія. Выходъ изъ состава любого вѣроисповѣднаго общества свободенъ. Всѣ вѣроисповѣдныя общества равно пользуются какъ свободой богослуженія и отправленія своихъ обрядовъ, такъ и правомъ распространять свое вѣроученіе.

6) Каждый воленъ выражать свои мысли изустно или письменно, пропагандировать и распространять ихъ путемъ печати, или инымъ способомъ. Цензура во всѣхъ ея видахъ и наименованіяхъ упраздняется и не можетъ быть восстановлена. Нарушенія закона, совершаемыя въ печати, могутъ быть преслѣдуемы только въ судебномъ порядкѣ и подлежать суду присяжныхъ.

7) Публичныя собранія могутъ быть свободно устраиваемы какъ въ закрытыхъ помещеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ.

8) Русскіе граждане могутъ составлять союзы и общества для цѣлей, не противныхъ закону, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.

9) Право петиціи имѣютъ какъ отдѣльные граждане, такъ и всякаго рода группы, общества, союзы, собранія и т. п.

10) Всѣ должностныя лица за нарушеніе правъ гражданъ подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности на общемъ основаніи, причѣмъ для привлеченія ихъ къ суду не требуется согласія ихъ начальства.

11) Верховная власть свое право издавать законы, контролировать исполнительные органы и устанавливать государственный бюджетъ раздѣляетъ со всѣмъ народомъ въ лицѣ избранныхъ симъ послѣднимъ представителей.

12) Народные представители избираются всеобщю, прямою, равною и закрытою подачею голосовъ.

13) Для установленія закона необходимо рѣшеніе собранія народныхъ представителей, утвержденное ИМПЕРАТОРОМЪ. Ни одинъ актъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы онъ ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

14) Ежегодная роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ устанавливается въ законодательномъ порядкѣ. Для введенія, измѣненія или отмѣны налоговъ, пошлинъ, сборовъ и всякаго рода повинностей необходимо изданіе закона.

15) Членамъ собранія народныхъ представителей принадлежитъ право законодательнаго почина.

16) Министры отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей, которые имѣютъ право запроса и интерпелляціи.

II. КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА.

1) Необходимо установление независимого суда, равного для всех. Судъ присяжныхъ долженъ получить систематическое и широкое применение въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, которыя теперь рѣшаются безъ его содѣйствія (преступленія по должности, проступки по дѣламъ печати и т. д.)

2) Необходимо изданіе закона, который облегчилъ бы привлеченіе къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона и обезпечивалъ бы практическое осуществленіе началъ законности въ управленіи.

3) Въ зависимости отъ общихъ правъ личности, необходимо скорѣйшее уничтоженіе обособленнаго и приниженаго положенія крестьянства, освобожденіе его отъ административной опеки и огражденіе его правильной формой суда.

4) Необходимо преобразовать земское и городское самоуправленіе, призвавъ къ участию въ немъ все населеніе и приблизить къ нему самыя учрежденія путемъ созданія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, съ тѣмъ чтобы кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія былъ значительно расширенъ, обнимая собой всю область мѣстныхъ интересовъ и польвъ. Земскія и городскія учрежденія должны быть вполне самостоятельны, обладая распорядительною и исполнительною властью.

5) Вопросы народнаго просвѣщенія должны быть выдвинуты впередъ въ правительственной политикѣ, которая должна измѣнить свое отношеніе къ интересамъ и задачамъ образованія.

Въ частности необходимо:

а) введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго образованія, съ расширеніемъ и поднятіемъ курса начальной школы, которая всецѣло должна быть передана органамъ мѣстнаго самоуправления; развитіе всѣхъ видовъ и средствъ дополнительнаго и вѣтшкольнаго образованія.

б) увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній въ мѣру общественной потребности; пересмотръ программы средней школы и положенія о ней, близкое участіе органовъ мѣстнаго самоуправления и общества въ завѣдываніи средней школой; возможная свобода въ программѣ средней школы и въ постановкѣ въ ней учебнаго дѣла.

в) концентрическое расположеніе всѣхъ разрядовъ школъ для созданія связи между ихъ ступенями и для облегченія перехода отъ низшей ея ступени до высшей.

г) автономія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Доступъ въ нихъ женщинамъ на одинаковомъ основаніи съ мужчинами. Свобода академическаго преподаванія. Увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній.

д) развитіе техническаго и профессиональнаго образованія.

е) свобода общественной и частной инициативы въ дѣлахъ просвѣщенія.

4) Изъ 160 № (отъ 20 окт. 1905 г.)*

Дорогіе товарищи! Пишу вамъ снова; на этотъ разъ нѣсколько словъ вообще о грустныхъ нашихъ дѣлахъ. Теперь признакомъ хорошаго тона въ рядахъ соц.-дем. стали разговоры

* Это письмо сопровождается въ газетѣ слѣдующимъ редакціоннымъ замѣчаніемъ: «При семъ препровождается для свѣдѣнія и соображеній начальникамъ Охранныхъ Отдѣленій и розыскныхъ пунктовъ копія полученнаго агентурнымъ путемъ письма за подписью Z., изъ Кіева, отъ октября 1905 г. на имя X. въ Вѣну».

о выходѣ изъ подполья, и даже не разговоры, а руготня и подполья и всей нашей предыдущей дѣятельности. Не относясь такъ строго къ прошлому и отнюдь не обольщаясь на счетъ всѣхъ этихъ новыхъ перспективъ, я все же думаю, что мы слишкомъ сжились со своими подпольными трущобами и что насъ заѣдаетъ рутина. Вотъ примѣръ. Въ настоящее время (за послѣдніе годъ-два) чтеніе легальныхъ газетъ среди рабочихъ буквально удесатерилось, особенно много читаютъ послѣдніе мѣсяцы. Помимо чтенія въ одиночку, на массѣ заводо-водовъ газеты читаются большими группами. На Брянскомъ заводѣ, напримѣръ, ежедневно, въ обѣдъ, собирается нѣсколько группъ рабочихъ, въ 30, 40, 50, 100 и 150 человекъ вокругъ чтеца газеты. Тутъ же при чтеніи складывается „общественное мнѣніе“ завода. Вы представляете себѣ во сколько разъ эта аудиторія, собирающаяся ежедневно больше всѣхъ нашихъ кружковъ, летучекъ и массовокъ, въ лучшемъ случаѣ удающихся разъ въ недѣлю. Читаютъ, главнымъ образомъ, „Сынъ Отечества“, за что насъ очень и очень благодарятъ демократы-конституціоналисты. Вѣдь мы имъ вспахиваемъ почву. Это, конечно, не мѣшаетъ либеральнымъ инженерамъ прогонять съ завода чтецовъ, преимущественно соц.-дем. На ряду съ этимъ ежедневнымъ чтеніемъ большой газеты, какъ мизерно вліяніе нашей агитаціи, нашихъ маленькихъ, блѣдныхъ и рѣдкихъ листочковъ и еще болѣе рѣдкихъ періодическихъ изданій. И нечего обольщаться на счетъ того, что газету читаютъ и комментируютъ соц.-дем. Не только среди чтецовъ-рабочихъ, но и среди пропагандистовъ-интеллигентовъ, 80—90 % не смогутъ нащупать въ каждой статьѣ буржуазной ереси и установить правильный соц.-дем. взглядъ. Попытки разбирать и подвергать критикѣ разсужденія „С. О.“ очень и очень рѣдко проходили удачно. Рабочіе знаютъ, что это — газета либеральная, что къ ней нужно относиться отрицательно, но въ чемъ ея отрицательныя стороны — не вѣдаютъ. Это происходитъ не только съ рабочими. Я знаю нѣсколькихъ сотрудниковъ провинціальной прессы, сочувствующихъ или даже именующихъ себя соц.-дем. и желающихъ проводить соответственные взгляды, но въ силу собственной безпомощности занимающихся перепѣвами Сына. Отъ этого же самого грѣха не избавлено и большинство нашихъ пропагандистовъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій слѣдуетъ выводъ: легальная газета намъ необходима, какъ ничто другое. Каждый день промедленія — непоправимое упущеніе. И мнѣ кажется, что только рутина подполья, только дурныя навыки и пережитки кружковщины не сдѣлали этого вопроса жгучимъ, большимъ вопросомъ партіи. И, между прочимъ, разговоры объ отсутствіи своей газеты ведутся среди „сочувствующихъ“ рабочихъ гораздо въ большей степени, чѣмъ среди членовъ организации. Въ Екатеринославѣ, напримѣръ, либералы, „содѣйствуя просвѣщенію народа“, раздаютъ рабочимъ

бесплатно нѣсколько десятковъ номеровъ Сына. Стоящіе внѣ организаціи рабочіе заявили либераламъ, что они будутъ брать у нихъ газеты только въ томъ случаѣ, если на каждый номеръ Сына они будутъ давать и номеръ Коммерч. Россіи. Объ этомъ фактѣ организація узнала случайно и спустя долгое время. (На диспутѣ съ с.-р., которые объявляли „Сынъ Отечества“ своимъ органомъ и всю Россійскую революцію приписывали себѣ. „Мы убили Плеве, отсюда пошла свобода печати, которая всколыхнула всю Россію“).

Мнѣ скажутъ, что я ломлюсь въ открытую дверь и ткнуть перстомъ въ соотвѣтственный пунктъ революціонной конференціи. Но вѣдь съ тѣхъ поръ протекло полгода; о легальной газетѣ рѣшительно ничего не слышно. За то въ это время создается „Пролетарское Дѣло“, приведшее въ такой восторгъ редакцію И. Редакція приглашаетъ всѣхъ содѣйствовать этому симпатичному начинанію и увѣряетъ, что оно принесетъ неисчислимыя блага рабочему движенію. Конечно, блаженны вѣрующіе. . . Но, право, восторги редакціи, мнѣ кажется, вызваны не столько новымъ самимъ изданіемъ, сколько дѣйствительно хорошей типографіей, которою группа пользуется наименѣе цѣлесообразно. Въ самомъ дѣлѣ, съ колоссальными трудностями и громадными затратами въ лучшемъ случаѣ будетъ выходить разъ въ недѣлю газетный полулистъ, на 4/5 наполненный матеріаломъ, находящимъ себѣ мѣсто и въ легальной прессѣ. Корреспонденціи этого органа скучны, какъ . . . корреспонденціи „Соц.-дем.“, а статьи — запоздалы. По моему, теперь нелегальнымъ долженъ оставаться только Ц. К., рѣдкія брошюрки и, главнымъ образомъ, листки. Подумать только: вѣдь Одесская группа при такой типографіи можетъ выпускать каждый день листки. Вѣдь она можетъ наводнить ими и фабрики, и мастерскія, и деревни, и университеты, и базары. А „Пролетарское Дѣло“ читаютъ и надъ нимъ зѣваютъ (я это видѣлъ), только десятки организованныхъ.

Можетъ быть я и ломлюсь въ открытую дверь въ томъ отношеніи, что гдѣ-то кто-то ведетъ уже кое-какіе переговоры о марксистской газетѣ. Но вѣдь не въ этомъ дѣло. Повторяю, печально, то, что вопросъ этотъ не сталъ жгучимъ для нашихъ организацій. А не сталъ онъ жгучимъ благодаря кружковой узости большинства работниковъ партіи и подпольнымъ традиціямъ. Редакція же не только не указываетъ на эту ограниченность, но еще укрѣпляетъ эти вредныя традиціи, наприм., своей рецензіей о „Прол. Дѣлѣ“.

На созданіе легальной газеты теперь должно быть направлено преимущественное вниманіе. Это, по моему, теперь самое важное, неотложное партійное дѣло. Газета, какъ ничто другое, сразу расширить, удвоить или утроить нашу работу. Но она, помимо принципіальной выдержанности и строгой партійности, должна быть популярной въ самой высокой степени,

какъ первые три номера „Соц.-дем.“. Популярность — это необходимое оружіе, которымъ можно вышибить изъ занятыхъ позицій „С. От.“, „Бирж. Вѣд.“ и „Новости“, словомъ, всю буржуазную печать, особенно если популярности будетъ соответствовать и дешевизна.

Но мнѣ укажутъ, быть можетъ, на неосуществимость подобной затѣи, на неподходящія цензурныя условія, отсутствіе средствъ и отсутствіе людей.

Что касается цензурныхъ условій, то, при всемъ моемъ пристрастии къ крѣпкому слову, я думаю, что особенной бѣды не будетъ, если слова „издыхающее самодержавіе“ будутъ замѣнены словами „отжившій строй“ или какъ-нибудь иначе. Рабочіе всегда просятъ, чтобы прокламаціи писались просто и ясно, а не крикливо и ругательно. Многія газеты уже теперь нищутъ достаточно рѣзко по существу, хотя и безъ крѣпкихъ словъ. То же самое можемъ дѣлать и мы. Конечно, газету очень скоро прихлопнутъ, но вѣдь теперь не трудно добыть нѣсколько разрѣшеній на изданіе, и черезъ день выпускать свою газету подъ новымъ заголовкомъ. Теперь съ началомъ избирательной компаніи вольности печати несомнѣнно увеличатся. Наконецъ, предъ нами не закрытъ и еще одинъ путь. Издательство Трахтенберга и Жуковой напечатало нѣсколько книгъ, не пропущенныхъ цензурой, и когда ихъ конфисковали въ Питерѣ, оно продолжало печатать эти произведенія въ легальной типографіи и разсылать по провинціи, и книжные магазины очень свободно продавали ихъ. Почему бы и въ этой области намъ не показать новыхъ примѣровъ захватнаго права, а время теперь такое, что очень скоро и въ провинціи, и въ столицахъ можно будетъ пользоваться легальными типографіями, игнорируя разрѣшенія или запрещенія цензоровъ. Такъ что предъ цензурными тяготами останавливаться нечего.

Если нѣтъ денегъ, если изсякли всѣ источники, то можно учредить акціонерное общество для изданія марксистской газеты, и въ двѣ недѣли сочувствующіе раскупятъ 200—300 сто-рублевыхъ акцій.

Людей для газеты требуется очень немного. И если ихъ нѣтъ, то потому, что пригодные для этой цѣли работники заняты мѣстной работой и пренебрежительно относятся къ „легальной“ дѣятельности. Кромѣ того, имѣется масса силъ, которыя нами не использованы и которыя сами выищутся, какъ только станетъ издаваться газета. Вотъ фактъ. Изъ редакціи „Кіев. Откл.“ вышли 8 или 9 газетныхъ сотрудниковъ въ виду того, что они разошлись съ издателями по вопросу объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Сотрудники стоятъ на точкѣ зрѣнія, какъ они въ одной легальной газетѣ выразились, извѣстнаго публициста Л. М. Между прочимъ, этотъ извѣстный публицистъ находитъ время для сотрудничества въ „Пролет. Дѣлѣ“, но ему рѣшительно некогда работать для легальной

прессы. Если бы Юлій Осиповичъ*) написалъ брошюрку о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, то она безусловно разошлась бы въ количествѣ 100 000 экз. и, помимо нѣсколькихъ сотъ рублей дохода, была бы прочитана миллиономъ читателей. Но Юлію Осиповичу некогда: онъ сотрудничаетъ въ „Прол. Дѣлѣ“, гдѣ максимумъ 1500—2000 читателей, и то сплошь — сознательные рабочіе, которымъ каждая статья въ отдѣльности очень немного дастъ. А легально въ это время о 8-ми часовомъ днѣ выходитъ брошюрка Зейделя, трактующая о томъ, что „всеобщая стачка бессмысленна“, и восхваляющая заслуги социалистическаго министра Миллерана. Расходится она тысячами и вноситъ большія недоумѣнія и смуту въ умы, тѣмъ болѣе, что ее считаютъ книжкой соц.-дем. и что ею пользуются с.-р. и анархисты для нападковъ на насъ, причемъ успѣваютъ озадачить и поставить въ тупикъ даже организованныхъ рабочихъ. Кстати, нельзя ли передѣлать брошюрку „Царская казна и народный карманъ“ такъ, чтобы ее можно было пропустить черезъ цензуру. Потребность въ такой книжкѣ огромная, а нелегальныхъ въ Екатеринославѣ попало всего 9 экз.

Ну, закончу на этомъ.

Теперь еще пару словъ о себѣ; это нелишне для иллюстраціи порядковъ центральныхъ учреждений нашихъ. 8 дней уже я здѣсь, и несмотря на то, что у меня десятки знакомыхъ, до сихъ поръ не могу добиться свиданія съ кѣмъ-нибудь изъ бюро. Положеніе самое дурацкое. Денегъ нѣтъ, жить не на что, уѣхать — не знаешь куда, да и опять-таки не на что. Въ теченіе всего этого времени никакъ не могу допроситься номеровъ „Искры“ со статьями о Государственной Думѣ, которые мнѣ чрезвычайно необходимы. Я готовъ былъ уже предположить, что я попалъ въ какую-нибудь особенно нелѣпую передрагу, или что это почему-либо ко мнѣ такое отношеніе, но я встрѣтилъ нѣсколько лицъ, испытавшихъ аналогичныя затрудненія. Все это мнѣ до того надоѣло, что я уже подыскалъ себѣ должность и поступлю на мѣсяць работать, если положеніе мое завтра не измѣнится. Завтра дѣлаю послѣднюю попытку повидать кого-нибудь. Если не удастся, останусь на мѣсяць и спишусь черезъ васъ съ какимъ-нибудь городомъ.

А въ общемъ досадно и тяжело.

Жму руку Z.

P. S. Сообщите въ ящикѣ, получено ли это и два предыдущихъ письма, можно ли пользоваться этимъ адресомъ и подь какимъ номеромъ онъ числится.

---

*) Цедербаумъ «Мартовъ».

Изъ воспоминаній М. Е. Бакая.

О черныхъ кабинетахъ въ Россіи.

Въ широкихъ слояхъ русскаго общества сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что русское правительство въ цѣляхъ сыска нарушаетъ тайну почтовой корреспонденціи, противъ чего неоднократно и заявлялись протесты, какъ въ печати, такъ и съ политическихъ трибунъ. Но такъ какъ вскрытіе частной корреспонденціи является нарушеніемъ правилъ всемірнаго почтоваго союза, и лица, виновныя въ подобномъ преступленіи, подвергаются повсюду тяжкимъ наказаніямъ, то и русское правительство, не только никогда не узаконяло перлюстраціи, но всегда и вездѣ категорически заявляло, что никакой перлюстраціи въ Россіи никогда не существовало и не существуетъ. Такъ еще недавно главный начальникъ почтъ и телеграфовъ Севастьяновъ, отвѣчая на рѣчь депутата Шингарева съ трибуны Государственной Думы, заявилъ, что, не смотря на всѣ разговоры, существованіе „черныхъ кабинетовъ“ — мифъ. Но, если это можетъ, дѣйствительно, казаться мифомъ многимъ, не посвященнымъ въ закулисную сторону дѣятельности нашего правительства, то самому г. Севастьянову слишкомъ хорошо извѣстно то, что происходитъ въ его вѣдомствѣ и подъ его покровительствомъ, а потому и заявленіе его въ Государственной Думѣ нельзя назвать иначе, какъ сознательной ложью.

Какъ то въ январѣ мѣсяцѣ 1907 года мнѣ пришлось прочесть въ вечернемъ изданіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ интервью съ Стеткевичемъ, начальникомъ петербургскаго почтамта, который тоже заявлялъ, что онъ ровно ничего не знаетъ относительно существованія „черныхъ кабинетовъ“ и увѣрялъ честнымъ словомъ, что у него въ Петербургскомъ почтамтѣ ничего подобнаго не существуетъ.

Я тогда же рѣшилъ написать и написалъ о „черныхъ кабинетахъ“ все, что зналъ, собираясь напечатать статью о нихъ гдѣ-нибудь въ газетахъ, но мой арестъ и заключеніе въ Петропавловской крѣпости помѣшали мнѣ осуществить этотъ планъ. Только теперь, чуть ли не черезъ 1½ года, я имѣю, наконецъ, возможность подѣлиться съ обществомъ своими свѣдѣніями о такъ упорно отрицаемыхъ „черныхъ кабинетахъ“.

При многочисленныхъ допросахъ въ Петропавловской Крѣпости меня обвиняли, между прочимъ, и въ попыткѣ выдать правительственныя тайны. Тутъ имѣлась въ виду отобранная у меня статья о перлюстраціи, которую я тогда готовилъ по просьбѣ В. Л. Бурцева для печати и читалъ ему ее въ рукописи. Свой отвѣтъ на обвиненіе я формулировалъ приблизительно въ такомъ духѣ: „Перлюстрацію писемъ, которая практикуется въ широкихъ размѣрахъ въ цѣляхъ сыска и которою пользуются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, я считаю преступленіемъ, но если и Департаментъ Полиціи находитъ мой рассказъ о перлюстраціи преступленіемъ, то я прошу предать меня суду.“

При дальнѣйшихъ допросахъ вопросъ объ этой моей статьѣ больше не поднимался.

И вотъ я, какъ человѣкъ, близко знакомый съ вопросомъ о существованіи „черныхъ кабинетовъ“, составляющихъ нераздѣльную часть Департамента Полиціи, заявляю о самомъ широкомъ распространеніи ихъ по всей Россіи, а, чтобы не быть голословнымъ, расскажу все, что я видѣлъ и слышалъ о нихъ.

Довольно важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ политическаго розыска служить перлюстрація писемъ. Во всѣхъ большихъ городахъ, какъ то: въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ и др., эту обязанность исполняютъ чиновники цензуры иностранныхъ газетъ и журналовъ, состоящіе при почтамтахъ, въ распоряженіе которыхъ еще до сортировки поступаетъ безусловно вся корреспонденція. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ нѣтъ цензуры, роль перлюстраторовъ исполняютъ нѣкоторые чиновники почтоваго вѣдомства, которымъ это спеціально поручено.

Сначала перлюстрировали письма только тѣхъ лицъ, о которыхъ получалось спеціальное предписаніе изъ Департамента Полиціи, но увидѣли, что изъ этого извлекалось мало существеннаго матеріала; тогда начали подвергать пересмотру вообще всѣ письма изъ-за границы и корреспонденцію внутреннюю, казавшуюся подозрительной. Изъ общей массы просматриваемыхъ писемъ получали нерѣдко цѣнныя данныя, и это дало поводъ увеличить число чиновниковъ, занятыхъ этой работой. Для этого при почтамтахъ отвели особыя помѣщенія и вообще поставили дѣло на широкую ногу.

Перлюстрацію начали производить не только по предписаніямъ Департамента Полиціи, но также по требованіямъ охранныхъ отдѣленій, жандармскихъ управленій, губернаторовъ и др. должностныхъ лицъ. Въ данное время не рѣдкость, что въ маленькихъ городахъ письма извѣстныхъ лицъ перлюстрируются по требованіямъ исправниковъ.

При такой широкой постановкѣ перлюстраціоннаго дѣла явилась полная возможность читать письма огромнаго количества лицъ, а потому въ „алфавиты“ (т. е. въ списки фамилій лицъ, корреспонденція которыхъ подлежитъ обязательной перлюстраціи, — списки эти составляются въ алфавитномъ порядкѣ), вошли не только политически неблагонадежные элементы, но и всѣ тѣ, кто по своему положенію представляетъ интересъ, какъ съ точки зрѣнія полиціи, такъ и отдѣльныхъ властей имущихъ лицъ, — сюда входятъ: представители иностранныхъ державъ, государственные дѣятели, любовницы высокопоставленныхъ лицъ и т. п. Мнѣ, напр., доподлинно извѣстно, что покойный Плеве сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы вся корреспонденція бюрократовъ, бывшихъ въ оппозиціи къ нему, подвергалась тщательному просмотру и въ копияхъ препровождалась ему лично; такимъ образомъ, ему удавалось знать все, что думали и предпринимали его противники. Укажу на то, что послѣ убійства Плеве у него сдѣлали осмотръ служебныхъ бумагъ, причѣмъ Лопухинъ, бывший въ то время директоромъ Департамента Полиціи, которому былъ порученъ просмотръ бумагъ, нашелъ копии со своихъ писемъ. Конечно, перлюстрація писемъ подобныхъ лицъ не могла производиться безъ участія г.г. Севастьяновыхъ.

Всѣ отобранныя письма остаются въ „черныхъ кабинетахъ“ и подвергаются вскрытію. Письмо сначала пробуютъ со всѣхъ сторонъ и разъединяютъ тѣ края, которые менѣе всего склеены. Для того, чтобы вынуть письмо, его можно и не распечатывать, а достаточно имѣть въ углахъ конверта маленькія щели, въ которыя продвѣаются тонкіе стальные щипцы, захватывающіе письмо и медленно сворачивающіе его въ трубку. Въ такомъ видѣ письмо легко вынимается изъ конверта, а затѣмъ, такимъ же способомъ вкладывается въ него обратно. Кромѣ этого, существуетъ еще много другихъ приѣмовъ, позволяющихъ производить незамѣтное вскрытіе письма, но, конечно, выполнение этой операціи зависитъ исключительно отъ навыка чиновника.

Изъ общей массы писемъ, поступающихъ въ почтамтъ, довольно трудно выбрать тѣ, которыя нужны, но дѣло облегчается и упрощается тѣмъ, что письма подлежащія просмотру по „алфавиту“ всегда извѣстны сортировщикамъ, и они ихъ задерживаютъ для цензуры; изъ остальной же массы выбираются подозрительныя письма и тѣ, на конвертахъ которыхъ подчеркнуты отдѣльныя слова, тѣ, которыя назначены для передачи, напр. „Ванѣ“, „Сонѣ“ и т. п.; даже внѣшній видъ письма иногда самъ по себѣ вызываетъ подозрительное къ нему отношеніе. Адресъ письма, которое оказалось неблагонадежнымъ, заносится въ „алфавитъ“, чѣмъ на будущее время вполне обезпечивается просмотръ всей корреспонденціи по этому адресу. Точно также поступаютъ съ тѣми адресами, которые встрѣчаются въ текстѣ письма.

Изъ писемъ съ подозрительнымъ или завѣдомо нелегальнымъ содержаніемъ или дѣлаются только выписки, или полностью снимаются три копіи: одна остается при цензурѣ, другая идетъ къ высшему административному лицу города или края (ген. губ., команд. войсками и т. п.) и третья обязательно въ Департаментъ Полиціи; подлинникъ же письма отправляется по назначенію. Если въ текстѣ письма встрѣчаются предупрежденія о предстоящихъ обыскахъ и арестахъ или если тамъ имѣется шифръ, то письмо въ подлинникѣ отправляется въ Деп. Полиціи, а мѣстнымъ властямъ посылается копія съ сообщеніемъ въ постскриптумѣ, что подлинникъ направленъ туда то. Мнѣ часто приходилось наблюдать, что письмо явно предосудительнаго содержанія, заключающее въ себѣ вполне опредѣленный матеріалъ для возбужденія дѣла противъ адресата или отправителя, доставляется въ подлинникѣ мѣстнымъ жандармамъ, и тѣ въ большинствѣ случаевъ арестовываютъ вмѣстѣ съ письмомъ и самого адресата. Почтамтскій цензоръ сообщаетъ жандармамъ точно, когда будетъ доставлено почталономъ письмо, и вскорѣ послѣ того на квартиру адресата является полиція съ обыскомъ.

Часто случается, что письма, подлежащія просмотру, адресуются „до востребованія“. Въ такихъ случаяхъ на почтѣ ставятъ двухъ филеровъ, и когда за письмомъ является получатель, то почтовый чиновникъ, конечно, по приказанію своего начальства, даетъ знакъ филерамъ, и тѣ устанавливаютъ слѣжку за получателемъ. Если слѣдить не представляется возможнымъ, то адресата арестовываютъ на улицѣ и препровождаютъ, куда слѣдуетъ.

Въ первыя времена, когда перлюстраціонное дѣло находилось въ зачаточномъ состояніи и когда даже чиновники Департамента Полиціи считали вскрытіе частной корреспонденціи преступленіемъ, вся поступающая въ Департаментъ Полиціи перлюстрація, въ копіяхъ и подлинникахъ, направлялась въ секретарскую часть Директора и оттуда уже разсылалась при совершенно секретныхъ предписаніяхъ въ розыскныя учрежденія. Начиная же съ 1902 года, когда дѣло политическаго розыска по всей Россіи перешло къ Зубатову, перлюстрированныхъ писемъ начало поступать такъ много, что стало необходимымъ завести для успѣшнаго веденія дѣла цѣлый штатъ чиновниковъ.

Если встрѣчаются письма съ шифромъ, то они расшифровываются специалистомъ этого дѣла чиновникомъ Департамента Иваномъ Александровичемъ Зыбинымъ (Пантелеймоновская, 9), который въ дешифровкѣ дошелъ до виртуозности, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ему не удается этого сдѣлать. Зыбинъ считается единственнымъ своего рода специалистомъ въ этой области, и онъ даже читаетъ лекціи о шифровкѣ и дешифровкѣ

на шестинедельных курсах для офицеров, поступающих в отдельный корпус жандармов.

Зыбин уже пожилой человек, занимается этим делом с давних лет, получил громадный навык, увлекается своей работой и, действительно, проявляет необыкновенную усидчивость и терпение. Кажется, в 1904 году мне пришлось быть в Департамент Полиции для получения разъяснений о некоторых дешифрованных письмах. Меня направили к Зыбину. Я, однако, в течение нескольких дней должен был ожидать свидания с ним. Оказалось, как объявил потом сам Зыбин, что он в Департамент Полиции заходит только за новым материалом, — всю же работу исполняет у себя дома. Делается это потому, что дома он может сосредоточиться над подыскиванием ключей. Там ему никто не мешает, и работа его иногда так увлекает, что он просиживает за ней по целым суткам.

Пользуясь случаем, я обратился к Зыбину с просьбой ознакомить меня с способами разбора шифров и на это получил указание, что письма с шифром заранее известных ключей дешифрируются очень легко, при этом он мне указал на некоторые ключи революционных организаций, полученные при посредстве провокаторов. Что же касается всех остальных ключей, то они подбираются по навыку и соображению; это работа в высшей степени трудная, но благодаря постоянному занятию ею ум Зыбина приспособился к всевозможнейшим комбинациям, и он с успехом справляется со своей трудной задачей. Для Зыбина важно уловить систему ключа и тогда для него не составляет труда подобрать соответствующие значения для букв или цифр. Употребляемые шифры по произведениям писателей, как то: Некрасова, Пушкина, Лермонтова и многих других, даже иностранных, часто Гейне, Беранже, безусловно все разбираются Зыбиным, ибо постоянная возня с шифрами по этим источникам изощрили его память, и иногда цифры сами по себе сразу дают ему указания на источник.

К моему удивлению Зыбин сообщил, что в последнее время многие начали пользоваться ключами, которые приведены в нелегальной брошюре „о шифрах“, изданной за границей „Бундом“, что благодаря этому ему облегчена работа, так как не приходится угадывать систему шифра, а достаточно только руководствоваться вышеупомянутой книжкой и подбором истинных значений знаков.

В последнее время Зыбину отвели отдельный кабинет при Особом отделе, и он имеет нескольких помощников, которые приучаются к дешифровке и таким образом его труд облегчается, что дает ему возможность еще больше времени отдавать для любимого занятия. Из общего знакомства с дешифровкой я вынес убеждение, что шифры партий или

комитетовъ очень часто бьвають черезъ провокаторовъ извѣстны Департаменту, а шифры по системѣ подстрочниковъ популярныхъ писателей въ большинствѣ случаевъ разбираются Зыбинымъ безъ особыхъ затрудненій. Шифрование по опубликованнымъ образцамъ, напр., въ книжкѣ Бунда, сильно облегчаетъ работу расшифровки и, наконецъ шифры по вертикальному направленію названія именъ и отдѣльныхъ выраженій никуда не годны. Самымъ лучшимъ шифромъ, почти неподдающимся расшифрованію, является любая страница малоизвѣстной книги, и эти шифры являются камнемъ преткновенія даже для самого Зыбина.

Для расшифровки пользуются въ Департаментѣ всѣми оплошностями въ перепискѣ. Часто въ письмахъ корреспондентъ сообщаетъ прямо или якобы мимоходомъ упоминаетъ о какихъ-нибудь стихотвореніяхъ, предназначенныхъ на самомъ дѣлѣ для шифра, — но такъ какъ эти письма, равно какъ другимъ путемъ посланныя зашифрованныя записки, попадаютъ одновременно въ Департаментъ, — то это даетъ жандармамъ средство для легкой разборки всей конспираціи.

Письма съ химическимъ текстомъ проявляются и, если не желаютъ, чтобы авторъ и адресатъ прекратили переписку по разъ обнаруженному адресу, то письма опять восстанавливаютъ, т.е. попросту поддѣлываютъ, и отправляютъ по назначенію. Такимъ образомъ, является полная возможность на основаніи вскрытой корреспонденціи быть въ курсѣ дѣлъ, какъ представителей организацій, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Поддѣлка восстанавливаемыхъ писемъ, партійныхъ явокъ и др., нужныхъ для чего бы то ни было документовъ, производится при Департаментѣ Полиціи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и виртуозомъ поддѣлокъ является чиновникъ Василій Николаевичъ Звѣревъ — (Пантелеймоновская, 9).

Этотъ субъектъ сначала поступилъ въ качествѣ писца въ Московское охранное отдѣленіе. Зубатовъ, замѣтивъ его необыкновенныя способности къ поддѣлкамъ, приспособилъ къ этому дѣлу и поручилъ въ то же время заниматься фотографіей. Когда Зубатова назначили въ Петербургъ завѣдывать „Особымъ отдѣломъ“ Департамента Полиціи, то онъ и Звѣрева взялъ съ собой для того же дѣла, но онъ сталъ тамъ заниматься этимъ уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Звѣревъ еще молодой человекъ, лѣтъ 28—30, очень увлеченъ своимъ дѣломъ, и когда я однажды его спросилъ, какимъ образомъ онъ достигаетъ такого искусства въ поддѣлкахъ почерковъ, то онъ съ самодовольствомъ и чувствомъ собственного превосходства отвѣтилъ: „Наука! надо всему учиться!“

Личность Звѣрева, какъ „поддѣлывателя“ въ Департаментѣ очень цѣнится, ибо пока онъ является единственнымъ въ своемъ родѣ и даже подходящаго помощника онъ не имѣетъ.

Кромѣ поддѣлокъ, Звѣревъ недурно умѣетъ разбирать шифры и оказываетъ существенную услугу Зыбину.

Главнымъ же лицомъ по перлюстраціи писемъ является чиновникъ особыхъ порученій VI класса при Департаментѣ Полиціи, Николай Дмитриевичъ Зайцевъ, который, собственно говоря, мало понимаетъ въ практическомъ значеніи перлюстраціонныхъ данныхъ, но все же завѣдуетъ всей перлюстраціей и придаетъ ей огромное значеніе. Личность эта сама по себѣ весьма ничтожна, это — исполнительный канцеляристъ, и на немъ не стоило бы останавливаться, но я все же скажу нѣсколько словъ объ его взглядахъ на перлюстрацію, которые онъ высказалъ мнѣ, хотя бы потому, что эти взгляды являются отраженіемъ мнѣній болѣе высокихъ перлюстраторовъ, какъ-то: Министра Внутреннихъ Дѣлъ, его товарища по полиціи и Директора Департамента Полиціи.

Надо сказать, что въ теченіе всего 1905 года дѣятельность политической полиціи постепенно дезорганизовалась. Происходило это оттого, что высшія власти сами не знали, что дѣлать, никакихъ прямыхъ указаній для борьбы съ революціонными выступленіями не давали и предоставляли дѣйствовать мѣстнымъ властямъ по собственному усмотрѣнію. Неудивительно, что провинціальныя власти, за исключеніемъ немногихъ, перестали заниматься розыскомъ, агентура разбѣжалась или ее распустили, и администраторы сдѣлались только сторонними зрителями происходящихъ событій. Все это естественно отразилось и на перлюстраціи, которая, хотя и поступала по инерціи изъ „черныхъ кабинетовъ“ даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, и Департаментъ Полиціи по прежнему рассылалъ копиі съ предложеніемъ произвести разслѣдованіе, больше по привычкѣ къ формальностямъ, чѣмъ по необходимости, но на мѣстахъ почти не обращали никакого вниманія на эти требованія, и они оставались неисполненными.

Въ Варшавскомъ охранномъ отдѣленіи всей перлюстраціей завѣдывалъ помощникъ начальника ротмистръ Шепель, а послѣ его ухода, ее передали мнѣ, причемъ на мою долю перешли неисполненныя требованія Департамента Полиціи почти за весь 1905 годъ.

Отвѣчать на эти бумаги не было никакой физической возможности, да къ тому же требованія бывали настолько нелѣпы и несогласованы съ измѣнившимися порядками, что я рѣшилъ не исполнять ни одного номера. Когда же въ слѣдующемъ году реакція приняла снова самыя широкіе размѣры, когда заднимъ числомъ начали вымещать злобу за причиненныя огорченія, когда все, что недавно было дозволеннымъ, сдѣлалось преступнымъ, тогда и на перлюстрацію обратили особое вниманіе. Во первыхъ, всю накопившуюся перлюстраціонную литературу за предшествовавшее время рѣшили использовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ цѣляхъ ареста всѣхъ неблагонадежныхъ

элементовъ, согласно секретной телеграммѣ Трепова отъ 11 декабря 1905 г. Потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ или его товарищи обратили особое вниманіе на данныя перлюстраціонныхъ писемъ и часто въ резолюціяхъ на нихъ приказывали автора или адресата немедленно арестовать и, если не найдется данныхъ для формальнаго дознанія, то направлять дѣло въ административномъ порядкѣ. Это являлось новинкой даже для Департамента Полиціи, и потому онъ приступилъ къ тщательному пересмотру всей неисполненной переписки, начиная съ 1904 г. Всюду были разосланы предписанія о немедленномъ исполненіи каждаго номера, причемъ тогда указывалось, что это необходимо въ виду предложенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Полученную въ наслѣдство отъ Шепеля неисполненную перлюстрацію я частью сдалъ въ архивъ, а частью уничтожилъ, не предполагая, что послѣ манифеста 17 октября такія данныя могутъ быть использованы въ качествѣ матеріала для административныхъ взысканій. Мои ожиданія не оправдались и, вмѣсто прекращенія перлюстраціи, она усилилась въ необычайныхъ размѣрахъ. Изъ Департамента Полиціи начали усиленно поступать требованія о немедленномъ исполненіи всѣхъ ранѣе поступившихъ требованій; нѣкоторыхъ изъ этихъ требованій нельзя было исполнить по той простой причинѣ, что бумаги, относящіяся къ нимъ, были уничтожены.

Въ октябрѣ 1906 года я поѣхалъ въ Петербургъ и, между прочимъ, зашелъ въ Департаментъ Полиціи, имѣя въ виду поговорить въ Особомъ отдѣлѣ о неисполненной перлюстраціи. Мнѣ указали, что по этому вопросу надо говорить съ Зайцевымъ (Пантелеймоновская, 13). Я обратился къ нему. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе недалекаго человѣка, но исполнительнаго чиновника. Собственнаго „я“ и личной инициативы въ немъ не замѣтилъ; все его существо было наполнено мнѣніемъ ихъ превосходительствъ, а исполнительность выражалась словомъ — „слушаю-съ!“.

Началъ я съ того, что объяснилъ ему всю безцѣльность заниматься въ такое время выясненіемъ данныхъ по перлюстраціи, т. к. они за давностью потеряли все свое значеніе, а по чувству справедливости пользоваться такими данными въ административномъ порядкѣ нельзя, ибо въ силу манифеста 17 октября все прошлое должно быть предано забвенію. Далѣе, я говорилъ Зайцеву о томъ, что иногда запросы изъ Департамента Полиціи поступаютъ удивительно абсурднаго характера, какъ, напримѣръ, предлагалось чуть ли не по всѣмъ письмамъ устанавливать наружное наблюденіе за авторами или адресатами. Департаменту Полиціи было хорошо извѣстно, что въ описываемое мною время въ составъ наружнаго наблюденія на всю Варшаву, включая нѣкоторыя окрестности, входило всего на всего 25 филеровъ, часть которыхъ занималась въ канцеляріи, а 2-3 человѣка по-

стоянно дежурили при Отдѣленіи на всякій случай. Такимъ образомъ, въ среднемъ въ ежедневномъ наблюденіи бывало не болѣе 17-20 человѣкъ, а требованія по перлюстраціоннымъ даннымъ достигали тысячи. Или, наприимѣръ, нерѣдко изъ Департамента Полиціи получалась шифрованная телеграмма такого содержанія: „Нѣкій „Борисъ“ въ письмѣ изъ Варшавы въ Минскъ отъ такого то числа пишетъ, что имъ на дняхъ отправляется литература. Немедленно установите за „Борисомъ“ наблюденіе, выясните сношенія и арестуйте съ литературой“ и т. д. Изъ письма неизвѣстно, какая отправляется литература, кромѣ „Бориса“ другихъ указаній на автора нѣтъ, но Департаментъ Полиціи тѣмъ не менѣе за телеграммой присылаетъ бумагу съ такой же резолюціей министра внутреннихъ дѣлъ. Треповъ былъ еще болѣе простъ и лакониченъ въ резолюціяхъ. Онъ на перлюстраціяхъ писалъ въ большинствѣ случаевъ такого рода резолюціи: „автора арестовать и заключить въ тюрьму“, „автора арестовать и выслать въ сѣверную губернію“, „адресата арестовать и заключить въ тюрьму, пока не назоветъ автора“ и т. д.

Я считалъ вопросъ о перлюстраціи настолько серьезнымъ, что старался детально выяснить Зайцеву всю невозможность и во многомъ бесполезность исполненія требованій Департамента; указывалъ на то, что охранный отдѣленіе независимо отъ Департамента получаетъ изъ цензуры копии тѣхъ же самыхъ писемъ и, если въ нихъ имѣются цѣнные указанія, то всегда старается ихъ использовать въ розыскныхъ цѣляхъ.

Мнѣ пришлось, однако, только пожалѣть, что я старался убѣждать человѣка безъ собственнаго мнѣнія, т. к. я на все получалъ отвѣтъ въ такомъ духѣ: „Мы должны пользоваться всеми средствами для борьбы съ революціей и революціонерами, а перлюстраціонныя данныя являются одними изъ самыхъ серьезныхъ, подлежащихъ сомнѣнію, данныхъ о неблагонадежности той или иной личности. Въ другихъ свѣдѣніяхъ могутъ возникать сомнѣнія, но въ личностяхъ, которыя пишутъ или которымъ пишутъ сомнѣніямъ нѣтъ мѣста. На перлюстрацію теперь обращено особое вниманіе и г. министръ приказалъ докладывать ему копии съ тѣхъ перлюстрированныхъ писемъ, которыя заслуживаютъ вниманія и, какъ сами видите, Департаментъ Полиціи на это обратилъ вниманіе и при предписаніяхъ цитируетъ резолюцію. Тѣ письма, на которыя Департаментъ Полиціи раньше, въ 1904, 1905 гг. не обращалъ вниманія, теперь подлежатъ пересмотру и реализаціи“...

На этомъ нашъ разговоръ и кончился. Что на свѣтъ божій была вытащена перлюстрація за старые годы, то въ этомъ я тогда же убѣдился лично, такъ какъ за однимъ изъ столовъ въ Департаментѣ Полиціи я увидѣлъ чиновника, роющагося въ этомъ хламѣ.

Изъ Департамента Полиціи копии перлюстрированныхъ пи-

семь отправляются начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій и въ охранныя отдѣленія тѣхъ городовъ, гдѣ проживаютъ авторы и адресаты, съ предложеніемъ выяснитъ ихъ личности, дѣятельность и сношенія и о полученныхъ данныхъ увѣдомить. Въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса и т. д. выясненія по письмамъ поручаются полицейскимъ надзирателямъ охранныхъ отдѣленій, которые при посредствѣ швейцаровъ, дворниковъ и прочихъ полуполицейскихъ лицъ выясняютъ образъ жизни и, до нѣкоторой степени, связи адресата. Иногда удается добраться и до дѣйствительнаго адресата, разъ письмо предназначается для передачи. Если изъ переписки видно, что авторъ или адресатъ играютъ не послѣднюю роль въ революціонной организаціи и установка ихъ связей можетъ дать цѣнные данныя, то за такими лицами учреждается филерское наблюденіе. Но это бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ филеры безъ внутренняго освѣщенія являются бесполезными; поэтому всегда стараются данныя перлюстраціи освѣтить внутренней агентурой, т. е. секретными сотрудниками-провокаторами. Болѣе или менѣе точныя разслѣдованія по перлюстраціоннымъ даннымъ производятъ только нѣкоторые охранныя отдѣленія; въ большинствѣ же случаевъ и охранники, и жандармы заботятся лишь о томъ, чтобы исполнить номеръ бумаги, предписывающей произвести разслѣдованіе перлюстраціонныхъ данныхъ. Они производятъ обыски и аресты, зачастую совершенно ошибочные, хотя это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ направлять подобныя дѣла въ административномъ порядкѣ.

Официально отрицая практику перлюстраціи писемъ, жандармы никогда не предъявляютъ матеріала, полученнаго этимъ путемъ въ качествѣ доказательства, а формулируютъ его, какъ агентурныя данныя; поэтому неудивительно, что многія лица не знаютъ, за что они арестованы и идутъ въ ссылку. Мнѣ, напримѣръ, извѣстны случаи, когда арестовывали дѣтей 12-14 лѣтъ и стариковъ 60-70 лѣтъ только потому, что ихъ именами пользовались для адреса иногда безъ ихъ вѣдома, а такъ какъ жандармамъ не удавалось установить дѣйствительнаго получателя, то они и набрасывались на фиктивныхъ адресатовъ.

Въ послѣдніе годы дѣловая переписка между представителями революціонныхъ организацій, повидимому, значительно сократилась, потому и перлюстрація перестала давать нити для большихъ дѣлъ. Объясняется ли это большей конспиративностью или просто революціонныя организаціи отказались пользоваться почтой, но во всякомъ случаѣ, это большой поворотъ къ лучшему. Въ началѣ же девятисотыхъ годовъ, особенно въ 1902—4 гг., всѣ почти революціонныя организаціи вели обширную переписку самаго конспиративнаго свойства. Правда, письма зашифровывались, но вѣдь ключъ при посредствѣ провокаторовъ очень часто дѣлался достояніемъ Департамента Полиціи,

химическій текстъ возстановливался Звѣревымъ и, такимъ образомъ, вся эта революціонная переписка проходила черезъ Департаментъ. За это революціонеры жестоко платились, повидимому, не подозревая, что являются сами виновниками многочисленныхъ арестовъ.

Укажу на то, что въ 1902—3 годахъ Департаменту Полиціи были извѣстны ключи социалистовъ-революціонеровъ, искровцевъ и бундистовъ, было извѣстно очень много адресовъ, какъ русскихъ городовъ, такъ и заграничныхъ, по которымъ направлялась конспиративная переписка. За всей такой корреспонденціей на почтѣ велось тщательное наблюденіе. Достаточно указать на то, что петербургскій комитетъ „Искры“ въ 1902 году былъ „разработанъ“ по письмамъ Лепешинскаго, Радченко, Шнеерсона и др., арестованныхъ по одному и тому же дѣлу въ Петербургѣ. Въ 1903 году по перлюстраціи были установлены всѣ данныя о съѣздѣ той же партіи и выяснено много делегатовъ изъ Россіи.

Въ 1902 и 1903 гг. большую потерю понесла благодаря перлюстраціи партія социалистовъ-революціонеровъ; такъ, напримеръ, вся переписка, происходившая между Саратовомъ, Киевомъ, Харьковомъ и Петербургомъ находилась всецѣло въ рукахъ Департамента, и послѣдовавшіе аресты многимъ обязаны именно перлюстраціи.

Но самыми неосторожными и злѣйшими врагами своей организаціи являлись „бундисты“. Ихъ шифръ былъ извѣстенъ со дня съѣзда; его выдалъ провокаторъ Арнатскій, убитый впоследствии въ Пинскѣ. Начавшаяся переписка между организаціями отдѣльныхъ городовъ и заграничнымъ комитетомъ сейчасъ же была обнаружена и не выпускалась до полной ея реализаціи; даже переписка, зашифрованная на жаргонѣ или древнееврейскомъ языкѣ была дешифрируема и возстановливаема специалистами.

Вся переписка, происходившая между заграничнымъ комитетомъ, большею частью съ Иосифомъ Милемъ, который подписывался псевдонимами — „Гдаль“, „Гдаль Давидовъ“, „Гдаль Залмановичъ“ и т. д., съ внутренними городами Россіи (съ нимъ переписывались Вайнштейнъ, Роза Левинъ, Невскій, Кацъ и др.), проходила черезъ Департаментъ Полиціи. Для того, чтобы письмо попало изъ Террите и Интерлакена (въ Швейцаріи) въ Варшаву, Сувалки и другія мѣста надо всего 48 часовъ, между тѣмъ, такія письма иногда получались черезъ 7-10 дней, и вполне понятно то справедливое негодованіе г. Миля, которое онъ часто высказывалъ своимъ корреспондентамъ, на задержку въ письмахъ.

Аресты, произведенные 9 августа 1903 года въ Варшавѣ среди „бундистовъ“, явились результатомъ разработки перлюстраціонныхъ данныхъ безъ малѣйшаго участія провокатуры.

Среди членовъ польскихъ партій такой переписки не су-

ществовало, но еврейская фракція Польской Соціалистической Партіи проявила менѣ конспиративности въ своихъ сношеніяхъ съ Гродно, Вильно, Ковно и другими мѣстностями.

Укажу еще на одинъ случай провала цѣликомъ всей организаціи благодаря перепискѣ, къ тому же освѣщенной агентурой.

Въ 1905 г. въ Варшавѣ была арестована военно-революціонная организація (Петренко, бр. Фриуафъ, Писаревскіе и пр.), причемъ здѣсь не только виновать секретный сотрудникъ Герасимъ Мирзоевъ, но и переписка упомянутыхъ лицъ. Печальнѣе и поучительнѣе всего то, что въ частной перепискѣ членъ этой организаціи Ц. Д. давала хорошій матеріалъ охранному отдѣленію для соображеній. Если эта личность и была оправдана, то лишь потому, что перлюстраціонныя данныя „изъ принципа“ не были представлены въ судъ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ.

Если въ настоящее время революціонные дѣятели, какъ представители партій, прекратили или уменьшили конспиративную переписку, то взамѣнъ этого увеличилась до невѣроятныхъ размѣровъ переписка между отдѣльными революціонерами или только сочувствующими имъ лицами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, усилилась дѣятельность „черныхъ кабинетовъ“ и аресты по перлюстраціоннымъ даннымъ. Существуетъ привычка у молодежи обоюго пола писать обязательно о политикѣ, часто преувеличивать свое значеніе въ движеніи, сообщать о томъ, что онъ или она бываютъ на сходкахъ, занимаются въ кружкахъ, таинственно намекаютъ на то, что они принимаютъ участіе въ чемъ то важномъ, готовящемся совершиться. Нерѣдко сообщаютъ, что они поддерживаютъ знакомства съ общественными дѣятелями, приписывая послѣднимъ чуждыя имъ и неправдоподобныя роли. Въ такихъ письмахъ много бахвальства, но авторы и не подозреваютъ, какой громадный вредъ приносятъ они себѣ, своимъ друзьямъ и упоминаемымъ въ письмахъ лицамъ. Письма съ загадочными намеками, попавъ въ руки жандармовъ, подвергаются провѣркѣ. Если эта провѣрка окажется безрезультатной, то жандармы рѣшаютъ, что авторъ или говоритъ неправду или ведетъ свое дѣло слишкомъ тонко, а потому его „на всякій случай“ арестовываютъ и ссылаютъ.

Мнѣ пришлось наблюдать много жертвъ собственной неосторожной переписки. Приведу только три случая, но довольно характерныхъ.

Одна дѣвица пріѣхала изъ Бахмута Екатериин. губ. въ Варшаву учиться пляшному мастерству; вошла ли она въ мѣстную организацію „Бунда“ — не знаю, но только незадолго до 1 мая она написала письмо своей сестрѣ въ Бахмутъ, въ которомъ сообщала, что они готовятся попотчевать генераль-губернатора „бомбочками“ и что ими (т. е. бундистами) уже брошено нѣсколько бомбъ въ казаковъ. Письмо попало въ перлюстрацію и,

несмотря на всю его абсурдность, оно подняло цѣлый переполохъ. Полетѣли телеграммы и, въ концѣ концовъ, сестру авторши обыскали, но она успѣла письмо сжечь, а авторша успѣла до ареста выѣхать изъ Варшавы. Все кончилось хорошо только потому, что письмо уничтожили во время. Но, вѣдь, авторша письма, несомнѣнно, попала бы подъ военный судъ, ибо въ это время въ Варшавѣ бросались бомбы, но только не бундистами, а Польской Соціалистической Партіей, и виновники не находились.

Другой случай былъ въ 1906 году. Анархистка Л. написала письмо въ Лондонъ, въ которомъ сообщала, что „апельсины“ получены и скоро генераль-губернаторъ будетъ ихъ кушать. На основаніи этого письма Л. была арестована и внесена въ списокъ лицъ, подлежащихъ разстрѣлу въ административномъ порядкѣ. Писала Л. неправду, ибо въ то время въ Варшавѣ никакихъ анархистовъ не существовало, а о покушеніи не было даже и рѣчи.

Наконецъ, еще болѣе характерный случай произошелъ съ бундистомъ Борисомъ Герцикомъ въ Варшавѣ въ 1904 г. Онъ задумалъ поступить въ сотрудники охраннаго отдѣленія, чтобы узнавать тамъ секреты въ интересахъ революціонныхъ организацій. Уже сама по себѣ такая мысль является нелѣпой, ибо для всякаго секретнаго сотрудника (провокатора) тайны охранокъ остаются тайнами: дальше конспиративной квартиры и арестовъ по его же даннымъ онъ ничего больше знать не можетъ. Тѣмъ не менѣе, Герцикъ упорно добивался сотрудничества, ходилъ въ охранное отдѣленіе, получалъ деньги, давалъ требуемыя свѣдѣнія, просилъ, чтобы его временно засадили въ тюрьму для того, чтобы приобрести больше довѣрія среди революціонеровъ. Въ то же время онъ сталъ писать длинныя посланія своей невѣстѣ въ Кіевъ, въ которыхъ подробнымъ образомъ описывалъ свои намѣренія и всѣ переговоры съ охранкой. Съ перваго же письма вся переписка сосредоточилась въ охранномъ отдѣленіи, но Герцикъ, ничего не подозрѣвая, писалъ о своихъ успѣхахъ въ дѣлѣ завоеванія довѣрія начальства и, въ концѣ концовъ, его арестовали и по постановленію Особаго Совѣщанія куда то выслали.*)

Независимо отъ того, что почтовое вѣдомство всегда къ услугамъ жандармской полиціи, жандармы имѣютъ полную возможность во всякое время явиться въ почтово-телеграфныя учрежденія и произвести выемку нужной корреспонденціи; для этой цѣли изъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ выдаются открытые листы. Для примѣра приведу одинъ изъ такихъ документовъ.

*) Статья эта уже была набрана, когда въ Женевѣ было обнаружено, что Герцикъ состоитъ агентомъ Гартинга (Петровскаго), представителя департамента полиціи въ Парижѣ, — очевидно, Герцикъ этимъ ремесломъ своимъ занимался давно.

Стереотип

Открытый лист Начальника
Главнаго Управления почты и теле-
графовъ.

Предъявителю сего Начальнику
Варшавскаго Кондачискаго Охраннаго
Отдѣленія Подполковнику Ковалевскому
предоставляется право производить
осмотръ и въ случаѣ необходимости
выписку подлинныхъ телеграммъ, от-
правленныхъ изъ почтово-телеграф-
ныхъ и телеграфныхъ учрежденій, при-
чемъ, если произведена выписка, то
долженъ быть составленъ о селъ актъ
за подписью Начальника учрежденія
и Подполковника Ковалевскаго

Начальникъ
Главнаго Управления Е. Андреевскій

№ 267.
14. Июня 1903.

Начальникъ Отдѣленія Адамъевичъ

Этотъ документъ стереотипенъ, одного типа для всей Россіи,
и пользоваться имъ могутъ не только тѣ лица, на имя кото-
рыхъ онъ написанъ, но всякій, кто его имѣетъ при себѣ.
Мнѣ лично приходилось неоднократно являться въ варшав-
скія почтово-телеграфныя отдѣленія съ этимъ самымъ листомъ,
я заявлялъ, кто я, — и мнѣ предоставляли полную свободу

ряться, гдѣ было нужно. Никакихъ актовъ при этомъ не составлялось и я имѣлъ возможность снимать копіи, сличать почерки и т. д. Между прочимъ, по этому открытому листу, когда послѣ убійства въ Варшавѣ с.-р.-рами извѣстнаго ихъ провокатора Николая Татарова, мнѣ было поручено слѣдствіе по этому дѣлу, мною были получены копіи телеграммъ, которыми онъ обмѣнивался съ Рачковскимъ и Гуровичемъ. Татаровъ служилъ при Департаментѣ Полиціи и Варшавское Охр. Отдѣленіе ничего не знало о немъ. Только во время слѣдствія, а потомъ отъ Гуровича, Марграфскаго и друг., я узналъ, что Татаровъ дѣйствительно былъ провокаторомъ.

Еще проще постуиаютъ при наблюденіяхъ за извѣстными лицами. Если филерами замѣчено, что наблюдаемое лицо бросило письмо въ почтовый ящикъ, то одинъ изъ филеровъ немедленно отправляется на главную почту къ цензору или начальнику почты и, согласно установившемуся порядку, проситъ просмотрѣть всю корреспонденцію изъ указаннаго почтового ящика. Такимъ путемъ иногда удается извлекать очень полезный для сыска матеріаль.

Заканчивая настоящую статью о „миѳическихъ“ „черныхъ кабинетахъ“, не могу не сказать, что успѣшнѣе всего перлюстрація производится въ Петербургѣ и Варшавѣ, причемъ выдающимися сыщиками въ этомъ дѣлѣ являются: въ первомъ— П. Бронниковъ (Новоисаковская ул., 18, Петербургъ), а во второй — фонъ-Кребсъ (Пенкная, 16-а, Варшава), оба цензора. Съ первымъ изъ нихъ мнѣ пришлось даже неоднократно переписываться по дѣлу перлюстраціи, причемъ долженъ сказать, что Бронниковъ занимается перлюстраціей не въ цѣляхъ служебныхъ выгодъ, а исключительно изъ любви къ дѣлу. Онъ человѣкъ богатый, имѣетъ состоянія около 600 тысячъ рублей, слѣдовательно, матеріально вполне независимъ, но работа „черныхъ кабинетовъ“ его такъ увлекла, что онъ положительно вошелъ въ нее съ головой. Уловить письмо съ „хорошимъ“, „и интереснымъ“ содержаніемъ и подѣлиться имъ немедленно съ охранкой сдѣлалось для него главнымъ смысломъ въ жизни.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются еще статьи Бакая: о провокаціи и провокаторахъ, о наружномъ наблюденіи, пыткахъ въ Варшавѣ, разстрѣлахъ въ административномъ порядкѣ, убійствахъ, вооруженныхъ сопротивленіяхъ, динамитныхъ мастерскихъ, устраиваемыхъ охранными отдѣленіями черезъ своихъ агентовъ, о зубатовщинѣ, характеристики дѣятелей охранныхъ отдѣленій и департамента полиціи и т. д.

Редакція.

Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія.

Послѣ долголѣтней моей эмигрантской жизни за границей, въ октябрѣ 1905 г. я очутился въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ почти все время я жилъ въ Россіи или Финляндіи.

За это мое пребываніе въ Россіи мнѣ удалось въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія видѣть и слышать много любопытнаго. Въ Парижѣ, на страницахъ заграничнаго „Былого“, объ этомъ я могу теперь кое-что разсказать. Сдѣлаю это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что поиски за этими матеріалами я продолжаю и теперь и, мнѣ кажется, что мои методы собиранія матеріаловъ вѣрны и даютъ желаемые результаты. Такимъ образомъ, мой разсказъ, быть можетъ, будетъ полезенъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы итти къ намъ навстрѣчу, и натолкнетъ ихъ на мысли болѣе умѣлаго использованія ими ихъ связей и свѣдѣній.

За эти годы мнѣ пришлось видѣть лучшихъ, наиболѣе яркихъ представителей оппозиціоннаго и революціоннаго движенія, и встрѣчи съ ними мнѣ дали очень много. Но пока объ этихъ встрѣчахъ я не намѣренъ говорить по различнымъ обстоятельствамъ, — тѣмъ болѣе, что наша дальнѣйшая совмѣстная работа съ этими товарищами по отыскиванію историческихъ матеріаловъ и изученія ихъ не требуютъ большихъ переговоровъ. Каждая новая книжка „Былого“ лучше всего будутъ говорить товарищамъ, на чемъ мы могли съ ними сойтись.

Я буду говорить о своихъ встрѣчахъ съ представителями иной среды, гдѣ я нашелъ чрезвычайно много важнаго и любопытнаго для изученія русскаго освободительнаго движенія. Тамъ я получилъ и драгоцѣннѣйшіе документы и объясненіе многоаго такого, что для меня до тѣхъ поръ было не ясно.

* * *

Одна изъ наиболѣе любопытныхъ моихъ встрѣчъ въ этомъ родѣ — была встрѣча съ М. Е. Бакаемъ, чьи воспоминанія начинаются печатаніемъ съ этого номера „Былого“.

(Въ маѣ 1906 г.) ко мнѣ въ Петербургѣ пришелъ еще молодой человекъ, лѣтъ 27—28, и заявилъ, что желаетъ поговорить со мной наединѣ по одному очень важному дѣлу. Когда мы остались съ глазу на глазъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Вы — В. Л. Бурцевъ, — я Васъ знаю очень хорошо, — вотъ Ваша карточка, — я ее взялъ въ Департаментъ Полиціи, — по этой карточкѣ Васъ разыскивали.

Я еще не произнесъ ни слова, и мой собесѣдникъ послѣ нѣкоторой паузы сказалъ:

— По своимъ убѣжденіямъ я — с.-р., а служу въ Департаментѣ Полиціи чиновникомъ особыхъ порученій при варшавскомъ охранномъ отдѣленіи.

— Что же Вамъ отъ меня нужно? — спросилъ я.

— Скажу Вамъ прямо, — отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ: — я хочу узнать, не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезнымъ освободительному движенію?

Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, — въ головѣ у меня прогеслись роемъ десятки разныхъ предположеній... Вопросъ былъ поставленъ прямо... Я почувствовалъ, что предо мной стоялъ человекъ, который, очевидно, выговорилъ то, что долго лежало у него на душѣ и что онъ сотни разъ обдумывалъ, прежде чѣмъ переступить мой порогъ.

Я отвѣтилъ, что очень радъ познакомиться и обстоятельно поговорить, что освободительному движенію полезнымъ можетъ быть каждый человекъ, а особенно служащій въ Департаментѣ Полиціи, — если только онъ хочетъ честно, искренне откликнуться на нашъ призывъ.

Мой собесѣдникъ сталъ говорить, что онъ могъ быть полезнымъ въ нѣкоторыхъ с.-р-скихъ практическихъ дѣлахъ, но я его остановилъ словами:

— Я — литераторъ, занимаюсь изученіемъ исторіи освободительнаго движенія, ни къ какимъ партіямъ не принадлежу, и лично я буду говорить только о томъ, что связано съ вопросами изученія исторіи освободительнаго движенія и вопросами, такъ сказать, гигиеническаго характера: выясненіемъ провокаторства и въ прошломъ и въ настоящемъ.

Мой собесѣдникъ, очевидно, не ожидалъ, что я сведу разговоръ на такія, повидимому, безобидныя темы, и мнѣ пришлось очень долго ему объяснять, что его услуги, какъ человека, служащаго въ Департаментѣ Полиціи, могутъ имѣть огромное значеніе для изученія освободительнаго движенія и для агитаціи на современныя политическія темы. Мои надежды на агитацію и на Думу особенно его смущали. Онъ твердилъ, что Думу, черезъ мѣсяць—полтора разгонять, что жандармскія силы мобилизуются всюду, что вѣроятію военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ возстаній не придадутъ никакого значенія, что предстоить жестокая реакція и т. д. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы я возлагалъ такія надежды на литературу и заботамъ о ней отводилъ столько мѣста въ нашихъ переговорахъ.

Мой новый знакомый во время первой же нашей встрѣчи хотѣлъ рассказать свою біографію, но я его остановилъ, сказавши, что это пока для меня не нужно, такъ какъ я буду говорить съ нимъ только на литературныя темы, — и лишь впоследствии я узналъ, что это былъ Бакай.

Меня, конечно, занялъ вопросъ о мотивахъ, которые привели Бакаю ко мнѣ, и я его спросилъ объ этомъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что на службу въ Департаментъ Полиціи онъ поступилъ случайно, всегда тамъ чувствовалъ себя чуждымъ человекомъ, такъ какъ характеръ службы былъ ему ясенъ, служилъ по инерціи, пока событія послѣдняго времени такъ не раскрыли глаза ему, что далѣе оставаться на службѣ не было силъ. Еще въ 1905 году онъ дѣлалъ попытки переговорить съ

революционерами, но ничего из этого не выходило. Онъ заявилъ мнѣ, что къ рѣшенію придти ко мнѣ его привело одно лишь желаніе быть полезнымъ освободительному движенію, и онъ не имѣетъ въ виду какихъ-либо личныхъ интересовъ: въ денежномъ отношеніи онъ обставленъ прекрасно и бюрократическая карьера у него обезпечена, еслибы онъ желалъ продолжать службу. Онъ упомянулъ и возможности провала, но сказалъ, что это его не останавливаетъ, что оставаться на службѣ ни въ коемъ случаѣ не считаетъ болѣе возможнымъ.

Когда онъ говорилъ объ охранномъ отдѣленіи и въ яркихъ краскахъ рисовалъ, что скрывалось тамъ за его стѣнами, — я часто прерывалъ его словами: „Да, да, — мы знаемъ все это!“. На это онъ мнѣ десятки разъ повторялъ: „Нѣтъ, — Вы всего этого не знаете, — Вы даже не подозреваете, какіе ужасы творятся тамъ!“

Онъ говорилъ тономъ искренняго человѣка, — я и тогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ пришелъ ко мнѣ безъ задней мысли (какъ это не разъ приходили другіе), а съ желаніемъ выйти на новую дорогу. Впослѣдствіи — я въ этомъ убѣдился вполне, но вначалѣ такъ увѣренъ я не могъ быть. . . Наша встрѣча была такъ необычайна: — сошлись представители двухъ различныхъ міровъ, еще вчера говорившіе на различныхъ языкахъ, и притомъ мы говорили въ Петербургѣ, въ предѣлахъ „достигаемости“ большихъ и малыхъ Герасимовыхъ, Думбадзе и т. п.

Мы говорили цѣлыми часами. Предо мной открылся совершенно новый міръ — съ иными нравами, иной логикой, иными интересами, иной терминологіей. Я, напримѣръ, долго не могъ усвоить, что „сотрудникъ“ означаетъ „провокаторъ“. Мнѣ не безъ труда постепенно удавалось усваивать себѣ то, что я слышалъ отъ Бакаля.

Мы видѣлись съ Бакаемъ разъ—два въ мѣсяцъ, а съ его переѣздомъ въ Петербургъ эти свиданія стали еще чаще.

Я съ самаго начала сталъ убѣждать Бакаля писать свои воспоминанія, и онъ рѣдкій разъ приходилъ ко мнѣ безъ какого-нибудь новаго наброска изъ прошлаго или безъ разсказа о томъ, что дѣлалось теперь. Но объ этомъ разскажу подробнѣе — послѣ какъ-нибудь.

Иногда разсказы Бакаля меня приводили въ ужасъ.

Такъ, однажды, онъ пришелъ и сообщилъ мнѣ:

— Вчера закончился съѣздъ с.-р. въ Тамерфорсѣ, — приняты такія резолюціи.

До этого отъ партійныхъ людей я слышалъ, что съѣздъ с.-р. долженъ былъ состояться, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ начался или даже скоро долженъ состояться.

— Откуда Вы знаете это? — спрашиваю я.

— Былъ въ Департаментѣ Полиціи у завѣдующаго агентурой по Б.О. с.-р.-овъ, — „они“ уже получили свѣдѣнія о съѣздѣ.

Черезъ нѣсколько дней этими своими свѣдѣніями я подѣлился съ с.-р. цекистомъ Крафтомъ.

— Да, съѣздъ именно въ такой-то день закончился. Откуда вы узнали объ этомъ? — спросилъ онъ.

— Прямо изъ Департамента Полиціи! — отвѣчалъ я, и объяснилъ, какъ я узналъ. Крафтъ изумился не менѣе меня.

Рѣдко на свиданія со мной Бакаля приносилъ интересные документы, — такъ имъ была принесена и записка Пѣтухова, надѣлавшая

въ свое время большой шумъ и въ прессѣ, и въ средѣ правительства. Была назначена даже специальная коммиссія для изслѣдованія того, какъ могла попасть въ печать эта записка, переписанная въ одномъ экземпляръ и предназначенная для 3—4 лицъ. Больше всѣхъ, кажется, бился подъ этой загадкой помощникъ ген.-губ. Утгофъ, и такъ и не могъ ее разгадать, а „ларчикъ просто открывался“. Утгофъ такъ дорожилъ запиской Пѣтухова, что не рѣшился послать ее съ кѣмъ-нибудь для прочтенія варшавскому начальнику охраннаго отдѣленія Заварзину и лично самъ ее отвезъ, но не могъ дожидаться Заварзина и далъ ее Бакаю для передачи ему. Бакаю ровно столько пришлось дожидаться прїезда Заварзина, сколько нужно было времени, чтобы снять копию съ этой записки. Остальное понятно само собой.

Помню съ какимъ изумленіемъ я услышалъ отъ Бакая въ первый разъ въ Петербургѣ еще лѣтомъ 1906 года, что черезъ порогъ охраннаго отдѣленія перешагнулъ и... Бржозовскій! Еще болѣе меня изумилъ этимъ польскій революціонеръ, которому я тогда же сообщилъ объ этомъ. Полякъ любилъ Бржозовскаго, зачитываясь его статьями, видѣлъ въ немъ талантливаго выразителя своихъ взглядовъ на соціальные и политическіе вопросы. Черезъ полгода я встрѣтился съ польскимъ с.-д., яркимъ политическимъ врагомъ Бржозовскаго, и сообщилъ ему объ этомъ глубоко печальномъ извѣстїи. Онъ былъ пораженъ и все повторялъ: „Неужели?! — нѣтъ, — это ужасно!“ Я понимаю, что, когда извѣстія о Бржозовскомъ въ началѣ 1908 г. стали, наконецъ, общимъ достояніемъ, и его имя, какъ чловѣка, служившаго въ охранномъ отдѣленїи, попало въ печать въ списки 50 вновь открытыхъ провокаторовъ, нашлись два польскіе литератора, которые въ отдѣльной брошюрѣ защищали Бржозовскаго. Они находили недопустимымъ, что онъ одновременно писалъ свои чудныя статьи и бѣгалъ въ охранное отдѣленіе за получкой 30 сребренниковъ. Можетъ быть, Бржозовскій еще найдетъ въ себѣ достаточно силъ сказать: „виноватъ!“ и съ обычнымъ своимъ талантомъ расскажетъ ужасъ паденія такого чловѣка, какъ онъ...

Въ концѣ 1906 г. Бакай, по моимъ настояніямъ, бросилъ службу въ варшавскомъ охранномъ отдѣленїи, подалъ въ отставку и перѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ на свободѣ занялся писаніемъ своихъ воспоминанїи. Онъ приносилъ мнѣ свои статьи для просмотра и по моимъ указанїямъ дѣлалъ потомъ необходимыя дополненїя.

Но писать воспоминанїя въ виду Петропавловской крѣпости оказалось для Бакая не такъ-то легко и безопасно. Произошли нѣкоторыя обстоятельства, и въ охранномъ отдѣленїи заподозрили Бакаю въ измѣнѣ... Констатировать, что онъ ходилъ ко мнѣ два-три раза въ недѣлю и просиживалъ цѣлыми часами было дѣломъ не хитрымъ. За нимъ стали ходить по пятамъ сыщики, — я убѣждалъ его скрыться. Онъ разъ съ чемоданомъ уже былъ на финляндскомъ вокзалѣ, но увидавши за собой усиленную слѣжку, не уѣхалъ. Онъ все еще думалъ, что „его“ не рѣшатся арестовать! Но вотъ, 31 марта, раннимъ утромъ, его обыскиваютъ, отбираютъ часть просмотрѣнныхъ мною рукописей о пыткахъ въ Варшавѣ, о перлюстраціи, о черныхъ кабинетахъ и т. д., и арестовываютъ.

Въ рукахъ охранниковъ очутился не обычный типъ революціонера. Еще вчера о Бакаѣ никто въ охранкѣ не думалъ, какъ о своемъ врагѣ. Онъ зналъ ихъ секреты, пользовался ихъ безусловнымъ довѣріемъ, онъ

Какая!

31/III 1908

состоялъ уже на дѣйствительной службѣ, вразъ получилъ чинъ чиновника шестого класса, жалованье ему давали до 300 руб. въ мѣсяць... Идутъ усиленные допросы Бакая, ему грозятъ военнымъ судомъ за измѣну, за указаніе провокаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тогда уже были убиты, а другіе вышли, такъ сказать, въ тиражъ, но въ рукахъ жандармовъ оказались лишь бакаевскія статьи по исторіи освободительнаго движенія, да указанія на знакомство со мною. Стараясь въ допросахъ припутать къ дѣлу меня, — я тогда жилъ въ Петербургѣ, — усиленно слѣдятъ за мной по пятамъ, но благополучно проходитъ мѣсяць, и я съ паспортомъ уѣхалъ за границу.

Предать суду Бакая было очень неудобно, — очевидно, нельзя было бы обойти молчаніемъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ о перлюстраціи, о провокаціи въ дѣлахъ съ бомбами, которыя выплыли бы наружу, и вотъ его содержатъ въ Петропавловской крѣпости и послѣ 8 мѣсяцевъ ссылаютъ на три года въ Обдорскъ, гдѣ такъ удобно похоронить и его, и его любопытныя свѣдѣнія. Но за Бакаемъ слѣдомъ ѣдетъ революціонеръ, и въ Тюмени Бакаю удается устроить побѣгъ. Черезъ недѣлю я встрѣтилъ его въ Финляндіи. Это было послѣ ареста Карла, когда надъ всѣми висѣла гроза высылки. Бакая немедленно отправили за границу.

Черезъ 2—3 недѣли я выѣхалъ изъ Финляндіи въ Парижъ и тамъ снова встрѣтилъ Бакая. На rue Flatters и на rue Lunain я сталъ дослушивать его интересные рассказы и читать его вновь написанныя воспоминанія.

Такъ или иначе, всѣ сообщенія Бакая должны сдѣлаться общимъ достояніемъ. Въ настоящее время съ его рукописями познакомились представители различныхъ организацій, и они сдѣлали изъ нихъ нужные для себя очень цѣнные выводы. Въ газетахъ появились извлечения изъ воспоминаній Бакая и возбудили общее вниманіе.

* * *

Разсказъ о другихъ моихъ встрѣчахъ при отыскиваніи матеріаловъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія — я за недостаткомъ мѣста принужденъ отложить до слѣдующаго раза.

Вл. Бурцевъ.

Вл

Памяти народовольцевъ.

(О портретахъ Перовской, Желябова, Кибальчича, Гельфманъ, Бараникова, Колодковича, Суханова и Богдановича.)

Вы просили сообщить, насколько похожи на свои оригиналы портреты народовольцевъ, съ которыми я жила, встрѣчалась и состояла въ организаціи*).

Боюсь, чтобы длинный перечень не получилъ сходства съ описаниемъ примѣтъ въ паспортахъ, и потому ограничусь лишь небольшимъ числомъ.

* * *

Первый портретъ, о которомъ слѣдуетъ говорить, конечно, будетъ портретъ С. Л. Перовской.

Этотъ портретъ (помѣщенъ въ „Быломъ“ за мартъ 1906 г.) отличается выдающимся сходствомъ, и это единственный портретъ въ мірѣ, который волнуетъ меня каждый разъ, когда я его вижу. Цѣлый рядъ воспоминаній сейчасъ же пробуждается въ памяти, воспоминаній грустныхъ и тяжелыхъ, потому что, прежде всего, вспоминаются послѣдніе дни ея на свободѣ — мартовскіе дни „Народной Воли“...

Лицо Софьи Львовны отличалось необычайной простотой и чрезвычайной привлекательностью. Когда она была въ рубашкѣ, какія носятъ крестьянки, то казалась настоящей деревенской дѣвушкой. Такой показалась она мнѣ въ первый разъ, который почему-то кажется мнѣ чуть ли не первой встрѣчей съ ней, когда она ночевала у насъ въ семьѣ въ 1877 г. въ Петербургѣ на Прядильной.

Портретъ вполне передаетъ ея молодежавое лицо, въ которомъ было что-то дѣтское, передаетъ и чуть замѣтную складку около губъ, которая мнѣ кажется выраженіемъ настойчивости и упорства, а, можетъ быть, и дѣтскаго каприза. Не видно только ея бѣлой кожи и разлитаго розоваго цвѣта щекъ, характернаго для блондинки.

*) Статья В. Н. Фигнеръ написана давно по нашей просьбѣ и, повидимому, не предназначалась для печати.

Мы просимъ знавшихъ Желябова, Перовскую, Суханова, Колодковича, Кибальчича, Гельфманъ и друг. дополнить сдѣланныя Вѣрой Николаевной характеристики новыми чертами, и надѣемся, что ея статья эта побудитъ многихъ сохранить для исторіи возможно болѣе яркія и полныя описанія этихъ дѣятелей освободительнаго движенія. Для этого необходимо заняться разысканіемъ новыхъ ихъ карточекъ и такого рода оцѣнокъ этихъ карточекъ, какъ это сдѣлала въ данномъ случаѣ Вѣра Николаевна.

Помнящая эту статью Вѣры Николаевны, мы будемъ просить всѣхъ, кто только лично знавалъ выдающихся участниковъ русскаго освободительнаго движенія за разные періоды, дать ихъ описанія и характеристики, какъ это сдѣлала Вѣра Николаевна Фигнеръ по отношенію къ своимъ товарищамъ-народовольцамъ.

В. Б.

Доброта сквозила изъ всёхъ чертъ ея лица, и когда она говорила и улыбалась, — каждого невольно влекло къ ней.

За все время знакомства она почти не измѣнилась: годы, казалось, проходили для ея наружности безслѣдно; только въ послѣднюю зиму часто можно было подмѣтить выраженіе скорби на миловидныхъ чертахъ ея кругленькаго личика.

Во время процесса 1-го марта рассказывали, что присяжный повѣренный Сласовичъ все время рисовалъ портретъ Желябова, и когда я развернула мартовскую книжку „Былого“ за 1906 г. и увидала помѣщенный тамъ набросокъ, якобы изображающій Андрея Ивановича, то мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что это тотъ самый „портретъ“, который рисовалъ Сласовичъ. Спѣшу сейчасъ же заявить, что съ дѣйствительной наружностью Желябова онъ не имѣетъ ничего общаго.

Въ книжкѣ вы видите довольно худошавое, вытянутое сверху внизъ лицо, на которомъ бросаются въ глаза приподнятыя кверху брови и обнаженные зубы. Всякій, кто видалъ стариннаго письма иконы и гравюры, изображающія божьихъ угедниковъ и старообрядческихъ начетчиковъ, тотчасъ же признаетъ въ немъ этотъ типъ аскета и фанатика, поборовшаго плоть... Ничего подобнаго не было въ Желябовѣ, и если бы, указывая на этотъ портретъ, меня просто спросили, кого онъ мнѣ напоминаетъ, я никогда бы не назвала имени моего товарища по Исполнительному Комитету.

Андрей Ивановичъ имѣлъ атлетическую фигуру, прекрасно сложенную, а его голова была красивой головой типичнаго русскаго крестьянина. Общее выраженіе всей фигуры и лица была мощь, энергія и сила воли. Сѣрые глаза имѣли выраженіе смѣлости, а когда онъ шутилъ въ товарищеской компаніи, они сыпали искры добродушнаго лукавства и насмѣшливости. Темная, окладистая борода лопатой обрамляла довольно широкое лицо съ смуглымъ румянцемъ. Когда онъ смѣялся, всѣ зубы, ослѣпительно бѣлые, ровные, не очень крупные зубы, совершенно обнажались, и каждый могъ полюбоваться ими. Когда онъ являлся ораторомъ и произносилъ рѣчь, то зачастую его брови были приподняты, и, на мой взглядъ, это портило его.

Жизнерадостность была отличительнымъ свойствомъ Желябова. Это былъ здоровый, крѣпкій и вполне нормальный организмъ. Ни одна нота надломленности не звучала въ немъ. Иногда онъ способенъ былъ дурачиться и шалить, какъ ребенокъ, и безконечной бодростью и энергіей звучало каждое его слово, то же выражало и каждое его движеніе. Черты его лица были правильны и гармонировали съ общимъ характеромъ его тѣлосложенія. Если бы онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ, навѣрное, до конца остался бы красавцемъ, такъ какъ подобная наружность съ годами обыкновенно мало измѣняется: въ ней все было опредѣленно и закончено.

Когда онъ выходилъ на улицу, то зимой носилъ длинное пальто и шапку и держалъ грудь колесомъ. Мы смѣялись, что онъ въ этомъ видѣ очень походить на купца. Настоящее русское лицо дѣлало его на улицѣ довольно незамѣтнымъ, въ комнатахъ же его личность обратила бы на себя вниманіе cadaго. Но въ ней не было рѣшительно ничего утонченнаго; какъ было уже сказано, это былъ прекрасный мужикъ, переработанный образованіемъ и культурой.

Послѣ процесса 1 марта тщетно искали мы гдѣ-нибудь и у кого-

нибудь его фотографію: таковой рѣшительно не оказывалось. Указали только на гимназическій портретъ (см. „Былое“, августъ 1906 г.), и одинъ художникъ долженъ былъ придѣлать къ нему бороду, чтобы напомнить Желябова зрѣлаго возраста. Къ счастью, это предпріятіе не было выполнено. Этотъ портретъ заключаетъ лишь отдаленный намекъ на нашего лидера 79—81 гг. и, надо замѣтить, напоминаетъ его гораздо больше, чѣмъ портретъ времени студенчества, помѣщенный въ августовской книжкѣ „Былого“ за тотъ же годъ.

Если когда-нибудь стоило съ досадой отбросить отъ себя книгу, такъ именно мартовскую книгу „Былого“ (1906 г.) за помѣщенные тамъ портреты Н. И. Кибальчича и Геси Гельфманъ.

Съ Кибальчичемъ я жила въ Одессѣ въ 79 г. на общей квартирѣ и постоянно видалась въ Петербургѣ вплоть до его ареста въ мартѣ 81 г., и положительно поражена была, увидавъ лицо, которое почтенный журналъ выдалъ за Кибальчича. Я прямо отрицаю, чтобы это былъ Николай Ивановичъ, — такого Кибальчича, если онъ когда-либо былъ такимъ, — я не знавала.

Начать съ того, что напечатанный портретъ имѣетъ продолговатая, рѣзкія черты, и Николай Ивановичъ кажется на немъ брюнетомъ. Надѣлъ же онъ былъ шатеномъ, и всѣ черты его лица отличались мягкостью. Таково же было и общее выраженіе лица. Довольно жидкая борода его во время нашего знакомства обыкновенно не была выбрита на щекахъ, какъ передаетъ портретъ. Словомъ, ни отдѣльныя черты, ни общее выраженіе лица на напоминаютъ мнѣ лица знаменитаго техника Исполнительнаго Комитета.

Что касается Геси Гельфманъ, то это просто профанація знакомить съ нею публику по достойному коллекцій Ламброзо „преступному типу“, который лежитъ передъ нами на 192 стр. журнала „Былого“ (мартъ 1906 г.).

Крошечнаго роста, съ миниатюрными ручками, Геся Гельфманъ имѣла и миниатюрныя черты лица. Но ея лицо, не бывши красивымъ, никогда не было грубымъ, одутловатымъ, какимъ мы его видимъ тутъ. Никогда у нея не было и тупого выраженія лица. Ея лицо дышало добродушіемъ, привѣтливостью и всегда улыбалось: оно было положительно симпатично, и еще болѣе привлекалъ къ Гесѣ тонкій и звонкій голосокъ ея.

Другой портретъ Геси Гельфманъ въ июньской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ, повторенный въ „Первомъ женскомъ календарѣ“ г-жи Арианъ 1907 г., гораздо болѣе удаченъ. Онъ относится, повидимому, къ періоду до суда 50-ти, происходившаго въ 1877 году, когда Геся была моложе и имѣла болѣе буржуазный видъ. Въ позднѣйшіе годы, когда она отбыла срокъ наказанія въ рабочемъ домѣ (въ Литовскомъ замкѣ) и бѣжала изъ Старой Руссы, куда была сослана, — она уже не носила прически, которую мы видимъ на этомъ портретѣ. На послѣднемъ — ея волосы въ сѣткѣ, спускающейся довольно низко, и костюмъ болѣе изысканъ, чѣмъ та демократическая одежда, которая была свойственна народовольцамъ. Въ общемъ портретъ похожъ на оригиналъ: несомнѣнно, это Геся, но только Геся — хорошо причесанная и нарядная.

Портретъ Александра Михайлова помѣщенъ въ февральской книжкѣ „Былого“ 1906 г. Этотъ „хозяинъ“ нашей организаціи, бдительное и суровое око, непрестанно оберегавшее безопасность извѣт и духъ дисциплины внутри ея, былъ бы на портретъ переданъ удачно, если бы не та дѣланная поза, которую придалъ ему фотографъ. Такъ и видишь, что послѣдній собственными руками повернулъ эту голову вверхъ и вбокъ и сказалъ: „сидите неподвижно!“ Эта неестественность портитъ все... Лихо закрученные усы на первый взглядъ поражаютъ непріятно, но, надо сказать, что, занимаясь опасными дѣлами, Михайловъ дѣйствительно придалъ своей наружности фатовскій оттѣнокъ. Когда онъ жилъ въ Саратовской губерніи, въ с. Синенькіе, среди раскольниковъ, въ качествѣ учителя, ежедневно переходившаго изъ одного дома въ другой для очереднаго питанія, его обликъ былъ обликомъ самаго обыкновеннаго крестьянина, или „дворника“, какъ мы всѣ тогда его звали.

Большіе сѣрые, влажные глаза Александра Михайлова были полны жизни и ума и напоминали волны моря. Это были въ своемъ родѣ единственные глаза, которыхъ нельзя было забыть, разъ увидавши. Русые волосы немного волнились надъ высокимъ лбомъ, а усы и борода носили чуть-чуть рыжеватый оттѣнокъ. Когда изъ „дворниковъ“ онъ превратился въ барина, то костямъ и закручиваніе усовъ совершенно измѣнило его простое и скромное лицо, и было довольно курьезно видѣть этого метаморфозированнаго денди. Но глаза остались тѣ же, и для друзей заслоняли остальное. Красота и выразительность этихъ глазъ переданы на портретъ лишь отчасти. Въ общемъ это все же не живой портретъ Александра Дмитріевича: въ немъ нѣтъ обычнаго для Александра Дмитріевича одушевленія и блеска жизни.

Товарищемъ дѣтства Александра Дмитріевича и другомъ въ жизни былъ А. И. Баранниковъ, портретъ котораго мы видимъ въ июньской книжкѣ „Былого“ за 1906 г. Этотъ портретъ, дѣйствительно, похожъ на оригиналъ, но далеко не передаетъ дѣйствительнаго образа Баранникова. Онъ имѣлъ фигуру, выдающуюся по своей стройности и красотѣ, и отличался большой физической силой и цвѣтущимъ здоровьемъ, которыя быстро сломились въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ онъ умеръ отъ цынги. Его красивое лицо, смуглое, матовое, безъ малѣйшаго румянца, волосы цвѣта воронова крыла и черные глаза дѣлали его непохожимъ на русскаго: его можно было легко принять за „восточнаго человѣка“ — всего болѣе — за кавказца. Выраженіе его лица было мрачнымъ, что еще болѣе усиливалось обычной молчаливостью его. Иногда случалось, что Исполнительный Комитетъ назначалъ для переговоровъ съ кѣмъ-нибудь Желябова вмѣстѣ съ Баранниковымъ. Тогда, въ шутку, мы говорили, что Желябовъ назначается для того, чтобы говорить, а Баранниковъ, — чтобы устрашать. Баранниковъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и пылкихъ террористовъ. Его фигура и мрачное лицо вполне гармонировали съ рѣшительностью его убѣжденій, и еслибы нужно было дать физическое воплощеніе террору, то нельзя было сдѣлать лучшаго выбора, какъ взявъ образъ Баранникова. По смѣлости и отвагѣ это былъ настоящій герой; если кого-нибудь можно назвать ангеломъ мести, такъ именно его. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ, было всегда гро-

мадно. Таково оно было и на судъ. По крайней мѣрѣ, относительно Спасовича передавали, что на него глубокое впечатлѣніе произвелъ именно Баранниковъ. Его счастливая наружность обезпечивала ему большой успѣхъ среди женщинъ, и въ нѣкоторыхъ онъ вызывалъ настоящее поклоненіе. Но и всѣ вообще къ нему относились съ нѣжностью и любовью.

Смерть этого могучаго, по своему сложенію, человѣка еще въ равелинѣ — чрезвычайно поразила меня. Я никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что именно онъ, при его молодости, силѣ и здоровьи могъ сойти въ могилу, когда гораздо болѣе слабые пережили первый періодъ заключенія до Шлиссельбурга. Стихотвореніе, написанное мною въ Шлиссельбургѣ въ честь его, хоть немного, но все же рисуетъ этого далеко необыкновеннаго человѣка, прекраснаго какъ физически, такъ и духовно.

НА СМЕРТЬ БАРАННИКОВА.

Зачахъ ты въ страданьяхъ неволи,
Прекрасный, отважный герой!
Заслуживалъ лучшей ты доли —
Мечталъ ты о смерти иной!

* * *

Тебя въ равелинѣ сокрыли,
Сочли неудобнымъ казнить, —
Но жизнь лишь затѣмъ пощадили,
Чтобъ медленной пыткой убить!

* * *

Съ душой отважной и страстной
Для бурь ты былъ созданъ и грозъ!
Погибнуть на битвѣ опасной
Мечту ты въ могилу унесъ!

* * *

Ты не былъ апостоломъ слова,
Героемъ болтливой толпы...
Съ душою закала иного
Искалъ ты и жаждалъ борьбы!

* * *

Поборникъ свободы и чести
Въ странѣ миллионсвъ рабовъ
Казался ты ангеломъ мести,
Вождемъ непокорныхъ духовъ!

* * *

Съ прекраснымъ лицомъ горделивымъ,
Съ рукой, поднятой на мечь,
Впередъ ты стремился съ призывомъ:
Побѣда!... Побѣда иль смерть!...

Другимъ выдающимся человѣкомъ, не дожившимъ до перевода въ Шлиссельбургъ, былъ Н. Колодкевичъ, портретъ котораго помѣшенъ въ январской книжкѣ „Былого“ 1907 г. Портретъ, несомнѣнно, хорошъ, но Колодкевичъ на немъ красивѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Его чрезвычайно красила роскошная борода, но, надо сказать, что на Воронежскомъ съѣздѣ, гдѣ я въ первый разъ встрѣтила его, она была пробрита на подбородкѣ, и это дѣлало его физиономію положительно ужасной. Традиционный взглядъ, что шпионы должны имѣть отвратительную наружность, заставилъ меня въ изумленіи остановиться передъ лицомъ этого чудного товарища и человѣка. Я смотрѣла на это лицо положительно съ недоувѣріемъ и подозрительностью: на улицѣ я приняла бы его непременно за шпиона. А, между тѣмъ, привыкнувъ, я находила это лицо симпатичнымъ. Оно было чрезвычайно выразительно, нельзя было пройти мимо него и не замѣтить. Прежде всего, бросался въ глаза лобъ — открытый и необыкновенно развитой, съ большими буграми; потомъ, сѣрые глаза, серьезные, суровые; на портретѣ эти глаза смотрятъ прямо и спокойно, обыкновенно же они смотрѣли изподлобья. Громадная черная борода, при этомъ лбѣ и глазахъ, дѣлала его физиономію крайне рѣзкой и поразительной по своей угрюмой мрачности. . . При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось полнѣйшее несоотвѣтствіе между суровой внѣшностью и нѣжной и гуманной душой Колодкевича. Въ воспоминаніяхъ Поливанова о равелинѣ довольно ярко рисуется трогательный образъ этого чуткаго, чистаго человѣка. Общеніе съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ и это общеніе совершенно измѣняло первоначальное впечатлѣніе. Его внѣшность обнаруживала лишь одну сторону его натуры — энергію и мужественную твердость, а вся доброта и деликатность были скрыты подъ холодной и мрачной оболочкой. Случайно эта двойственность отразилась и въ шутивныхъ прозвищахъ, которыя ему были даны. Играя словами и намекая на его мрачность, мы называли его Угрюмъ-Бурчеевымъ и Змѣемъ-Горынычемъ, а, съ другой стороны, за свой огромные усы, онъ носилъ ласкательное — Коть-Мурлыка.

Перейду къ портрету Н. Е. Суханова (см. январскую книжку „Былого“ 1906 г.). Портретъ рисуетъ его съ самой невыгодной стороны: измученнымъ, худымъ, съ глубокой скорбной складкой около губъ. . . Между тѣмъ, наружность Суханова была красива и въ высшей степени обаятельна. Очень высокій, стройный, въ шитомъ золотомъ мундирѣ моряка, съ бѣлокурой головой, юношескимъ цвѣтомъ лица и оживленными сѣрыми глазами — онъ выглядѣлъ мужественнымъ красавцемъ. Но это была красота, проявлявшаяся во всемъ блескѣ, главнымъ образомъ, въ бесѣдѣ: твердый и звучащій неуклонной прямою и искренностью голосъ, жесты — энергичные и всегда удачно подчеркивавшіе тѣ или иныя мѣста его рѣчи, плѣняли слушателя. Фигура Суханова и его энергичное лицо чудно гармонировали со всѣмъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчала. Уже первое впечатлѣніе, первый взглядъ, брошенный на него, располагалъ къ нему, и при дальнѣйшемъ знакомствѣ чувство симпатіи и уваженія къ Суханову только росло и укрѣплялось. Но онъ обладалъ одной изъ тѣхъ подвижныхъ физиономій передать которыя никакая фото-

графія не въ силахъ, — бумага не запечатлѣваетъ жизни, неуловимой игры чувства и мысли такихъ лицъ. На портретъ Сухановъ производитъ болѣзненное впечатлѣніе: онъ кажется такимъ нездоровымъ, такимъ утомленнымъ... Хотѣлось бы знать, къ какому періоду относится эта карточка? Быть можетъ, онъ снятъ уже въ тюрьмѣ, гдѣ съ перваго же дня, зная, что его ожидаетъ. Во всякомъ случаѣ, это не тотъ энергичный и полный одушевленія Сухановъ, который въ кружкѣ моряковъ, стоя среди товарищей въ Кронштадтѣ, подчинялъ себя всѣхъ окружающихъ, одушевлялъ сходку и на чей-то вопросъ о правахъ и обязанностяхъ члена партіи „Народной Воли“, отвѣчала, энергичнымъ жестомъ поднимая и опуская руку, какъ-будто бросая что-то: „Бомба — вотъ ваше право!... Бомба — вотъ ваша обязанность!“...

Въ іюньской книжкѣ „Былого“ 1906 г. было напечатано, что къ прошенію о помилованіи, которое подала мать Суханова, присоединился и онъ самъ. Я отказываюсь вѣрить этому, и если это дѣйствительно такъ, то единственное объясненіе, согласное съ характеромъ Суханова, было бы, что, изъ жалости къ матери, онъ поступилъ принципомъ и сдѣлалъ это лишь формально, въ полной увѣренности, что такая просьба совершенно бесполезна. Безъ такой увѣренности онъ никогда не сдѣлалъ бы этого.

Однимъ изъ выдающихся по своему интересу портретовъ является портретъ Ю. Н. Богдановича, этого бывшаго владѣльца магазина сыровъ на М. Садовой, умершаго въ 1887 г. въ Шлиссельбургѣ. Этотъ портретъ и очень похожъ, и очень непохожъ. Дѣло въ томъ, что черты лица и доброе, мягкое выраженіе лица запечатлѣны фотографіей вѣрно; но, если судить по портрету, Богдановичъ былъ красивъ. На дѣлѣ же этого не было, и онъ самъ добродушно указывалъ на это качество своего портрета. На карточкѣ онъ вышелъ брюнетомъ, въ дѣйствительности его волосы были свѣтложелтые, окладистая борода — свѣтло-рыжей, а цвѣтъ лица — красноватый. Въ общемъ, на фотографіи наружность Богдановича — барская, между тѣмъ, это было совершенно простое, демократическое лицо, которое, какъ нельзя болѣе, подходило къ принятой имъ въ 81 г. роли торговца. Это лицо вмѣстѣ съ находчивостью и необыкновеннымъ умѣньемъ держаться и говорить по престолярному послужило главной причиной, почему на его долю выпала эта важная и трудная роль. По отзыву очевидцевъ, въ качествѣ хозяина магазина, за стойкой, онъ въ своемъ бѣломъ фартукѣ былъ восхитителенъ: это былъ настоящий, типичный торговый человекъ.

Не отличаясь красотой, наружность Ю. Богдановича была въ высшей степени симпатичной. Она привлекала своимъ мягкимъ и добрымъ выраженіемъ. Его обращеніе было полно простоты, очаровательной задушевности, а рѣчь полна тонкаго юмора. Задушевность была главной отличительной чертой его характера. Его голосъ былъ глубокимъ басомъ, мягкимъ и глубокимъ — вполнѣ гармонизировавшимъ со всѣмъ его духовнымъ обликомъ. Колодкевичъ, Сухановъ и Богдановичъ были, на мой взглядъ, людьми самыми выдающимися по своей нравственной чистотѣ, людьми — совершенно идеальными... и это придавало имъ особое чарующее обаяніе. При встрѣчѣ съ ними чув-

становался, какъ мнѣ кажется, не столько дѣятель, сколько чудный человекъ... По крайней мѣрѣ, таково было впечатлѣніе, которое всѣ трое производили на меня. Изъ всѣхъ хорошихъ людей, которыхъ я имѣла счастье встрѣчать, эти трое были самыми лучшими.

Понятно, что портретъ Ю. Богдановича не можетъ удовлетворить меня. Онъ мнѣ лишь напоминаетъ его, но и за это можно быть благодарнымъ.

В. Н. Фигнеръ.

Изъ записокъ Н. В. Клѣточникова.

Въ этой книжкѣ «Былого» мы помѣщаемъ начало замѣтокъ Клѣточникова, которыя онъ въ свое время передалъ Исполнительному Комитету партіи «Народной Воли».

Съ начала 79 года Клѣточниковъ, по совѣту и съ согласія Ал. Михайлова, поступилъ на службу въ департаментъ полиціи и въ продолженіе двухъ лѣтъ доставлялъ партіи драгоцѣнныя свѣдѣнія о дѣятельности тайной полиціи и тѣмъ сослужилъ неоцѣненныя услуги дѣлу освободительнаго движенія.

Со времени доставленія Клѣточниковымъ печатаемыхъ нами свѣдѣній прошло уже болѣе 25 лѣтъ, — и мы лишь отчасти можемъ разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ о лицахъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ дѣятельности разнаго рода сыскныхъ учрежденій, большинство именъ намъ неизвѣстно, но, печатая эти списки, мы надѣемся, что наши читатели общими усилиями проверятъ и дополнятъ данныя, сообщенныя Клѣточниковымъ. Просимъ не стыдиться подробности и не останавливаться надъ неполнотою свѣдѣній и позаботиться объ отысканіи документовъ, которые бы позволили намъ всесторонне воспользоваться свѣдѣніями Клѣточникова. Мы надѣемся этимъ путемъ собрать очень важныя данныя для русскихъ историковъ.

Среди лицъ, упомянутыхъ Клѣточниковымъ еще въ 1880 г., оказывается, были Бороздинъ и Новинскій, ѣздившіе за границу при переговорахъ съ народовольцами въ 1882 году, Рачковскій, игравшій въ послѣдніе 20 лѣтъ едва ли не главную роль въ области сыска, Петровскій, занимавшійся перевозкой нелегальной литературы въ началѣ 80 г., — есть цѣлый рядъ именъ, получить о которыхъ дополнительныя свѣдѣнія крайне, крайне интересно и важно.

Клѣточниковъ далъ намъ прекрасный образецъ собранія свѣдѣній о врагахъ освободительнаго движенія, и мы просимъ пополнить наши списки именами лицъ, имѣвшихъ когда-либо, гдѣ-либо, какое-либо отношеніе къ III отд., охраннымъ отдѣленіямъ, департаменту полиціи и т. п. сыскнымъ учрежденіямъ. Быть можетъ, изъ многихъ предателей и шпионовъ давно уже лопухъ выросъ, а ихъ дѣти и внуки борятся въ рядахъ борцовъ освободительнаго движенія, — все равно: для изученія исторіи сыска намъ нужны обстоятельныя свѣдѣнія о жизни всѣхъ, кто переступилъ порогъ этихъ домовъ... даже не терпимости, — а безмѣрно хуже, ужаснѣе — домовъ предательства. Для предателей нѣтъ давности. «Все прощается, но іудинъ грѣхъ не прощается!»

«Былое» на своихъ страницахъ обязано хранить память о погибшихъ борцахъ освободительнаго движенія и въ то же время собрать все, что только

возможно об их врагахъ. На страницахъ «Революціонной Мысли» (1 и 2 №№) недавно было дано много свѣдѣній о предателяхъ послѣдняго періода и объявлено о составленіи очень нужнаго изданія «Черной книги русскаго освободительнаго движенія». Той же задачѣ мы много посвятимъ мѣста въ своемъ журналѣ. Мы обязаны заняться систематическимъ изученіемъ дѣятельности предателей, провокаторовъ, сыщиковъ за весь періодъ нашего движенія. Можетъ быть, скоро эти свѣдѣнія возможно будетъ опубликовать не только въ Парижѣ, но и въ самой Россіи, и эти свѣдѣнія нужны будутъ не только для публицистовъ и историковъ, но и для преданія гласному суду всѣхъ, на чьихъ рукахъ мы увидимъ кровь загубленныхъ ими жертвъ.

Едва ли надо говорить, что къ изученію бумагъ Клѣточникова и къ другимъ аналогичнымъ изысканіямъ надо отнестись очень осторожно, чтобы не произошло какого-либо печальнаго недоразумѣнія въ родѣ того, какое произошло въ началѣ 80 г. на основаніи этого самого списка. Въ списокъ была вѣрно указана фамилія студентки-шпіонки, но при этомъ не было дано ни имени, ни какихъ-либо примѣтъ (конечно, потому, что Клѣточникову не удалось ничего большаго достать), — и вотъ, обвиненіе, благодаря тому, что оно не вышло изъ области конспиративныхъ квартиръ, пало на болѣе извѣстную другую студентку, ея однофамилку. Опубликованіе документовъ, въ родѣ печатающихся записей Клѣточникова, поможетъ не только изучить поднятый вопросъ, но и устранить возможность ошибокъ.

Одно лицо, близкое къ организаціи «Народной Воли», сдѣлало въ 1882 г. въ рукописяхъ Клѣточникова нѣсколько незначительныхъ дополненій. Мы печатаемъ полученную рукопись безъ измѣненій и сокращеній, оставляя даже тотъ порядокъ въ именахъ, каковъ былъ.

Въ слѣдующихъ номерахъ мы дадимъ еще отрывокъ изъ записокъ Клѣточникова.

Ред.

Александровскій, Григорій В., выдаетъ себя за радикала; его сажали въ III отдѣленіи между камерами Гудковскаго и А. В. Квятковскаго (Чернявскаго) для вывѣдыванія. Адр.: 4 ул. д. № 8, кв. 3.

Алексѣевъ, Ст. Университета, юристъ 2 курса, высокаго роста, блондинъ, голосъ цискливый.

Архиповъ, Ив. Кузьмичъ, рабочій Александровскаго сталел. завода.

Анкеръ - Гавичъ, Адр. Гр., Б. Сад. и Покровская площадь, д. Кудрявцева, кв. № 13. Примѣты: средняго роста, волосы курчавые, черные и усы тоже, борода бритая, лицо худощавое, длинный носъ, прямой, выраженіе лица суровое, похожъ на мастераго или лакея, одѣвается бѣдно, лѣтъ 35.

Акуловъ, Тарасъ, слесарь Выборгскаго пушечнаго сталелитейнаго завода, рабочій, дѣйствующій между рабочими (с. Александровское).

Агатовъ, Ал. Θεодоровъ, присяжный повѣренный, получаетъ 180 р.

Алексѣевъ, Петръ Ник., рабочій механическаго завода русскаго Общества, дѣйствуетъ между рабочими. Онъ же Матюшкинъ, онъ же Парсеевъ; по Шлиссельбургскому шоссе, село Смоленское, № 37; знакомъ съ агентомъ Смирновымъ.

Аверьяновъ.

Асс (студ. технологъ?).

Армолинъ, Густавъ, служащій на Балтійскомъ заводѣ.

Авиновичъ, Фебусъ, докторантъ, доноситъ на студентовъ.

Андрушевичъ, Хр. (см. въ списокѣ провинціальныхъ шпіоновъ).

Анненскій, Григор., титулярный совѣтникъ, Серапимская гост. у Обуховскаго моста по Забалканскому проспекту, двоюродный братъ ссыльнаго Н. Ф. Анненскаго, предлагаетъ свои услуги.

Андріевская, бывшая кievская радикалка, сидѣла въ московской тюрьмѣ и въ домѣ Предв. Зака.; выдала около 200 чел. Зовутъ ее: Агафья Александровна, Екат. Каналь, д. 100, кв. 10.

Алексѣевъ, Гдовскій мѣщанинъ, находится подъ (надзоромъ?) за оскорбленіе Величества, — просится въ шпионы.

Андреевъ, Николай, бывший жандармъ, служитъ на Воронежской жел. дорогѣ.

Anzher. На это имя управл. III отдѣл. получаетъ письма отъ заграничныхъ шпионовъ.

Алмазовъ, выдалъ Евг. Фигнеръ, доставлялъ въ III отд. №№ «Народной Воли» отъ Богуславской, — женатъ на ней.

Алмазова, студ. Бестужевскихъ курсовъ.

Аксюзе, Анатолій, студ. Универс., выдалъ Рубанчика, Козлова, Виладскаго, оговорилъ, какъ завѣдывавшихъ типографіей Н. В., Льв. Павл. Александрова изъ за границы и Анд. Желябова.

Абрамовъ, Сергій или Александръ, водопроводный мастеръ, посѣщалъ трактиръ «Кишиневъ»; среднего роста, плечистъ.

Александрова (м. б. псевдонимъ) ссылается на знакомство съ Гольденбергомъ.

Бѣлановъ, Кирилъ Ив., онъ же Андреевъ, Петерб. ст., Кронверкскій пр., д. № 43, кв. № 10. Примѣты: роста среднего, коренастый, широкоплечій, плотный брюнетъ, волосы черные, бакенбарды выбриты, лицо скуластое, смуглое, выраженіе лица суровое, почти жестокое, похожъ на мастерового, одѣвается иногда просто, а иногда щеголевато, въ черныи спортукъ и крахмальную рубашку, лѣтъ 35-ти. Дѣйствуетъ среди молодежи и рабочихъ, Иногда ему даются порученія на желѣзныхъ дорогахъ. Выслѣживалъ (Ант. Токсиса?).

Бокунова, Марія Пантелейм.; адр.: Пески, 5 ул., д. № 20, кв. № 2; среднего роста, худощавая, брюнетка, носъ съ горбомъ, глаза и волосы черные, лѣтъ 35. Типъ восточный. Была надзирательницей въ Домѣ Предв. Зака., а, можетъ быть, и теперь тамъ.

Бендерскій, полковникъ (кажется младшій топографъ межев. канцеляріи), временный шпионъ, содѣйствующій Кириллову и не безвозмездно.

Баталинъ, издатель «Петерб. Газеты».

Борисовъ, Борисъ Алексѣевъ.

Берковичъ.

Бенедиктовичъ, Пав., братъ его студентъ, кажется, тоже шпионъ.

Байковъ.

Быковъ.

Бобровъ.

Бѣллина (въ спискѣ заграничныхъ шпионовъ).

Богдановъ, извозчикъ, бывший швейцаръ, д. № 43 по Литейному проспекту,

Брюно, псевд., — фамилія его Рытво.

Бабичева, Надежда Яковлевна, выдавшая Деб.-Мокрjевича и др. Поселилась въ Петербургѣ съ апрѣля 1880 года по Надеждинской улицѣ.

Байковъ, Леонт. Иванов., среднего роста, лѣтъ 40, большая чернорусая борода и большой носъ, правый глазъ вырѣзанъ, но на немъ повязка; сестра его или дочь — акушерка въ Домѣ Предв. Зака.

Влюмъ, Феодоръ Иванов., чиновникъ III отд., посланъ въ Курскую г. для розысканія Ал. Михайлова (Тюринова).

Вороздинъ, Корнилій Андреевичъ, отставной чиновникъ, получаетъ 300 руб. въ мѣсяцъ.

Варановъ, капитанъ 1-го ранга, герой «Весты», (глава?) шпионъ всей Россіи и заграничныхъ.

Бургардій, М. Морская, д. № 5.

Богдановъ, Аверкій, мѣщанинъ.

Буздонъ, знакомый Войтина.

Бѣликовъ.

Бабковъ, бывший наборщикъ въ СПб., былъ сосланъ въ Мезень, недавно

возвращенъ и вращается между рабочими. . . . . Выдалъ Тверитинова, Орлова, Сахарова и др. Примѣты: молодой, ростъ средний, волосы темнорусые, глаза каріе.

Балка. Бойковъ переулокъ д. № 6 (. . . . .), высокаго роста, борода бритая, глаза мутные.

Брильянтъ, служить въ СПб. Суд. Палатѣ, предлагаетъ свои услуги партіи, очевидно, съ шпіонскими цѣлями.

Балабановъ, рабочій.

Баканика, живетъ на Театральной площади.

Базильская.

Борковъ или Берковъ, докторъ Порфирій Ив. Петерб. сторона д. 5, кв. 5.

Вильшакъ, Карлъ Петр. У Синяго моста въ домѣ Нѣмецкаго Клуба. Примѣты: малаго роста, среднихъ лѣтъ, глаза и все лицо сладенькіе, заискивающіе, очень разговорчивый; онъ же членъ Общества призрѣнія нищихъ; ему же принадлежитъ буфетъ въ Александровскомъ саду. Въ списокъ агентовъ не значится.

Видовъ, писарь Главн. Артилл. Управленія, на Литейной, живетъ въ домѣ Сергіевскаго Собора.

Вольфъ, писарь Главнаго Штаба.

Вороновичъ, Владиміръ, находится въ Львовѣ подъ псевдонимомъ гражданина Марченко (въ списокъ заграничныхъ шпіоновъ).

Бардзинскій, Пржемыславъ, фармацевтъ.

Вестфалевичъ, Феликсъ, въ Варшавѣ, получаетъ 50 руб. Секретный агентъ.

Вейсбергъ.

Воронинъ, отставной унтеръ-офицеръ, просится въ шпіоны (мартъ 80 г.).

Вольфъ, Мавр. Мавр. Невскій просп., домъ Бенардаки, № 84, кв. 15. Чиновникъ.

Васильевъ, Серг. Александр. (изъ III отд.).

Войтицъ, Карлъ Юзеф., австрійскій подданный.

Гольцъ, Елена Осодоровна, Фонтанка, домъ № 113, кв. 170. Небольшого роста, худощавая, длиннокосая, лѣтъ 35-ти, одѣвается просто, носитъ вуаль, выслѣживала Плеханова.

Гунтъ, Яковъ Яковл., студентъ Университета, Моховая, домъ № 16, кв. № 40.

Грешнеръ, Александръ Федоровичъ, управляющій домомъ на углу Казанской и Демидова, д. 27/5. Онъ же инспекторъ типографій, вмѣстѣ съ агентомъ Петровскимъ, специально занимается разыскиваніемъ типографій.

Гильхенъ, Бол. Викент., чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ (Литейный, домъ № 11, кв. 45). Средняго роста, плотный, голова стриженная подъ гребенку, волосы свѣтлые, лицо холеное, круглое, голосъ очень сильный. Временный шпіонъ.

Гильдсмейстеръ, Алекс. Ив.; адр.: Максимилянновъ пер., домъ 18, кв. № 1.

Глѣбовъ, былъ въ Кіевѣ, теперь переведенъ въ Нижній-Новгородъ въ распоряженіе Жандармскаго Управленія. Постоянно живетъ въ провинціи. Сообщилъ о Поддубенскомъ, бывалъ въ СПб., сопровождаетъ шефа жандармовъ (въ списокъ провинціальныхъ шпіоновъ).

Гядлевскій, сотрудникъ газеты «Новь»; адресъ: (Разъѣзжая улица №?).

Гейкинъ, баронесса, дѣлаетъ доносы.

Гейманъ, Федоръ, отставной юнкеръ. Адресъ: 3-ья рота Измайловскаго полка, № 7. Нѣсколько разъ дѣлалъ доносы, между прочимъ, донесъ на князю Долгорукую и ст. Ильинскаго.

Грошъ (въ списокъ провинціальныхъ шпіоновъ).

Григорьева, Феодосья, акушерка въ Везьегонскѣ.

Гурскій, Германлау Максъ (въ сп. загран. шпіоновъ).

Гиринъ, получаетъ жалованье 200 рублей въ мѣсяцъ.

- Гильдштейнъ, студ. Технол. Инст.; знакомый Брильянта.
- Гифратъ, Яковъ, Рижскій мѣщанинъ. Фонтанка, № 26. Прежде служилъ въ III отд., теперь просится опять (май 80 г.).
- Гуль, Васил. Александр. Чиновникъ, ст. сов.
- Городи скій, колл. ассес. въ Кронштадтѣ.
- Гулевичъ, истинный градоначальникъ, братъ жандармскаго офицера (.....).
- Гольбинскій, чиновникъ особыхъ порученій у Лорисъ-Меликова.
- Гаевская, содержанка сенатора Извольскаго.
- Дреторенко, адресъ: Пантелеймоновская, д. № 4, кв. 8 или 6. Примѣты: роста средняго, коренастый, мужиковатый, волосы, борода и усы темнорусые, носъ длинный и широкій, похожъ на отставнаго солдата. Голосъ грубый, смотритъ сурово, изподлобья, лѣтъ 40—45. Тѣлохранитель шефа. Сообщаетъ постоянныя свѣдѣнія о Васильеостровскомъ Патронномъ Заводѣ, знакомъ съ агентомъ Смирновымъ.
- Дмитріевъ.
- Дмитріева, студ. Вестужевскихъ курсовъ.
- Долелидова, Прасковья Иванова, акушерка. Невскій пр., домъ № 82, кв. 30.
- Де-Лое-Валесъ, Главный агентъ .... Отдѣленія.
- Дорифевъ.
- Доронинъ, служить ..... Отдѣленіи.
- Дубининъ, бывший приставъ Казанск., выдаетъ себя за террориста.
- Ермолинскій, Василій Владим.; Невскій, д. 82 Максимовыхъ, кв. 24.
- Примѣты: роста средняго, худощавый, смуглый, черные волосы (кажется, есть черные усики, примѣты не совсѣмъ точныя). Главный агентъ, вращается между интеллигентной молодежью. Втерся въ кружокъ Дубровиной. Командируется (?) на желѣзныя дороги съ прис. пов. Леонтьевымъ.
- Еремѣевъ, Илья, лакей въ домѣ Коринловыхъ, доносъ на Любовь Корпилову.
- Ефимовъ, писарь главнаго штаба.
- Ершовъ, управляющій домомъ № 24 по Апраксиному переулку. Доносъ, что у Бѣловой въ квартирѣ № 8 бывають подозрительныя лица.
- Ждановъ, Александръ Ив., петербургскій мѣщанинъ, выдалъ Троцанскаго, явился подъ фамиліей Трофимова къ его женѣ, послѣ 13 марта 1879 г. съ цѣлью узнать мѣсто жительства Мирскаго.
- Жоговъ (?) получаетъ поштучно.
- Живко-Цукичъ, черногорецъ, въ гостинницѣ «Немутъ», именуется также Мель(?)—Мартадовымъ.
- Жуковскій, съ женой, домъ Сивкова, № 4.
- Забрамскій, въ Кіевѣ (псевд. Полазовъ), выдалъ Попова, Иванова и др. (въ спискѣ провинціальныхъ шпионовъ). Живетъ въ Локоткахъ (?) Черниговской губерніи, близъ Шостенскихъ пороховыхъ заводовъ (80 г.).
- Знамеровскій, Людвигъ Викент. Городской адресъ: Загородный пр. домъ № 22, кв. 20, а когда наслѣдникъ живетъ въ Петергофѣ, то въ домѣ офицера, какого ... кв. 19. Примѣты: роста средняго, плотный, мускулистый, волосы и усы бѣлорусые, борода бритая, лицо полное, мясистое, красное, глаза также красноватые, хищные, шея короткая; есть что-то типичное польское въ лицѣ и походкѣ. Похожъ не то на помѣщика, не то на бульдога; лѣтъ 40. Главный тѣлохранитель.
- Заусайловъ, Конст. Тимоф. ....
- Зеленина, акушерка, б. к. Ник. Госп.
- Зафкинъ.
- Зуевъ, студентъ, тифлискій.
- Завьяловъ, Ив., рабочій по Литейному Отд. Патроннаго завода (Тавр. ул., д. 19, кв. 11). Примѣты: высокій, широкоплечій мужикъ, съ большою окладистой рыжеватой бородой.
- Захаровъ, Семень, работаетъ на Голубовскомъ заводѣ, разыскиваетъ Батурина.
- Завадовскій, бывший вольнослушатель Дух. Академіи.

Истошинъ . . .

Ивановъ, Андр. Иван., полковникъ, живетъ въ Инженерномъ замкѣ. Примѣты: ростъ ниже средняго, худощавый, широкоплечій, волосы, усы и бакенбарды съ сильной просѣдью, благообразенъ, лѣтъ 55.

Плѣяшенко, получаетъ поштучно.

Извозчики — три. Адресъ: уголь Большого пр. и Большой Гробецкой ул. № одного изъ нихъ 7174 или 7164.

Извольскій, сенаторъ, съ содержанкой Гаевской въ св. дружинѣ.

Илевъ, рабочій.

Лесенъ, чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, разбирающій шифрованные письма.

Киселевъ, Серг., въ Арсеналѣ, д. № 24.

Кариовичъ, адресъ: Владимірская площадь, домъ № 46, кв. 10. Примѣты: приземистый, довольно плотный, средняго роста, лѣтъ 40. Волосы, усы и большая борода черные, носъ длинный . . . ; похожъ на мастерового или приказчика.

Кейзеръ, Алина, акушерка. На углу Казанской и Демидова, домъ 5/23, кв. 30. Лѣтъ 40, роста высокаго, волосы стриженные, русые, худощавая. Содержательница меблированныхъ комнатъ.

Крамеръ, зубной врачъ, Малая Конюшенная, 12—17.

Коханъ, Вельяминъ Аркадьев. уголь Екатеринбургскаго и Вознесенскаго, домъ Лихачева, кв. 45. Примѣты: роста средняго, лицо еврейскаго типа, лѣтъ 30; волосы свѣтлые, темя начинается ото лба, почти безъ волосъ, борода нѣсколько раздвоенная, бѣлокурая, рыжеватая, такіе же усы. Выраженіе лица хитрое, лисье. Въздилъ за шефомъ до 13 марта. Выстѣживалъ Таксиса и Вознесенскаго, ходитъ въ круглой шапочкѣ или твердой шляпѣ, длинное темное пальто, въ черномъ сюртукѣ и черныхъ брюкахъ.

Кирилловъ, Григор. Григор. Начальникъ сыскаго полиціи Ш отдѣл. Средняго роста, усы и баки черные, съ просѣдью, подбородокъ немного подбрить, либо облысѣвшій. Волосы темные съ просѣдью; лицо смуглое, глаза синіе, видъ суровый, лѣтъ 40. Принимаетъ самыхъ секретныхъ агентовъ въ Косомъ переулкѣ, д. № 5, Пасальскаго. У него есть лакей Егоръ, которому иногда даютъ порученія; въ маѣ онъ командированъ куда-то въ гостиницу по какому-то очень важному дѣлу. Въмѣсто него прислуживалъ Кириллову агентъ Смирновъ.

Кутузова, Анна Петровна. Уголь Невскаго и Надеждинской, д. Яковлева, кв. № 35. Содержитъ меблированные комнаты. Въ началѣ іюня 1879 г. уѣзжала въ Старую Руссу. Примѣты: лѣтъ 60-ти съ лишкомъ, роста средняго, широкоплечая, довольно полная, лицо худощавое съ морщинами, волосы свѣтлые, носъ длинный, подбородокъ нѣсколько выдается, глаза мутные. Страдаетъ ревматизмомъ въ рукахъ и ногахъ. Имѣетъ знакомство во всѣхъ слояхъ общества, имѣетъ большія связи между рабочими, крестить у нихъ дѣтей. Однажды пріютила у себя на дачѣ безпаспортнаго социалиста въ видѣ сторожа. Втерлась въ кружокъ Дубровиной черезъ своего квартиранта, князя Кугушева, подъ видомъ сочувствующей и благотворительной барыни. Даетъ деньги на революціонное дѣло. Дубровиной назвалась Каролиной Андреевной; увезла къ себѣ въ Старую Руссу Твердомедову для вывѣдыванія радикальныхъ дѣлъ. Рекомендовала Ш отд. новаго шпиона Захарова. Помогала 100 рублями субсидии радикальной слесарной мастерской; въ ней работаютъ Никитинъ и Садовскій, туда же въ мастерскую проникъ и агентъ Соколовъ и рекомендовалъ Ш отд. Алексѣева, онъ же и Матюшкинъ.

Казарина, студ. медицинскихъ курсовъ.

Кучеренко, средняго роста, широкоплечій, съ черной окладистой бородой и усами, лицо широкое, носъ длинный. Тѣлохранитель шефа. Постоянно дежуритъ въ Ш отд., гдѣ и ночуетъ.

Корвинъ-Кохановскій.

Калюнинъ.

Колобневъ, Вас. Ив., начальникъ шпионовъ Ш отд., принимаетъ шпионовъ въ квартирѣ Кириллова (на углу Моховой и Пантелеймоновской, домъ 27/27, кв. 8, входъ съ Моховой рядомъ съ Часовней).

Краузе, Рудольфъ, отставной подпор., прогнанъ за воровство. Думаютъ сойтись съ нимъ опять, ибо онъ знаетъ Батурина.

Кудрявцевъ, новый шпионъ. Служилъ въ Парижѣ на заводѣ Яблочкова и здѣсь хочетъ поступить на заводъ. Онъ же Васил. Павловъ потомственный почетн. гражд. (. . .) жилъ одно время въ гостиницѣ Рига; бывший радикаль. 9 марта уѣхалъ въ Москву для сношенія съ тамошними радикалами. Сисякину (?) написано, чтобы ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и чтобы онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ арестованъ. Онъ по настоящему имени (?) польскій эмигрантъ. Адр. Казанская, № 27 (Пвонкеро?).

Краевскій, опъ же Ивановъ, радикаль.

Каровинъ, Никол. Петр. Литераторъ, роста средняго, полный, щеки бугроватые, глаза небольшіе, масляные, при разговорѣ прищуриваются и закатываются. Усы маленькіе, борода черная, по линіи горизонта рта. Голосъ зычный. Сотрудникъ журнала «Здоровье», корреспондентъ «Голоса» и «Новостей».

Крисутскій (кривъ на одинъ глазъ), сопровождалъ Розова, но не ставилъ (?).

Кара-Дикжанъ (въ спискѣ заграничныхъ шпионовъ).

Крижановскій, сосланъ въ Черниговскую губернію, желаетъ сдѣлать откровенное признаніе.

Куроципъ (?), Кармазинъ Ю., Китовъ.

Курбатовичъ, бывший гимназистъ въ Бѣлостокѣ, выдалъ множество лицъ, уѣхалъ въ Николаевъ.

Кони, Николай Семеновъ, бывший есмльный въ Енисейскѣ; привезенъ въ Петербургъ, дѣлалъ доносы.

Кружева, горничная, выдавшая Эрнста.

Карповичъ, мед. V курса, блондинъ.

Клевцовъ,

Крамеръ, или Кремеръ.

Кошихинъ, студентъ, сосланный въ Архангельскую или Олонецкую губернію, оговорилъ инженера Башинскаго.

Ключниковъ, Петръ, былъ якобы замѣшанъ въ политич. дѣлахъ.

Клѣточниковъ, Никол. Васил. (изъ III отд.).

Корчажниковъ, быв. городской, произведенъ въ околоточные за донось на помощника пристава Петерб. части.

Катарскій, въ Зимнемъ дворцѣ, капитанъ, начальникъ стражи, былъ раньше начальникомъ шпионовъ въ Александро-Невской части.

Козичевъ, Александръ Василь., 27 лѣтъ, рабочій, въ Зимнемъ дворцѣ.

Кузнецовъ, Конст. Павл., въ Спб., Фонтанка, д. 23/5, содержитъ меблированные комнаты, получаетъ фотографіи, разыскиваетъ лицъ отъ градоначальника; примѣты: шатенъ, съ маленькой бородкой; шпионъ градоначальника (по части свѣдѣній).

Кардо-Сысоевъ, изд. «Сем. Бесѣда» и газеты «Лучъ», обращался къ наследнику за субсидіей на это изданіе и на изданіе народныхъ картинъ.

Конonenко, приставъ 1-го участка Московской части. Выдалъ Поливанова.

Крейтеръ, Сергій Петровичъ, поручикъ Л.-Гв. Егерскаго полка.

Кильгастъ, Ив., блондинъ, небольшого роста, интеллигентное лицо.

Бар. Клейстъ.

Кашинскій, раб., Астрах. ул., д. № 23.

Крейскій, развѣзжаетъ; имѣетъ переплетную мастерскую.

Ковалевскій и Ковалевская, мужъ я жена. Онъ — интелдантскій чиновникъ.

Лопухиновъ, адресъ: Михайловская площадь, д. № 2 (Жеребина). Состоялъ для справокъ въ III отд. и всеюю прикомандированъ къ управл. Шлагату.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Изъ міра мерзости и запустѣнія.

I.

Станиславъ Бржозовскій.

(Naprzod, 5 мая 1908 г.)

Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдъ за органомъ одной изъ работающихъ въ русской Польшѣ партій („Красное Знамя“, органъ с.-д. Корол. Польши и Литвы), намъ пришлось опубликовать неслыханный фактъ.

Станиславъ Бржозовскій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ польскихъ писателей, — шпионъ на службѣ царской полиціи!

Это извѣстіе произвело повсюду сильное впечатлѣніе. Иначе и не могло быть. Вѣдь передъ нами человекъ, который, если судить по его произведеніямъ, являющимся отраженіемъ его души, долженъ былъ бы парить надъ самыми вершинами человѣческаго духа. И въ то же время насъ возмущаетъ пропитанъ гнилью!

Какъ это ужасно! Какъ мерзко! Какъ непонятно!

Это — человекъ, одаренный необыкновенными способностями, богатымъ литературнымъ талантомъ, рѣдкимъ философскимъ умомъ, поразительнымъ даромъ слова, лучшей литературный критикъ нашего времени.

Когда читаешь его характеристики современныхъ нашихъ писателей, характеристики, вскрывающія ихъ души съ такой удивительной непосредственностью, что онъ является передъ тобою, какъ живыя, обнаженные до глубочайшихъ тайниковъ своего бытія, — когда читаешь его статьи, писанныя какъ бы кровью сердца, — когда по его слѣдамъ идешь въ святая-святыхъ глубочайшихъ загадокъ міра и духа, — кому бы тогда пришло въ голову подозрѣвать въ чемъ-либо низкомъ, грязномъ и подломъ эту душу, которая вознесла насъ въ дивныя края творчества человѣческаго генія!

Но это не все! Станиславъ Бржозовскій не только наблюдалъ революціонное движеніе, о которомъ онъ писалъ въ теченіе ряда годовъ отчеты для „охранки“. Вѣдь, всѣ его статьи проникнуты идеей социализма, которая бьетъ ключемъ изъ нихъ. Бржозовскій былъ фанатическимъ глашатаемъ марксистскаго міросозерцанія, въ которомъ онъ видѣлъ глубочайшій синтезъ человѣческаго духа и которое онъ старался развить въ философскую систему, охватывающую въ стройное цѣлое все міровое движеніе и объясняющую всѣ явленія исторіи человѣчества и природы... И все это было въ его произведеніяхъ, такъ горячо и пылко, производило впечатлѣніе такой стихійной искренности, такой страстной любви къ идеѣ!... И подумаешь, что та же рука, въ томъ же стилѣ, придерживаясь того же научнаго метода, — писала шпионскіе отчеты для царской полиціи, объясняла россійскимъ жандармамъ съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи проявленія революціонной борьбы и дѣятельности социалистическихъ партій!

Утромъ — пламенная статья, вечеромъ — полицейскій отчетъ... Тою же рукою, въ томъ же стилѣ! Прямо непостижимо!

Правда, былъ уже разъ въ Варшавѣ шпионъ-литераторъ: Вишневскій, сотрудникъ стараго варшавскаго „Голоса“, а затѣмъ полицейскій шпионъ по политическимъ дѣламъ, недавно убитый боевой организаціей. Но это былъ писатель не такой величины, какъ Бржозовскій!

не такая выдающаяся личность, да и свою шпионскую карьеру онъ началъ, когда закончилъ литературную, а не одновременно.

Правда, прошлое Бржозовскаго не безупречно. Находясь въ нуждѣ, онъ, молодой студентъ, укралъ общественныя деньги, довѣренныя ему „Братской помощью“ слушателей варшавскаго университета. Затѣмъ, при своемъ арестѣ, онъ „проваливалъ“ на допросахъ товарищей. „Грѣхи молодости!“ — общество простило ему ихъ, онъ искупилъ ихъ своимъ талантомъ, своими литературными работами. Но ему уже разъ навсегда былъ отрѣзанъ доступъ къ конспиративной работѣ, къ непосредственно революціонной дѣятельности въ какой бы то ни было партійной организации. Въ революціонную работу могутъ быть допущены лишь совершенно безупречныя лица, выказавшія большую силу характера, застрахованныя отъ какихъ бы то ни было припадковъ слабости.

Для Бржозовскаго оставалась литературная работа. И въ этой области, на полѣ литературнаго творчества, расцвѣлъ талантъ Бржозовскаго, снискавъ ему всеобщія симпатіи...

И этотъ человѣкъ — шпионъ, насквозь проѣденный моральной гнилью!

Гдѣ ключъ къ разгадкѣ этой мерзости? Какъ объяснить это уродливое явленіе?

II.

Письмо княгини А. Святополкъ-Мирской.*)

«Просится въ шпионы».

Н. В. Кляточниковъ.

Милостивый Государь!

Я не знаю къ Вамъ ли именно надо обращаться съ предложеніемъ, съ которымъ я обращаюсь, но, думаю, что, если я и ошибаюсь, то Вы будете такъ добры, что направите его, куда слѣдуетъ, и не оставите меня въ неизвѣстности и напрасномъ ожиданіи: я хочу поступить въ тайную полицію — и, разъ я на это рѣшилась, — я буду усердно исполнять принятую на себя обязанность.

Образованіе мое, громкая фамилія, которую я ношу, даютъ мнѣ возможность бывать во всѣхъ слояхъ общества, разумѣется, при условіи, чтобы у меня были средства; такимъ образомъ, пользу я могу приносить большую. Кромѣ русскаго и польскаго, — владѣю французскимъ языкомъ, что пригодится, если мнѣ понадобится быть заграницей по дѣламъ службы. Гарантіей моего усердія можетъ служить мое безвыходное положеніе — долги, нужда, которая мнѣ грозитъ и ненависть ко всему человѣчеству: я не могу жалѣть людей, когда никто изъ нихъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь мнѣ, брошенной съ сыномъ мерзавцемъ мужемъ, предварительно заставившемъ меня переносить голодъ, оскорбленія, измѣны на каждомъ шагѣ; онъ даже пытался отравить меня, и никто не заступился, никто не помогъ мнѣ, хотя всѣ знали, какую каторгу мы терпимъ съ сыномъ. Такъ пожалѣю ли я кого-нибудь?

У Васъ не будетъ агента усердѣе меня, только дайте мнѣ возможность принять болѣе приличный видъ, имѣть средства, чтобы благодворить между рабочими и студентами и, такимъ образомъ, быть au courant всего, что творится въ этой вѣчно волнующейся богемѣ.

*) Печатаемъ письмо Святополкъ-Мирской съ оригинала, посланнаго ею варшавскому ген.-губ., а имъ пересланнаго въ охранное отдѣленіе. Судьба ея снѣдательства намъ неизвѣстна, но, по человѣчеству, мы, конечно, болѣе хотѣли бы, чтобы она наложила на себя руки, чѣмъ поступила она службу Его Императорскаго Величества». Ред.

Итакъ, отнынѣ я отдаю мою жизнь на службу Его Императорскаго Величества и рассчитываю, въ свою очередь, на Его Высокое Покровительство.

Я прошу, чтобы жалоба, поданная мною на моего мужа на Высочайшее Имя, была рассмотрѣна въ наискорѣйшемъ времени, и такъ какъ, по рассмотрѣннн этого дѣла, окажется, что я была права, то я прошу, чтобы ходатайство мое было исполнено. Мужъ мой не остановился даже передъ ложью и на Высочайшее Имя, и въ отвѣтъ на мою жалобу заявилъ: что въ паспортѣ онъ мнѣ не отказываетъ (но до сихъ поръ, не смотря на всѣ мои просьбы, не далъ мнѣ его), что не отказывается давать мнѣ и сыну 150 руб. въ мѣсяцъ (но не даетъ ихъ), и что согласенъ дать 1/3 преміи (которую уже всю забралъ изъ кассы). Затѣмъ, онъ заявилъ даже, что подалъ на меня жалобу въ консисторію, — и все это только для того, чтобы оттянуть время до конца службы въ первыхъ числахъ августа, такъ какъ онъ даже не явился на вызовъ ксендза въ третій разъ, и я ничего до сихъ поръ изъ консисторіи не получаю. Все это было уловкой, чтобы мое дѣло ничѣмъ не кончилось, а теперь онъ смѣло опять морить меня голодомъ, не давая мнѣ опять ни гроша. Какъ можетъ мужъ затѣять дѣло въ консисторіи, когда у него нѣтъ ни одного повода жалобы на меня, а у меня полны руки такихъ фактовъ, которые мнѣ даютъ полное право требовать развода, чего я, однако, не хочу. Но цѣль его достигнута: мое дѣло оставлено безъ послѣдствій, и только потому, что этотъ негодяй навралъ и Оберъ-полицеймейстеру варшавскому и въ заявленіи на Высочайшее Имя.

Я прошу учрежденіе, къ которому отнынѣ хочу принадлежать, употребить свое вліяніе, чтобы дѣло мое разобралось скорѣй, такъ какъ въ августѣ сего года мужъ окончательно покидаетъ Варшаву, и я лишена буду возможности узнать, куда онъ уѣдетъ, и потому мнѣ нельзя будетъ и судиться съ нимъ. Рѣшеніе въ мою пользу дѣла съ мужемъ желательно еще и потому, чтобы всѣ предполагали, что я именно на эти средства живу.

Я предполагаю, что мои услуги будутъ оплачиваться и дадутъ мнѣ возможность воспитывать сына. Еще мнѣ нужно покровительство Ваше, чтобы сына моего, узаконеннаго мужемъ, приписать къ ихъ роду, въ 6-ю книгу Виленскаго дворянства, въ наискорѣйшемъ времени, чего мужъ мой не хочетъ, но что намъ съ сыномъ необходимо, такъ какъ иначе его не примутъ въ университетъ.

Я предупреждаю Васъ, что я не первой молодости, но во мнѣ много энергии, а при средствахъ и виѣшность будетъ такая, какая требуется.

Даже въ семьѣ моего мужа, начиная съ его ложной метрики, есть много для полиціи интереснаго. Умоляю о скоромъ отвѣтѣ, и также о немедленномъ разборѣ дѣла моего на Высочайшее имя, поданное за № 36636, V отдѣленіе, столъ 2-й. При этомъ считаю нужнымъ предупредить, что здѣшняя полиція задерживаетъ бумаги по мѣсяцу.

Сейчасъ я живу этой надеждой — разъ и это не исполнится — положеніе мое сдѣлается критическимъ; мнѣ останется только наложить на себя руки, что и мнѣ нежелательно, и вы потеряете во мнѣ чело-вѣка, который могъ бы привести Вамъ много пользы.

Съ истиннымъ почтеніемъ

Анеля Святополкъ-Мирская.

Институтская 3, кв. 1.
Варшава (1906 г.)

Отъ редакціи журнала „Былое“.

Выпускомъ настоящаго 7-го № „Былого“ мы возобновляемъ за границей историческій журналъ, издававшійся тамъ въ 1900—1904 гг. Мы прекратили его изданіе въ 1905 году, какъ только въ Россіи оказалась возможность въ легальной литературѣ болѣе или менѣе свободно заняться изученіемъ „былого“ освободительнаго движенія.

Въ настоящее время, Stolypino regnante, всѣмъ, кто хотѣлъ бы въ литературѣ проводить свои идеи безъ утайки, снова приходится или переходить въ подполье, или перебираться за границу. Въ Россіи опять стали невозможны не только свободные публицистическіе органы, но съ большимъ трудомъ могутъ существовать даже строго историческіе журналы.

Возобновляя за границей „Былое“, мы болѣе всего желали бы, чтобы условія русской печати возможно скорѣе измѣнились такъ, чтобы нашъ заграничный станокъ снова сталъ ненужнымъ.

7-й № „Былого“, какъ и предыдущія наши изданія, ясно говоритъ нашимъ читателямъ, какія цѣли мы будемъ преслѣдовать, и наши друзья-читатели безъ особыхъ нашихъ разъясненій поймутъ, чѣмъ они могутъ быть намъ полезны. Съ многими изъ нихъ намъ за эти послѣдніе годы приходилось много бесѣдовать и лично, и письменно, — если же оказалось бы необходимымъ, мы могли бы снова и снова повторить то, о чемъ мы говорили съ ними раньше и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Намъ, слѣдовательно, можно теперь лишь кратко резюмировать свои просьбы къ друзьямъ-читателямъ. Кому въ руки попадутъ эти строки и кто не пойдетъ навстрѣчу начатой нами работѣ, тотъ не можетъ отговориться незнаніемъ того, чего мы ждемъ отъ него, и чѣмъ онъ могъ бы быть полезнымъ въ общемъ дѣлѣ. Разгадка такого равнодушія къ большому, нужному дѣлу, крайне важному, по нашему мнѣнію, для текущей борьбы съ реакціей въ Россіи, будетъ заключаться или въ обычныхъ для большинства халатности и равнодушія къ борьбѣ, или въ непониманіи важности изученія исторіи освободительнаго движенія, или, наконецъ, въ знаменитыхъ „нашихъ разногласіяхъ“, въ преступныхъ „нашихъ разногласіяхъ“, которыя такую славную службу сослужили правительству Александра III и Николая II.

Чтобы продолжать начатое дѣло, мы просимъ нашихъ друзей-читателей доставить намъ:

1. Воспоминанія и статьи объ освободительномъ движеніи, — особенно о 1905-1906 гг., — въ родѣ той статьи, какую мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ объ урупскихъ казакахъ. Этого рода статьямъ мы придаемъ большое значеніе и отведемъ имъ въ нашемъ изданіи много мѣста.

Необходимо возстановить точно картины наиболѣе яркихъ эпизодовъ этихъ замѣчательныхъ послѣднихъ лѣтъ и дать безпристрастную оцѣнку выдающихся дѣятелей того и этого лагеря.

Въ лагерѣ борцовъ освободительнаго движенія было много работниковъ, о которыхъ слѣдуетъ теперь же подробно рассказать въ литературѣ. Ждемъ ихъ біографій или матеріаловъ для ихъ біографій.

Такъ же точно нужно возстановить полностью картину дѣятельности правительства за эти годы, собрать данныя и дать обстоятельную характеристику всѣхъ, отъ воли которыхъ зависѣлъ ходъ русской жизни. Для этого намъ прежде всего, конечно, (на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній) необходимо изучить во всѣхъ мелочахъ личность и дѣятельность царя, который, самъ опредѣлялъ главное направленіе тогдашней правительственной политики и, несомнѣнно, лично оставилъ въ тѣ годы огромный слѣдъ въ русской исторіи. Затѣмъ, предметомъ нашего тщательнаго изученія должна быть дѣятельность великихъ князей, министровъ и другихъ представителей высшей правительственной администраціи и политическаго сыска: Дурново, Витте, Столыпиновъ, Каульбарсовъ и т. д.

На эту тему для „Былого“ необходимо все: обстоятельныя характеристики, документы, отрывочные факты и т. д.

На эту нашу просьбу мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ корреспондентовъ, — тѣмъ болѣе, что безпристрастное и всестороннее изученіе личности и дѣятельности царя и окружающихъ его всего менѣе доступно русской легальной прессѣ, — а это изученіе такъ важно и такъ необходимо для правильнаго пониманія исторіи и современныхъ событій.

2. Разнаго рода политическіе документы и печатныя произведенія свободной прессы, какъ за послѣдніе, такъ и за предыдущіе годы. Мы страстно хотѣли бы убѣдить всѣхъ, кого слѣдуетъ, что неразумно, преступно хранить архивы въ Россіи подъ бокомъ у Трусевича, Гершельмана, Каульбарса и т. д., — пора перестать думать, что въ Россіи существуетъ конституція, гарантирующая свободу печати и сохранность историческихъ матеріаловъ. Въ Россіи изо-дня въ день изъ опасенія обысковъ уничтожается навсегда огромное количество самыхъ драгоценныхъ документовъ, — а то, что запрятано въ тайники, недоступныя Столыпинымъ, оказывается совершенно недоступнымъ и для изученія, благодаря условіямъ, при которыхъ сохраняется. Поэтому мы просимъ своихъ корреспондентовъ позаботиться о томъ, чтобы имѣющіеся архивы переправить (это такъ не трудно!) за границу. Здѣсь все будетъ сохранено до будущихъ лучшихъ временъ, которыя наступятъ для русскаго общества — надѣмся скоро, — и въ настоящее же время сдѣлается доступнымъ для изученія, а, слѣдовательно, и для того, чтобы всѣмъ этимъ возможно было воспользоваться въ интересахъ современной борьбы.

„Былое“ — не археологическое изданіе, — на его страницахъ уже появилось много того, что оказалось полезнымъ для текущей борьбы.

Всѣ изданія запрещенной литературы (листки, брошюры, номера газетъ) мы просимъ доставлять намъ въ 5—6 экз. для того, чтобы все это, пока въ Россіи царятъ жандармы, сохранить за границей, а современемъ переслать въ главныя русскія книгохранилища.

3. Обвинительные акты по политическимъ дѣламъ, описаніе процессовъ, письма подсудимыхъ и т. д. Изъ старыхъ процессовъ у насъ нѣтъ даже обвинительныхъ актовъ по дѣламъ: Малиновскаго (74 г.), Ковальской (81 г.), Дзвонкевича (83 г.), Гориновича (83 г.), Оржиха (88 г.) и др. Очень важно собрать обвинительные акты и др. документы по новѣйшимъ процессамъ: крестьянскимъ, рабочимъ, военнымъ.

4. Тайныя правительственныя изданія, циркуляры, секретныя записки. Тѣмъ, кто имѣетъ возможность доставить такіе документы, мы могли бы сообщить, что особенно желательно достать и чего у насъ пока нѣтъ.

5. Письма, автографы (Желябова, Перовской, Гриневицкаго, А. Михайлова и выдающихся новѣйшихъ дѣятелей), карточки (Ковальскаго 78 г., Россиковой, Кибальчича, Теллалова, Клѣточникова и новѣйшихъ дѣятелей), картины, рисунки. Многія изъ опубликованныхъ карточекъ очень неудовлетворительны. Мы обращаемся къ товарищамъ съ горячей просьбой — бережно отнести ко всякаго рода историческимъ реликвіямъ и хранить ихъ, чтобы это и теперь и впоследствии могло говорить о тяжелой бѣрѣбѣ, которую ведутъ дѣятели освободительнаго движенія и сохранить навсегда память о нихъ. Какъ много погубло и погибаетъ ежедневно изъ того, что мы должны были сохранить, какъ самыя дорогія воспоминанія о „быломъ“ въ оппозиціонномъ и революціонномъ движеніи!...

И въ данномъ случаѣ, — какъ на мѣсто для храненія реликвій, мы укажемъ на за границу, находящуюся за предѣлами досягаемости для Герасимовыхъ и Думбадзе съ ихъ длинными руками и огромными жандармскими апетитами, гдѣ ни Клемансо, ни Аскитъ, никто не почувствуетъ желанія занести руку надъ архивами русскаго освободительнаго движенія.

6. Легально или полунегально изданные листки, брошюры, сочиненія и отдѣльные номера періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ, какъ лѣвыхъ, такъ и правыхъ партій.

Повторимъ здѣсь то, что мы говорили въ 1 № заграничнаго „Былого“ въ 1900 г.: — то, что нами будетъ получено, будетъ современемъ передано въ общерусскій музей. Теперь основаніе такого музея въ самой Россіи не за горами, потому что не за горами и свобода въ Россіи. Но собираніемъ матеріаловъ и спасеніемъ ихъ отъ уничтоженія мы должны заняться теперь же. Мы надѣемся этой задачей заняться систематически и привлечь къ ней возможно больше товарищей. Условія заграничной жизни даютъ намъ полную къ этому возможность. Мы можемъ съ особымъ удовольствіемъ констатировать, что сознаніе необходимости отыскивать матеріалы и документы явилось у многихъ за послѣдніе годы, — и многимъ изъ собраннаго удалось уже воспользоваться въ текущей журналистикѣ въ интересахъ серьезной общественной борьбы.

Но наша задача не будетъ заключаться только въ собираніи сырыхъ матеріаловъ и использованіи ихъ на страницахъ „Былого“. При нашей редакціи группою лицъ предпринята систематическая сводка разнаго рода хронологическихъ и библиографическихъ данныхъ, относящихся до освободительнаго движенія. Для этой цѣли въ настоящее время предпринята тщательная выборка свѣдѣній изъ имѣющихся печатныхъ источниковъ (изъ книгъ, газетъ, журналовъ и т. д.), — и для этого же нами уже разосланы слѣдующіе вопросные листки, на которые желательно получить возможно полные отвѣты:

1. ВОПРОСНЫЙ ЛИСТОКЪ

для собиранія свѣдѣній объ участникахъ освободительнаго движенія.

Для подготавливающагося словаря участниковъ русскаго освободительнаго движенія и для нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ работъ по новѣйшей исторіи революціонной борьбы редакція „Былого“ проситъ сообщить по слѣдующей программѣ свѣдѣнія обо всѣхъ, кто такъ или иначе былъ причастенъ къ освободительному движенію:

1) фамилія, имя, отчество, псевдонимы (въ литературѣ и жизни), національность, сословіе, вѣроисповѣданіе, образованіе, занятіе и т. д.

- 2) Годъ, число, мѣсто рожденія и другія біографическія свѣдѣнія.
- 3) Когда, гдѣ, по какому дѣлу былъ арестованъ, гдѣ судился, каковъ былъ приговоръ, въ какихъ тюрьмахъ содержался, когда освобожденъ?
- 4) Въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ принималъ участіе?
- 5) Не участвовалъ ли въ литературѣ? въ какихъ именно изданіяхъ?
- 6) Не было ли въ литературѣ біографическихъ матеріаловъ о немъ и свѣдѣній объ его дѣлѣ? Не были ли помѣщены гдѣ нибудь его портреты?

Желательно получить о каждомъ лицѣ возможно болѣе подробные автобіографическіе и біографическіе матеріалы (его характеристику, оцѣнку его дѣятельности, описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ его жизни, свѣдѣнія о настоящемъ мѣстѣ нахождения и пр.). Просимъ не останавливаться предъ неполнотой и отрывочностью свѣдѣній.

Само собою разумѣется, присланными намъ свѣдѣніями будутъ пользоваться въ литературныхъ работахъ въ предѣлахъ, указанныхъ авторами отвѣтовъ на вопросные листки, и вообще лишь по столько, по скольку это будетъ возможно по конспиративнымъ и инымъ соображеніямъ.

Примѣчаніе. Аналогичныя свѣдѣнія желательно получать также и о наиболее вредныхъ врагахъ освободительнаго движенія: предателяхъ, провокаторахъ, сыщикахъ, жандармахъ, тюремщикахъ, судьяхъ, прокурорахъ и т. д. Необходимо составить также біографическій словарь и этихъ «дѣятелей», — историкамъ освободительнаго движенія придется не мало имѣть дѣла съ ихъ біографіями.

Просимъ нашихъ корреспондентовъ сообщать намъ адреса лицъ, къ которымъ мы могли бы обратиться за дополнительными свѣдѣніями къ даннымъ отвѣтамъ по этому вопросному листку.

2. ВОПРОСНЫЙ ЛИСТОКЪ

для собиранія свѣдѣній для хронологической канвы по исторіи освободительнаго движенія.

- а) Установить года и числа событій;
  - б) составить списокъ членовъ революціонныхъ и общественныхъ организацій съ указаніемъ временъ вступленія ихъ въ организаціи;
  - в) дать списокъ лицъ, участвовавшихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ (сѣздахъ, конспиративныхъ квартирахъ, типографіяхъ, террористическихъ покушеніяхъ, побѣгахъ, динамитныхъ взрывахъ и т. д.).
  - г) собрать свѣдѣнія о наиболее крупныхъ стачкахъ и аграрныхъ движеніяхъ;
  - д) указывать литературу, относящуюся къ перечисляемымъ событіямъ.
- NB. Свѣдѣнія о событіяхъ слѣдуетъ давать по годамъ, а затѣмъ уже располагать по мѣстностямъ и по отдѣламъ («аресты», «борьба», «побѣги», «некрологи», «правительственныя распоряженія», «литература» и т. д.), — какъ это было сдѣлано въ сборникѣ «За сто лѣтъ».

Сдѣлаемъ стговорку по поводу этихъ разосланныхъ листковъ, — хотя, по правдѣ сказать, эта оговорка излишняя.

Намъ часто приходилось выслушивать замѣчанія такого рода, что по этимъ листкамъ нельзя давать отвѣтовъ относительно всѣхъ лицъ и относительно всѣхъ событій. Это само собою разумѣется: мы живемъ еще, къ сожалѣнію, въ такое время, когда на почтѣ хозяйничаютъ жандармы. Конечно, какъ общее правило, лица, присылающія свѣдѣнія по почтѣ, могутъ давать отвѣты только въ тѣхъ предѣлахъ, которые дать возможно въ рамкахъ, допустимыхъ конспираціей. О многихъ казенныхъ, чье имя не открыто, въ большинствѣ случаевъ нельзя ничего сказать въ данное время; — наоборотъ, о многихъ, изъ находящихся на волѣ легальныхъ лицъ, возможно дать обстоятельныя свѣдѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, того, что можно записать и теперь, такъ много, что и это дастъ возможность нарисовать относительно полную картину движенія.

Желающимъ принять участіе въ общей работѣ собранія и систематизаціи свѣдѣній мы могли бы дать еще и спеціальныя указанія.

* * *

Итакъ, возобновляя изданіе заграничнаго „Былого“, мы будемъ горячо убѣждать всѣхъ заняться внимательно изученіемъ ближайшаго и отдаленнаго „былого“ освободительнаго движенія, записывать свои воспоминанія, помочь намъ въ отыскиваніи матеріаловъ и т. д. На изданіе журнала, на веденіе ряда кропотливыхъ хронологическихъ, біографическихъ и бібліографическихъ работъ, на собраніе всего нужнаго для будущаго архива мы будемъ звать товарищей затратить много времени, средствъ и энергіи, но дѣлать это мы будемъ не только въ интересахъ сохраненія свѣдѣній и матеріаловъ для будущихъ историковъ (это тоже очень важно), — это мы будемъ дѣлать въ глубокой увѣренности, что такая работа нужна и въ настоящее время для правильной и широкой постановки нашей освободительной борьбы. Чѣмъ лучше мы будемъ изучать „былое“, тѣмъ большій вкладъ мы сдѣлаемъ въ сегодняшнюю общую политическую борьбу, — тѣмъ правильнѣе мы ее поставимъ.

Для такого служенія дѣлу политической борьбы мы много могли бы сдѣлать на страницахъ заграничнаго историческаго органа. Необходимо только, чтобы нашей задачей было не одно собраніе и печатаніе въ „Быломъ“, хотя бы и очень интересныхъ, и очень важныхъ статей, — а нѣчто большее. Нужно эту работу связать съ происходящей въ Россіи борьбой и отвѣтить на задачи, которыя волнуютъ борющихся въ Россіи, лучше познакомить ихъ съ условіями, въ которыхъ приходится работать, напомнить имъ о лучшихъ страницахъ прошлаго, и подѣлиться опытомъ предшественниковъ, чей примѣръ такъ нуженъ въ данное время, помочь во время обойти подводные камни, въ нужное время нанести нашему общему врагу ударъ и пригвоздить его къ позорному столбу, сорвать маску съ волковъ въ овечьей шкурѣ, сказать доброе слово тѣмъ, кто, выбиваясь изъ силы, идетъ впередъ, и разказами о „быломъ“ освѣтить дорогу и дать совѣтъ, что дѣлать теперь... теперь, когда реакція достигла своей цѣли и вволю мясничествуетъ.

Таковы задачи заграничнаго „Былого“, — намъ кажется, на эти задачи уже и настоящій номеръ нашего журнала даетъ кой-какіе отвѣты. Мы приглашаемъ и отдѣльныхъ дѣятелей и представителей всѣхъ безъ различій оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій воспользоваться страницами нашего органа и продолжать начатую работу.

При серьезной поддержкѣ товарищей, — мы хотѣли бы думать, что она будетъ —, мы достигнемъ поставленныхъ нами цѣлей, — мы въ этомъ увѣрены, мы это знаемъ. Путь, которымъ мы шли до сихъ поръ, уже далъ блестящіе результаты, — мы объ этомъ слышали часто и отъ людей, далеко съ нами несогласныхъ во многихъ крупныхъ вопросахъ.

Дальнѣйшая наша работа должна итти прежнимъ путемъ, но по этому пути надо итти съ новыми силами и новыми товарищами. Мы зовемъ сочувствующихъ намъ друзей-читателей не къ какому-нибудь новому, невѣдомому дѣлу, — мы ихъ зовемъ итти вѣрно намѣченной, провѣренной дорогой.

Вл. Бурцевъ.

Отпечатки :

Напечатано :

На стр. 7 и слѣд.

Курчановъ

На стр. 13 и слѣд.

Гіагинскую

На стр. 94

Гессе еще очень

Слѣдуетъ читать :

Кургановъ

Гіачинская

Гессе очень

„БЫЛОЕ“ можно приобрести также въ слѣдующихъ
книжныхъ магазинахъ:

- Paris.** Librairie de « L'Humanité », 14, rue du Croissant.
— Librairie Schultz, 3, Place de la Sorbonne.
— Русская книжная торговля, 70, rue Claude Bernard.
— Brockhaus, 17, rue Bonaparte.
— Boyeveau Chevillet, 22, Rue de la Banque.
— H. Gateau, Rue Castiglioni, 8.
— Le Sondier, 174—176, Boulevard S-t. Germain.
- London.** Russian Free Press Fund, 18, Augustus Road Brackenburg Rd She-
perds Bush.
- Berlin.** Liliental, 101, Friedrichstr.
— Русский Проводникъ. Unter den Linden.
- Genève.** Librairie Georg et Co.
- Vevey,**
Montreux, } Schelhesinger.
Territet. }
- Zurich.** Buchhandlung. A. Seidel, Sonnenquai.
- Berne.** Buchhandlung. A. Francke. Bahnhofplatz.
- New-York.** M. N. Maisel, 194, East Broadway.
- Genova.** Libreria Moderna di Giovanni Ricci, Galleria Mazzini.
- Napoli.** Libreria Antonio Vallardi, Via Roma 37-38.
- Nice.** Gross, 2, rue Maccaroni.
— O. B. Rosanoff, 3, rue Longchamps.
— Kleidmann, 7, rue Cotta.

Адресъ редакціи журнала „Былое“:

V. Bourtzeff, 11, rue du Lunain (XIV^{arr.}), Paris.

Для личныхъ объясненій редакція открыта ежедневно (кромя
праздниковъ) отъ 2-хъ до 4-хъ.

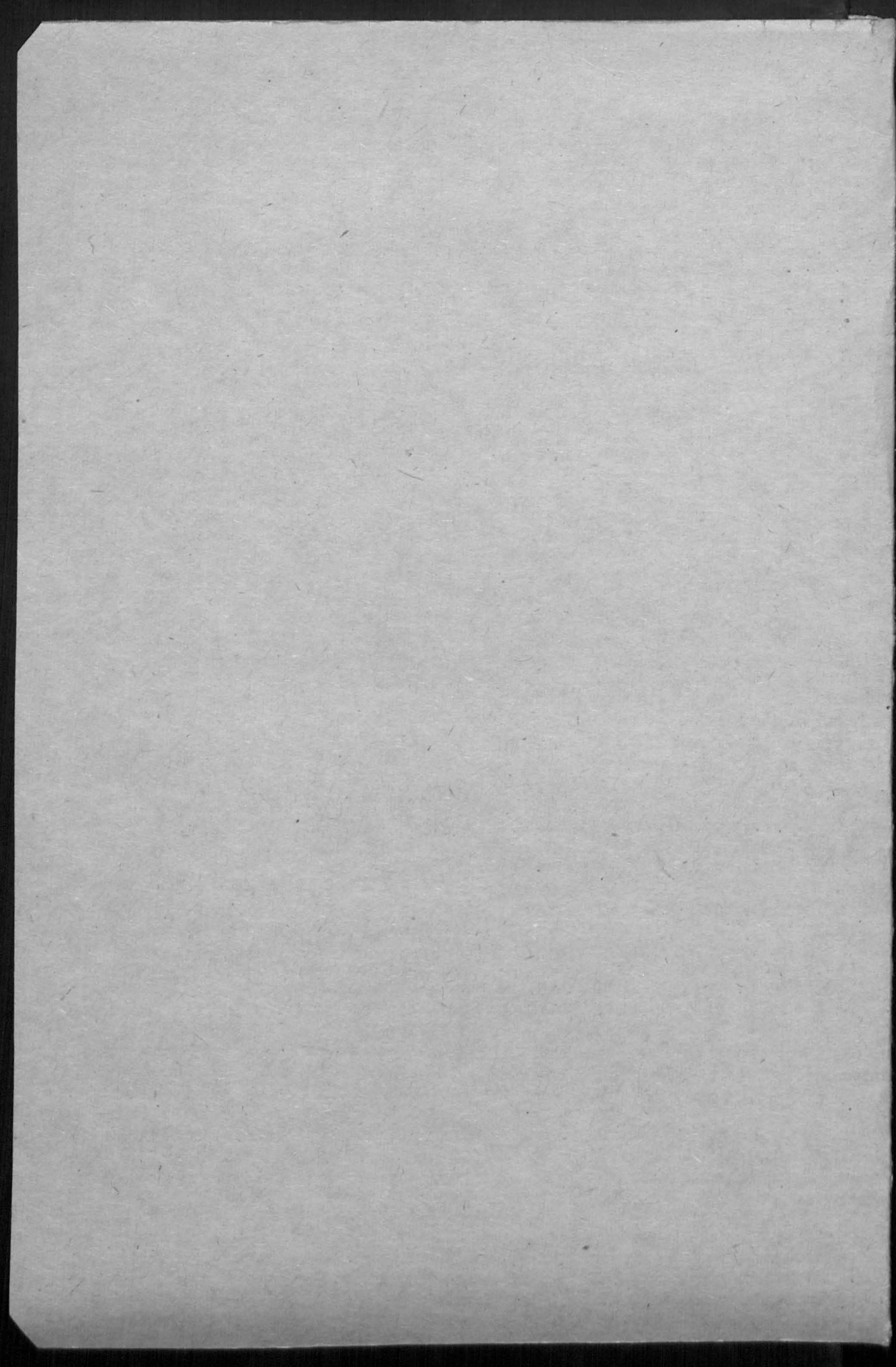
Дѣловыя письма, во избѣжаніе недоразумѣній, просятъ
посылать заказными.

На письмахъ, не предназначенныхъ лично редактору, просимъ
дѣлать надпись: Въ контору журнала „Былое“.

№№ 1—6 заграничнаго „Былого“ въ продажѣ не имѣются.

Цѣна № 7 „Былого“ — 3 фр.; съ пересылкой и доставкой
въ Россію — 2 рубля.

Prix : 3 francs.

Skanowanie i opracowanie graficzne na CD-ROM :

ul. Krzemowa 1

62-002 Suchy Las

www.digital-center.pl

biuro@digital-center.pl

tel./fax (0-61) 665 82 72

tel./fax (0-61) 665 82 82

Wszelkie prawa producenta i właściciela zastrzeżone.

Kopiowanie, wypożyczenie, oraz publiczne odtwarzanie w całości lub we fragmentach zabronione.

All rights reserved. Unauthorized copying, reproduction, lending, public performance and broadcasting of the whole or fragments prohibited.